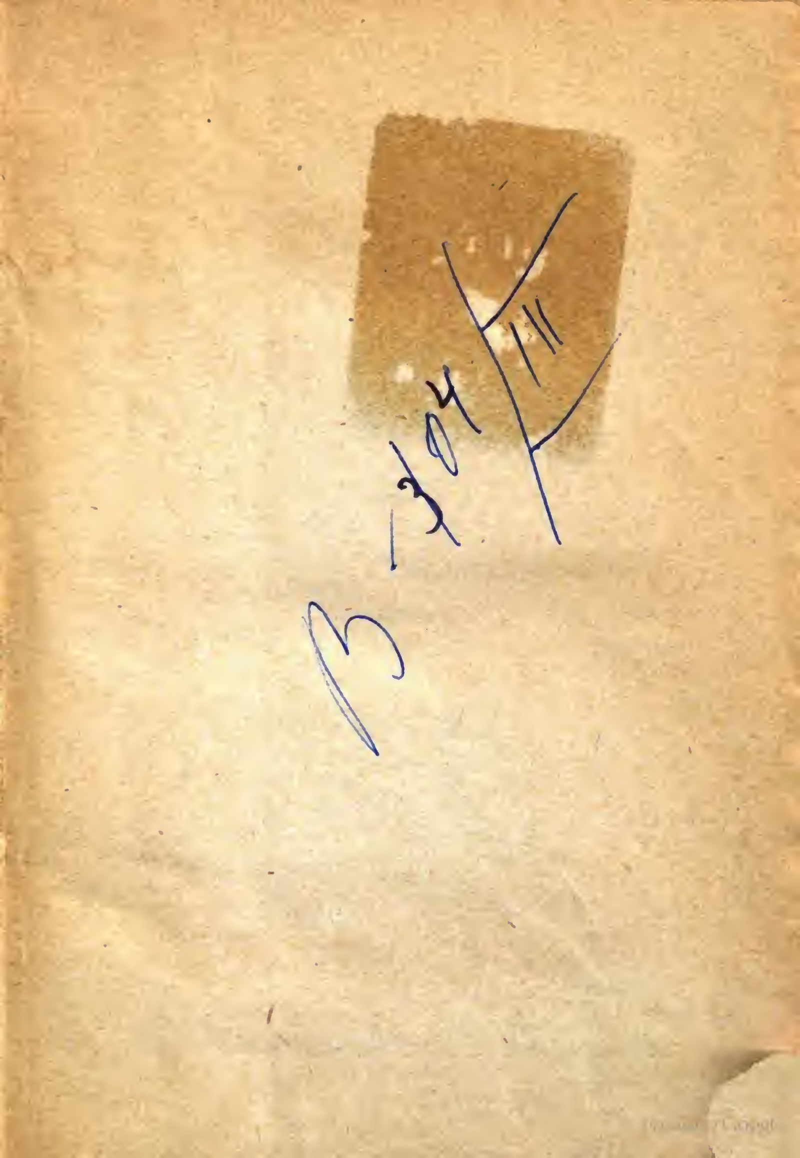
TALISMAN″, ILI RIŠARD″ V″ PALESTINL·. IZ″ ISTORII VREMEN″ KRESTOVYH...

Walter Scott

B - 3704

ТАЛИСМАНЪ,

ИЛИ

РИШАРДЪ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ТАЛИСМАНЪ,

ИЛИ

РИШАРДЪ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ.

ИЗЪ

ИСТОРІИ ВРЕМЕНЪ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

ВАЛТЕРА-СКОТТА.

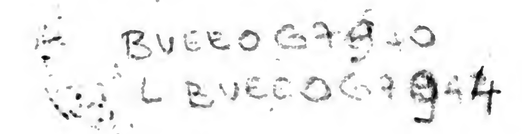

ЧАСТЪ ТРЕТІЯ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1827.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, три для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Декабря 23 дня 1826 года. Рукопись въ 3 частяхъ разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ

Димитрій Перевощиковъ.

ТАЛИСМАНЪ,

или

РИШАРДЪ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ.

КНИГА I.

„Даншова Беактриса, и Мильшонова Ева
Не съ нашуры писаны;
Имъ нѣтъ подобныхъ женъ;
Нѣтъ щасшливаго супружесшва.“
Донъ-Жуанъ, Лорда Байрона.

Ришардъ ни мало не подозрѣвалъ адской измѣны, замышляемой прошивъ него, о которой упомянули мы въ предъидущей книгѣ. Одержавъ верьхъ, по крайносши мгновенный, скрѣпленіемъ ослабленнаго союза крестоносныхъ владѣтелей, и вну-

живъ имъ желаніе продолжать войну ревностно, онъ ни о чемъ столько не заботился, какъ о возстановленіи мира и тишины въ собственномъ семействѣ. Разбирая хладнокровно вещи при здравомъ сужденіи, ему хотѣлось прямо изслѣдовать, что было причиною пропажи знамя, и увѣриться, какъ далеко простиралась взаимная привязанность между родственницею его Эдифью и Шотландскимъ бродягой, которому запретилъ онъ показываться на глаза свои.

Въ слѣдствіе чего Королева и всѣ придворные ея дамы очень удивились, видя входящаго къ нимъ Фому Вокса, съ объявленіемъ повелѣнія Лади Калистѣ Монтгальярдъ, первой Статсъ-Дамѣ Беренжеры, немедленно явиться къ Государю.

—Что мнѣ сказать ему, Государыня? спрашивала Калиста у трепещущей Беренжеры. Онъ убьетъ всѣхъ насъ.

— Не опасайтесь ничего, сударыня, сказалъ Воксъ; Король пощадилъ жизнь Шотландскаго Рыцаря, главнаго виновника, и отдалъ его Мавр-

скому лѣкарю: и такъ, онъ не станетъ строго наказывать дамской вины.

— Выдумай поискуснѣе какую-нибудь сказку, Калиста, сказала Королева; Ришарду нѣкогда изслѣдовать въ точности истины.

— Разскажите ему всю истину, какъ что было, сказала Лади Эдифь, иначе же я сама обьявлю ему всю правду.

— Съ позволенія, Вашего Величества, сказалъ Боксъ, мнѣ кажется, Лади Эдифь подаетъ прекрасный совѣтъ; потому, что хотя Король готовъ повѣрить всему, что Вашему Величеству будетъ угодно сказать ему, но сомнѣваюсь, чтобъ онъ имѣлъ то же снисхожденіе къ Лади Калистѣ, особенно въ этомъ дѣлѣ.

— Лордъ Гисландъ правъ, сказала Лади Калиста, бывъ въ страшномъ волненіи, воображая себѣ какъ труденъ будетъ для нее наступающій допросъ. Въ добавокъ, еслибъ я и съумѣла выдумать какую правдоподобную исторію, то не думаю, чтобы у меня достало духу разсказать ее Королю.

Въ этихъ-то благопріятныхъ расположеніяхъ къ истинѣ, Лади Калиста приведена была Воксомъ передъ Короля; она здѣлала полное признаніе въ употребленной ими хитрости для убѣжденія Сиръ Кеннета покинуть свой постъ. Она отдала полную справедливость Лади Эдифи, зная очень, что она не замедлила бы и сама оправдаться, приписавъ главную вину Королевѣ, Государынѣ своей, въ твердомъ увѣреніи, что проступки ея покажутся извинительными въ глазахъ Львинаго-Сердца. Въ самомъ дѣлѣ Ришардъ былъ снисходительный мужъ; любовь его къ Беренжерѣ простиралась даже до слабости. Пылкой гнѣвъ его давно уже прошелъ, и онъ ни мало не хотѣлъ строго охуждать проступка, котораго не возможно было поправить.

Хитрая Статсъ Дама, какъ легкой ястребъ поспѣшно возвратилась къ Беренжерѣ, обьявивъ ей отъ имяни Государя, что онъ черезъ нѣсколько минутъ къ ней явится самъ, прибавивъ къ этому извѣстію тысячи подробностей, и собственныхъ

замѣчаній, стараясь увѣрить ее, что Ришардъ только для вида хочетъ соблюсти приличную суровость, для внушенія своей супругѣ раскаянія въ ея шалости, и что потомъ, милостиво проститъ какъ Королеву, такъ и всѣхъ участницъ въ ея винѣ.

— Стало попутный вѣтеръ дуетъ съ нашей стороны, Калиста? сказала Беренжера, облегченная Королевскимъ благорасположеніемъ; повѣрь мнѣ, дочь моя: Ришарду, не смотря на то, что онъ великой воинъ, трудно будетъ превозмочь насъ въ этомъ дѣлѣ. Скажу словами нашихъ Пиренейскихъ пастуховъ моей Навары: часто кто умышляетъ поцечиться вкругъ насъ шерстью, самъ уйдетъ обстриженнымъ.

Отобравъ отъ Калисты всѣ освѣдомленія, какія только могла она сообщить ей, Королева вооружилась всѣми прелестьми, нарядясь какъ можно плѣнительнѣе, съ надѣянностью дожидаясь прибытія Героя, своего супруга.

Онъ пришелъ, и увидѣлъ себя въ равномъ положеніи съ владѣтелемъ,

который вступивъ въ оскорбившую его провинцію, и полагая, что ему остается только здѣлать нѣсколько выговоровъ виновнымъ, и принять отъ нихъ покорность, находитъ ее, сверхъ чаянія своего, въ совершенномъ сопротивленіи, и власть свою пренебрегаемую.

Беренжера совершенно знала всю силу своихъ прелестей, и неограниченную привязанность къ ней Ришарда; она была увѣрена, что можетъ предписывать законы, какъ скоро прошелъ первый пылъ грознаго его гнѣва, безъ всякихъ послѣдствій. Вмѣсто того, чтобъ выслушать дѣлаемые ей упреки Государемъ, столько ею заслуженные легкомысленнымъ ея поступкомъ, она защищалась, называя проступокъ свой невинною шуткою. Конечно, она заперлась со всевозможною пріятностью въ данномъ ею порученіи Небектамюсу, проводить Рыцаря дальше горы Святаго Георгія, гдѣ стоялъ онъ на часахъ; и будто никогда на умъ не приходило ей, велѣть ему привесть Сиръ Кеннета въ свой шатеръ.

Употребивъ краснорѣчіе свое защищаясь, она еще больше обнаружила ловкость свою, обвиняя Ришарда въ свирѣпости, что онъ отказалъ ей въ незначущей милости, въ дарованіи жизни злополучному Рыцарю, который отъ невинной шутки употребленной ею, едва не лишился жизни, строжайшимъ и поспѣшнымъ воинскимъ судомъ. Она плакала и рыдала жалуясь на суровое упорство своего супруга, укоряя его жестокостью, что онъ едва на всю жизнь не здѣлалъ ее нещастною, потому, что она никакъ бы не могла забыть того, здѣлавшись причиною такого кроваваго позорища. Въ снахъ ея, безпрестанно бы мечтался ей образъ жертвы обреченной на казнь. И какъ знать, (потому что такіе примѣры случались не рѣдко), не представлялась ли бы ей тѣнь его и на яву? И вотъ какимъ мученіямъ подвергалась она суровостью того, кто увѣряетъ ее въ покорности, называя себя рабомъ малѣйшаго ея взгляда, и который однакожъ, не захотѣлъ отказаться отъ мщенія въ единственномъ толь-

ко случаѣ, хотя бы и вышли изъ того такія ужасныя для нея послѣдствія.

Преизбытокъ женскаго краснорѣчія, сопровождаемый обыкновенными ихъ доказательствами, то есть слезами и вздохами, былъ выражаемъ голосомъ и движеніями чуждыми негодованія, какъ бы происткая не отъ гордости и досады, но отъ оскорбленной чувствительности, видя, что она гораздо меньше имѣетъ вліянія надъ своимъ супругомъ, нежели сколько предполагала.

Добрый Король Ришардъ былъ въ величайшемъ затрудненіи. Напрасно старался онъ разсуждать съ женщиной, ревнующей къ полной любви его, и по этой-то самой причинѣ, онъ не могъ рѣшиться прибѣгнуть къ повелительному тону съ милымъ твореніемъ, которое казалось ему такъ прелестно; и такъ, защищаясь сколько можно, онъ старался разсѣять ея сомнѣнія на щетъ его нѣжности, и утишить ее неудовольствіе. Наконецъ напомнилъ онъ ей, что она можетъ вспомнить о прошедшемъ безъ упрековъ совѣ-

сти, и не страшась тѣни мертвеца, потому что онъ даровалъ жизнь Сиръ Кеннету, и отдалъ его великодушному Маврскому лѣкарю, который конечно лучше всѣхъ будетъ умѣть подкрѣплять его здоровье, и продолжить жизнь его.

Но послѣднія эти слова были для Королевы разительнѣйшимъ ударомъ. Вся горесть ея возобновилась при мысли, что Сарацинъ, лѣкарь, успѣлъ получить эту милость, о которой она тщетно умоляла его на колѣняхъ.

При новой этой жалобѣ, Ришардъ началъ выходить изъ терпѣнія, и отвѣчалъ ей съ важнымъ, пасмурнымъ видомъ: Беренжера, этотъ лѣкарь спасъ мнѣ жизнь, и если ты хоть мало дорожишъ ею, то не станешъ укорять его въ полученной имъ наградѣ, единственной, которую онъ согласился отъ меня принять.

Королева почувствовала тогда, что какетство слишкомъ далеко завлекло ее.

— Для чего же, мой Ришардъ, не привелъ ко мнѣ этаго мудреца,

воскликнула она, чтобЪ и Англійская Королева могла изЪявить ему свою признательность, и изЪяснить, какЪ много уважаетЪ она человѣка, недопустившаго померкнуть солнцу Рыцарства, славѣ Англіи, свѣтилу жизни, и надеждѣ бѣдной Беренжеры.

НаконецЪ, супружеская ссора прекратилась, а чтобы праведному наказанію пасть на кого нибудь, то Король и Королева рѣшили обвинить во всемЪ Небекшамюса. Беренжера уже наскучила глупостью и безобразнымЪ уродствомЪ этаго карла; рѣшено было, удалить его отЪ двора, сЪ вѣнценосною его супругою, Женевіевою; и если онЪ избавился отЪ сѣченія розгами, то это только потому, что Королева увѣрила Государя, что онЪ былЪ уже тѣлесно наказанЪ. РишардЪ, располагаясь немедленно отправить посла кЪ Саладину, сЪ увѣдомленіемЪ о принятомЪ рѣшеніи верховнаго Совѣта, возобновить воинскія дѣйствія тотчасЪ по истеченіи перемирія, и желая вЪ то же время послать кЪ нему великолѣпный подарокЪ, вЪ благодар-

ность за оказанныя ему услуги Эль-Гакимомѣ, рѣшился и нещастныхѣ этихѣ твореній присоединить кѣ нему, какѣ диковинную рѣдкость; чудообразный ихѣ видѣ и разстроенный умѣ составляли прекрасный подарокѣ.

Ришарду нужно было, вѣ томѣ же самый день видѣться и сѣ другою женщиною; но вѣ сравненіи сѣ первоначальнымѣ его подвигомѣ, послѣдній былѣ гораздо для него легче, и онѣ равнодушно вступилѣ на поприще. Хотя Эдифь была прекрасна, хотя онѣ уважалѣ ее, хотя онѣ несправедливо обвинялѣ ее, хотя Беренжера неправильно подозрѣвала его кѣ ней вѣ пристрастіи, и однакожѣ она была ни жена, ни любовница его; и хотя упреки ея были бы основательнѣе Королевиныхѣ, но онѣ меньше опасался ихѣ, нежели жалобѣ своей супруги, какѣ бы не справедливы и своенравны онѣ ни были вѣ сравненіи.

Испросивѣ у ней позволеніе переговорить сѣ нею наединѣ, онѣ былѣ введенѣ вѣ горницу Эдифи, близь Королевиныхѣ покоевѣ, гдѣ двѣ Копт-

скія невольницы, стоя на колѣняхъ въ самомъ отдаленномъ углу горницы, присутствовали при этомъ свиданіи. Длинный черный вуаль покрывалъ прелестную ея голову и станъ исполненный пріятности; во всемъ ея одѣяніи не было ни малѣйшаго украшенія. Она встала и низко поклонилась Ришарду, при входѣ его; сѣла опять по приказанію его, и когда онъ сѣлъ подлѣ нее, то она безмолвно ожидала, о чемъ ему угодно будетъ съ нею разговаривать.

Ришардъ привыкнувъ обходиться съ Эдифью просто, какъ съ родственницею, нашелъ ее пріемъ слишкомъ хладнокровнымъ, и началъ съ нею говорить съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Прекрасная наша сестрица на насъ гнѣвается, наконецъ сказалъ онъ, и мы признаемся, что важные обстоятельства понудили насъ, совсѣмъ понапрасну подозрѣвать ее совершенно въ противныхъ поступкахъ противъ тѣхъ, какіе всегда ей были сродны. Но, покуда мы влачимъ жизнь въ этой мрачной юдолѣ, часто подвержены бываемъ принимать

призраки за вещественность, ложь за истинну. Прелестная моя сестрица, не ужь ли не захочешь простить Ришарда, родственника своего, за излишнюю его запальчивость?

— Кто можетъ отказать въ прощеніи Ришарду, отвѣчала Эдифъ, если Ришардъ можетъ испросить себѣ прощеніе у Англійскаго Короля.

— Нельзя ли потише, прелестная сестрица, возразилъ Ришардъ, вы слишкомъ важный приняли тонъ. Но что это значитъ! къ чему такая унылость и мрачное одѣяніе! съ этимъ чернымъ покрываломъ можно подумать, что вы вчерась только овдовѣли, или по крайности лишились обожаемаго вами любезнаго. Развеселитесь по прежнему. Вамъ вѣрно уже извѣстно, что всѣ причины огорченія прекратились; на что же сохранять плачевное, траурное это одѣянье? о чемъ скорбѣть?

— Объ утраченной чести Плантагенетовъ, сказала Эдифъ, о померкшей славѣ дома моего родителя.

— Утраченная честь! померкшая слава! повторилъ Ришардъ, наморщивъ брови съ негодованіемъ; но,

моя, сестрица пользуется своими правами. Я слишкомъ поспѣшно осудилъ ее, и она въ правѣ на меня за что досадовать. Но по крайности, объясните мнѣ проступокъ мой.

—Плантагенетъ долженъ бы былъ простить вину или наказать за нее, отвѣчала Эдифъ. Ему не прилично предавать свободныхъ людей, Христіанъ, храбрыхъ рыцарей плѣну невѣрныхъ Музульманъ. Постыднѣе еще производить торгъ, унижать человѣчество, и даруя жизнь, лишать свободы, предавать на судъ другимъ. Осудить на смерть нещастнаго, поступокъ строгой; но по крайности, въ немъ означается тѣнь правосудія: предать же его изгнанію, плѣну, есть явное безчеловѣчіе.

— Я вижу, сказалъ Ришардъ, что сестрица наша Эдифъ, изъ числа тѣхъ красавицъ, которыя думаютъ, что отсудствующій любовникъ уже ни что, или какъ бы умершій. Потерпите, погодите! Рыцарей съ двацать легко вооруженныхъ выступятъ еще на поприще, и возмогутъ поправить мою ошибку, естьли вашему любезному ввѣрена такая важ-

ная тайна, что смерть его желательнѣе его ссылки.

—Не унижайте себя недостойными насмѣшками, Государь, возразила Эдифъ; и чело ея, щеки покрылись живѣйшимъ румянцемъ; лучше помыслите, что для удовлетворенія вашего гнѣва, вы лишили важный вашъ подвигъ лучшаго его члена, похитили у креста твердѣйшую его опору, предали служителя истиннаго Бога въ руки язычниковъ, и дали нѣкоторое право равно подозрительнымъ вамъ людямъ, какимъ вы оказались въ этомъ случаѣ, говорить, что Ришардъ удалилъ храбрѣйшаго изъ воиновъ своего стана, опасаясь, чтобы онъ не пріобрѣлъ себѣ равной съ нимъ славы.

— Я! я! вскричалъ Ришардъ сильно тронутый; не ужъ ли я сотворенъ соревновать славѣ другихъ? желалъ бы я, чтобъ онъ былъ здѣсь для состязанія со мной въ равенствѣ! Я забуду свой санъ, сложу съ себя корону, чтобъ вытти съ нимъ на поприще, и пусть увидятъ, имѣлъ ли нужду Ришардъ Плантагенетъ опасаться чьихъ бы то ни было геройс-

кихъ подвиговъ, или имъ завидовать. Полноте, Эдифь, вы вѣрно сказали это не подумавъ. Горесть или неудовольствіе объ отсудствіи вашего любовника, не должны васъ дѣлать несправедливою къ вашему родственнику, который, не смотря на ваше своенравіе, дорожитъ свыше всего вашимъ уваженіемъ.

— Отсудствіе моего любовника! повторила Эдифь. Но, конечно, можно по справедливости назвать моимъ любовникомъ того, кто такъ дорого заплатилъ за это наимянованіе. Какъ бы ни недостойна я была такого обожанія, но служила ему свѣтиломъ, озарявшимъ путь его на благородномъ поприщѣ рыцарства; но, чтобы я забыла знаменитый санъ свой, или чтобы онъ позволилъ себѣ когда выйти изъ предѣловъ своихъ, то это сущая ложъ, хотя бы самъ Король утверждалъ ее.

— Не заставьте меня сказать вамъ то, прекрасная сестрица, чего бы я и не желалъ. Я не говорилъ вамъ, чтобъ вы удостоивали этаго Шотландца другихъ милостей, кромѣ тѣхъ, которыя всякой благородный

Рыцарь можетъ получить, даже отъ Принцессы, какого бы знаменитаго рода ни была она. Но, клянусь Богоматерью, я не много свѣдущь въ этихъ любовныхъ переворотахъ; любовь начинается всегда безмолвнымъ почтеніемъ, отдаленными вниманіями; но при удобныхъ случаяхъ начинается короткое обхожденіе, а тамъ мало по малу....; но это не нужно разсказывать такой женщинѣ, которая почитаетъ себя мудрѣйшею изъ своего пола, въ цѣломъ свѣтѣ.

— Я всегда охотно выслушиваю совѣты моего родственника, когда они не наносятъ оскорбленія моему свойству и моей породѣ.

— Короли не подаютъ совѣтовъ, прелестная сестрица, но предписываютъ законы.

— Султаны предписываютъ законы, потому что они владычествуютъ надъ невольниками.

—Потише! вы скоро научитесь уважать Султановъ, имѣя такое высокое понятіе объ этомъ Шотландцѣ. Я почитаю Саладина гораздо тверже въ

своемъ словѣ, нежели этаго Виллльяма Шотландскаго, который осмѣливается называться Львомъ! Онъ гнуснымъ образомъ обманулъ меня, не приславъ мнѣ обѣщанныхъ имъ вспомогательныхъ войскъ. Говорю вамъ, Эдифъ, какъ знать, случиться можетъ, что вы доживете до тѣхъ времянъ, что предпочтете Турку исполненнаго чистосердечія и откровенности обманщику Шотландцу.

— Никогда! естьлибъ Ришардъ даже и принялъ ложный ихъ законъ, который пришелъ онъ въ Палестинѣ сокрушить подъ крестнымъ знамемъ.

— Вамъ угодно прекратить нашъ разговоръ, сказалъ Ришардъ вставая; должно васъ оставить. Думайте о мнѣ, какъ и что вамъ угодно, прекрасная Эдифъ; но я не забуду, что вашъ родитель былъ мнѣ братъ.

При этихъ словахъ, онъ вышелъ по видимому довольно веселъ; но внутренно слишкомъ недовольный слѣдствіемъ своего посѣщенія.

На четвертый день по удаленіи Сиръ Кеннета изъ лагеря, Ришардъ

сидѣлъ въ шатрѣ своемъ, наслаждаясь вечернею прохладою, повѣваемою западнымъ вѣтромъ, который разнося на крыльяхъ своихъ необыкновенную свѣжесть, казалось какъ нарочно вѣялъ отъ Англіи, для прохлажденія предпріимчиваго Монарха, мало по малу укрѣпляющагося въ здоровьи и нужныхъ силахъ, для исполненія исполинскихъ своихъ замысловъ. Онъ былъ одинъ; Вoксъ отправленъ былъ въ Аскалонъ, что бы привѣсть оттуда отряды солдатъ и военные припасы; прочіе же военачальники его были заняты, каждый по своей части и по своему отдѣленію, всѣ заботясь о пріуготовленіяхъ для возобновленія военныхъ дѣйствій, и главнаго смотра крестоносной арміи, назначеннаго назавтра. Онъ внималъ глухому и смѣшанному стуку, производимому молотомъ кузнецевъ, кующихъ лошадиныя подковы; оружейныхъ мастеровъ, поправляющихъ и чинящихъ оружія; солдаты, расхаживая взадъ и впередъ мимо его шатра, которыхъ веселые и твердые голоса означали храбрость и реніе ихъ оживлявшее,

казалось предрѣкали побѣду. Слухъ Ришарда съ восторгомъ упоевался смѣшанными этими звуками, и тогда какъ онъ самъ предавался призракамъ побѣдъ и славы, ими вперенные ему, щитоносецъ вошелъ съ докладомъ о прибытіи посланнаго отъ Саладина.

— Впусти его скорѣе, Жокелинъ, сказалъ Король, и со всѣми приличными почестьми.

Англійской щитоносецъ впустилъ тогда человѣка, который по наружности только казался Нюбійскимъ невольникомъ, бывъ привлекателенъ до крайности. Онъ былъ высокаго роста, совершенно строенъ, и величественныя черты лица его, хотя чернаго какъ смоль, ни мало не означали въ немъ Нюбійскаго поколѣнія. На головѣ его, покрытой черными волосами какъ смоль, надѣта была чалма изъ тончайшей кисеи, бѣлизною уподоблявшейся снѣгу; на плечахъ его накинута такого же цвѣта короткая мантія, распашная спереди и на рукахъ; изъ-подъ нее видна была фуфайка

изъ барсовой кожи, опускающаяся на три дюйма за колѣна. Жилистыя его руки и ноги были обнажены, сандаліи служили ему обувью, серебряныя ожерелье и браслеты украшеніемъ. Сабля съ прямымъ лезвеемъ, буковымъ эфесомъ, въ ножнахъ изъ змѣиной чешуи, висѣла на поясѣ. Въ правой рукѣ держалъ онъ маленькой дротикъ, котораго острее было оправлено широкою и блестящею сталью, длиною въ пядень, а лѣвою рукою велъ онъ на снуркѣ, свитомъ изъ серебра и шелку, большую, прекраснѣйшую борзую собаку.

Посланный простерся передъ нимъ обнаживъ часть плеча, въ знакъ униженія; и коснувшись лбомъ полу, приподнялся ставъ на одно колѣно; въ этомъ положеніи подалъ онъ Королю шелковой свитокъ, въ которомъ завернутъ былъ еще другой, золотой парчи, съ письмомъ Саладина, писаннымъ на Арабскомъ языкѣ, съ Англійскимъ переводомъ слѣдующаго содержанія:

»Саладинъ, Царь Царей, Мелекъ-Рику, Англійскому Льву!

« Бывъ увѣдомлены, послѣднимъ твоимъ посланнымъ, что ты предпочитаешъ войну миру, а нашу непріязнь дружбѣ, мы почитаемъ тебя въ этомъ случаѣ совершеннымъ слѣпцемъ, надѣясь вскорѣ доказать тебѣ заблужденіе твое, съ помощію непреодолимой силы нашихъ тысячи поколѣній, когда Магометъ, пророкъ Божій, и Алла, Богъ пророка, разсудитъ нашу вражду между мною и тобой. Впрочемъ мы очень дорожимъ тобой и присланными отъ тебя подарками, а особенно двухъ карликовъ, не меньше безобразныхъ Езопа, и столько же забавныхъ какъ Иссаакова лютня. Въ замѣну этихъ подарковъ, проистекающихъ отъ щедротъ твоихъ, мы посылаемъ тебѣ Нюбійскаго невольника, по имени Зоанка; какъ мудрецъ, ты не станешъ судить о немъ, по цвѣту лица его, подобно земнымъ глупцамъ, по причинѣ той, что черноножіе плоды всегда бываютъ вкуснѣйшіе. Знай, что онъ не меньше вѣренъ въ исполненіи приказаній своего господина, какъ

и Рустанъ Заблестанъ. Ты найдешъ, въ немъ благоразумнаго совѣтника, когда научишься понимать его, ибо онъ лишенъ дара слова, и уста его заграждены, въ слоновыхъ его палатахъ, безмолвіемъ. Мы поручаемъ его твоимъ попеченіямъ, надѣясь, что скоро наступитъ время, когда возможетъ онъ оказать тебѣ важныя услуги. Въ заключеніи, мы прощаемся съ тобой, въ надеждѣ, что святѣйшій нашъ пророкъ, возможетъ еще воззвать тебя къ познанію истинны; если же ты останешься въ слѣпотѣ своей, то мы желаемъ, чтобъ здоровье твое скорѣй возстановилось, и да будетъ Алла судіею между мною и тобой на полѣ битвы.«

Эта грамота была скрѣплена подписью и печатію Султана.

Ришардъ въ молчаніи разсматривалъ Нюбійца, стоящаго передъ нимъ съ потупленными глазами, сложившаго на груди руки крестомъ, подобно статуѣ изъ чернаго мрамора превосходнѣйшей работы, готовой оживиться отъ малѣйшаго прикосновенія Прометея. Англійской

Король, какъ и одинъ изъ потомковъ его, Генрихъ VIII, любилъ видѣть пригожихъ, статныхъ мущинъ; онъ восхищался крѣпостью мышцъ и твердостью силъ, превосходному размѣру всего тѣла разсматриваемаго имъ невольника, и заговорилъ съ нимъ по Левантски:

— Язычникъ ли ты? спросилъ онъ.

Невольникъ потряся головой въ знакъ отрицанія, поднесъ палецъ ко лбу, и перекрестясь въ доказательство, что онъ Христіанинъ, принялъ опять тотъ же смиренный, неподвижный видъ.

—Конечно Нюбійской Христіанинъ, продолжалъ Ришардъ, которому невѣрныя эти собаки отрѣзали языкъ.

Нюбіецъ еще разъ здѣлалъ головою знакъ отреченія, поднялъ указательный палецъ къ небу, приложивъ его потомъ къ губамъ.

Понимаю, сказалъ Ришардъ; ты лишенъ дара слова Божескою властію, а не человѣческою жестокостію. Умѣешъ ли ты чистить оружія, протупею, и на случай снарядить Рыцаря въ его доспѣхи?

Нѣмой здѣлалъ утвердительный знакъ, и подошедъ къ стальнымъ кольчугамъ, повѣшеннымъ съ шишакомъ и щитомъ Монарха-рыцаря, на одномъ изъ столбовъ, поддерживающихъ шатеръ, повертывалъ ихъ въ рукахъ своихъ съ большею ловкостію въ доказательство, что ему совершенно извѣстна должность щитоносца.

—Ты преловкой въ ремеслѣ своемъ, и я увѣренъ, что услуги твои мнѣ очень будутъ полезны. Я причисляю тебя лично къ моей особѣ, и ты будешь комнатнымъ моимъ служителемъ, въ доказательство, какъ много дорожу я подаркомъ благороднаго Султана. А какъ ты нѣмъ, то и не въ состояніи будешъ пересказывать ни видѣннаго, ни слышаннаго тобой, и сверхъ того, никакимъ вздорнымъ противорѣчіемъ не станешъ раздражать моего гнѣва.

Нюбіицъ снова простерся касаясь головою почти до земли; вставъ, онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, какъ бы въ ожиданіи приказаній своего властителя.

— Ты теперь же примешься за должность свою, сказалъ Ришардъ. Я вижу тускъ на этомъ щитѣ, и когда мнѣ случится выступить съ нимъ противъ Саладина, то хочу, чтобъ онъ былъ также чистъ и свѣтелъ, какъ честь Султана.

За шатромъ раздался звукъ рога, и въ то же почти мгновеніе Сиръ Генрихъ Невиль вошелъ съ пукомъ депешей.

— Изъ Англіи, Государь, сказалъ Невиль, подавая ихъ Королю.

— Изъ Англіи! возлюбленной нашей Англіи! вскричалъ Ришардъ съ унылымъ восторгомъ. Увы! они не вѣдали, сколько владѣтель ихъ удрученъ былъ болѣзнію и горестьми; сколько онъ обманутъ былъ въ своихъ ожиданіяхъ, нашедъ такъ много слабыхъ друзей и дѣятельныхъ враговъ. — Распечатавъ депеши, онъ прибавилъ пробѣжавъ ихъ мелькомъ:—Письма эти не изъ мирной стороны, и тамъ обуреваются раздорами! Выдь отсюда, Невиль, мнѣ нужно прочесть ихъ на свободѣ и наединѣ.

Невиль вышелъ изъ шатра, и Ришардъ вскорѣ совершенно погрузился въ чтеніе непріятныхъ подробностей, полученныхъ имъ изъ Англіи, гдѣ описывались всѣ заговоры и междуусобныя вражды, раздирающія наслѣдственныя его владѣнія. Его увѣдомляли о несогласіи братьевъ его Ивана и Геофруа, о ссорахъ обоихъ этихъ Князей съ Великимъ судіею Лонгшампомъ, Епископомъ Ели; объ угнетеніяхъ крестьянъ, стенящихъ подъ игомъ дворянъ, и наконецъ о возмущеніи ихъ противъ господъ своихъ, отъ котораго произошли величайшіе безпорядки, раздоры, а во многихъ мѣстахъ даже и кровопролитія. Такія подробности, оскорбительныя для его гордости и посягающія на власть его, соединены были съ усильными прозьбами мудрѣйшихъ изъ его совѣтниковъ, приверженнѣйшихъ къ нему, убѣждавшихъ его скорѣе возвратиться въ Англію, гдѣ одно лишь присутствіе его могло возстановить порядокъ, и предупредить междуусобную войну, которою не замедлятъ воспользоваться Французы съ Шотландцами.

Преисполненный тягостныхъ впечатлѣній, Ришардъ читалъ и перечитывалъ непріятныя извѣстія, сравнивалъ увѣдомленія однихъ съ донесеніями другихъ, объ одномъ предметѣ иначе пересказываемомъ разными людьми; и вскорѣ углубясь совершенно въ чтеніе, онъ отчуждился отъ всего вкругъ него происходящаго, хотя и сѣлъ у входа шатра, чтобы насладиться прохладою; занавѣсы были отдернуты съ обоихъ боковъ, такъ что онъ могъ видѣть стражу, стоящую на часахъ, и всѣхъ бывшихъ передъ дверьми его, равно бывъ видѣнъ ими.

Углубленный во внутренности шатра, занимаясь порученнымъ ему дѣломъ отъ новаго своего господина, Нюбійской невольникъ сидѣлъ повернясь не много спиною къ Королю. Онъ уже отчистилъ и отполировалъ кольчуги съ панцыремъ, чистя въ эту минуту большой щитъ необъятной величины, украшенный стальною бляхою, который часто Ришардъ биралъ съ собою въ объѣздныхъ осмотрахъ, или на осады укрѣпленныхъ мѣстъ, какъ надеж-

нѣйшую оборону противъ непріятельскихъ стрѣлъ, нежели трехъугольный щитъ, употребляемый рыцарьми. На этомъ щитѣ не было означено ни Англійскихъ львовъ, ни другихъ какихъ изображеній съ надписьми, для привлеченія непріяте[illegible]аго. И скаго вниманія на нап[illegible]скаго невольника, работа и[illegible]ивалась отчисткою пока о[illegible] [illegible]рхности гладкой какъ стекло, и онъ казалось уже доканчивалъ ее. Позади его была прекрасная его собака, которая раздѣляя его долю, раздѣляла и плѣнъ его, и какъ бы пораженная почтеніемъ, ставъ Королевской принадлежностію, лежала близь нѣмаго, положивъ голову на полъ, поджавъ подъ себя хвостъ и ноги.

Между тѣмъ какъ Монархъ и новый его служитель были такъ заняты, другое дѣйствующее лице тихо появилось на сцену, смѣшавшись съ толпою Англійскихъ солдатъ, изъ которыхъ числомъ до двадцати, составлявшихъ стражу у шатра ихъ Государя, изъявляли свое почтеніе къ задумчивому его виду и размыш-

леніямъ, въ которыя онъ углубился, несвойственною имъ тишиною и молчаніемъ. Впрочемъ, они по обыкновенію своему бывъ развлечены, не заботились о бдительномъ надзорѣ. Одни играли кремешками въ азартныя игры; другіе пошептомъ разговар[illegible] о наступающихъ военныхъ дѣйствіяхъ, [illegible]гіе лежа простершись на землѣ, спали [illegible]крывшись большими зелеными своими плащ[illegible].

Между небрежной этой стражи проскользнулъ старый, малорослый Турка, одѣтый Марабумъ или пустыннымъ монахомъ, родъ восторженныхъ изувѣровъ, которые пробирались иногда въ лагерь крестоносцевъ, хотя съ ними всегда обходились тамъ съ презрѣніемъ, а часто и съ жестокостью. Развратная жизнь большей части Христіанскихъ военачальниковъ привлекала въ палатки ихъ толпы музыкантовъ, негодныхъ дѣвокъ, Жидовскихъ торгашей, Кофтовъ, Турокъ, и всякой збродъ различныхъ Восточныхъ народовъ; потому-то Турецкая чалма и полукафтанье, которыя пришли они истребить въ Святой

землѢ, ежедневно мелькали посреди крестоносцевЪ, не возбуждая вЪ нихЪ опасенія.

Когда ничтожная тварь, о которой мы упомянули, на столько приближилась кЪ солдатамЪ, чтобЪ быть ими примѢченнымЪ, то збросивЪ на полЪ свою длинную зеленую чалму, обнажила все лице свое; брови и борода его были обриты, какЪ обыкновенно у отЪявленныхЪ шутовЪ; на сморщенныхЪ и безобразныхЪ его чертахЪ, вЪ маленькихЪ черныхЪ, яркихЪ глазахЪ его изображалось безуміе.

— Пляши, Марабу, вскричали солдаты, знавшіе повѢрье этихЪ изувѢровЪ; пляши, или мы такЪ приголубимЪ тебя тетивою луковЪ своихЪ, что ты перевернешься у насЪ вверхЪ тармашки, и покатишься кубаремЪ.

ТакЪ говорили безразсудные эти стражи, обрадовавшись, что имЪ попался на забаву МузульманинЪ, какЪ ребенокЪ поймавшій бабочку, или школьникЪ отЪискавшій птичье гнѢздо.

Марабу, какЪ бы восхитясь, что можетЪ ихЪ потѢшить, тотчасЪ

началъ прыгать и скакать, а потомъ вертѣться на одномъ мѣстѣ посреди ихъ съ необыкновеннымъ проворствомъ, совсѣмъ не сообразнымъ съ малымъ его ростомъ и съ сморщеннымъ лицемъ, подобясь сухому былію, котораго вихрь крутитъ по волѣ своей. Клокъ волосъ торчалъ стоймя на маковкѣ головы его, плѣшивой спереди, обритой съ зади, какъ бы служа опорою для поддержанія его отъ какого невидимаго духа; въ самомъ же дѣлѣ, повидимому онъ употреблялъ сверхъестественныя усилія продолжая танецъ свой, долженствовавшій произвесть въ немъ головокруженіе; ноги же танцующаго во все это время едва касались земли. Однакоже, кружась на большемъ и маломъ пространствѣ то въ ту, то въ другую сторону, онъ продолжалъ непримѣтнымъ образомъ подвигаться къ входу въ Королевской шатеръ; и наконецъ, послѣ двухъ или трехъ не въ примѣръ чудеснѣйшихъ скачковъ передъ прежними, онъ упалъ какъ бы въ изнеможеніи шагахъ въ сорока отъ Королевской особы.

— Дай ему воды, сказалъ одинъ изъ солдатъ; этихъ собакъ всегда жажда беретъ послѣ веселыхъ ихъ танцевъ.

— Воды, говоришъ ты, Лонгъ-Алленъ? возразилъ другой. Хорошей же ты прочишъ ему напитокъ, братъ, послѣ такихъ танцевъ?

— Чортъ возми, если здѣсь есть капля воды, сказалъ третій; надобно этаго прытконогаго, стараго язычника окрестить, влилъ ему въ глотку кипрскаго вина.

— Да, да, прибавилъ еще другой, а если онъ зартачится, то подай сюда рогъ Дика Гюнтера, которымъ онъ задаетъ порціонныя свои лѣкарства лошади своей.

Тотчасъ собрался кружекъ около Турецкаго монаха, простертаго въ изнеможеніи на землѣ, и тогда какъ одинъ солдатъ посадя его поддерживалъ подъ мышки, другой поднесъ ему ко рту флягу вина. Не въ силахъ будучи выговорить слова, старикъ кивалъ головой, отталкивая рукою запрещенный напитокъ Магометовымъ закономъ. Но онъ не такъ лег-

ко могъ отдѣлаться отъ мучившихъ его солдатъ.

— Рогъ! рогъ! вскричалъ одинъ изъ нихъ; разница не велика между Туркой и Турецкой лошадью, и лѣчить ихъ надо одинаково.

— Клянусь святымъ Георгіемъ, вы задушите его! сказалъ Лонгъ-Алленъ; въ добавокъ же, не грѣшно ли вамъ заставлять эту собаку пить такую пропасть вина, что на трои сутки достало бы доброму Христіанину.

— Ты не знаешъ натуры этихъ Турокъ и басурманъ, Лонгъ-Алленъ, отвѣчалъ Генрихъ Воодсталь. Говорятъ тебѣ, что отъ этой фляги Кипрскаго вина у него такъ зазвѣнитъ въ головѣ, что онъ тотчасъ очнется. Задушить его! это вино столько же его задушитъ, какъ фунтъ коровьяго масла задушитъ черную собаку Бена.

— Такъ не за что же и попрекать ему, прибавилъ Томалинъ Блакклеесъ, пусть выпьетъ на здоровье этотъ бусурманинъ всю флягу вина, покуда живъ, а на томъ свѣтѣ вѣдь ты

знаешъ, братъ, ему не достанется и капли воды языкъ прохладить!

—И полно, сказалъ Лонгъ-Алленъ; видишъ ли, вѣдь онъ Туркой сталъ отъ того, что отецъ его прежде него былъ Туркой. Еслибъ онъ изъ Христіанина да здѣлался басурманиномъ, то я согласенъ съ тобой, что подѣломъ было бы ему зимовать въ аду на желѣзной сковродѣ.

— Молчи, Лонгъ - Алленъ, сказалъ Генрихъ Воодсталь, смотри язычекъ твой доведетъ тебя до бѣды; я заранѣе сказываю тебѣ, что тебѣ не миновать погонки отъ отца Франциска, какъ въ прошломъ году за черноглазую Сиріанку досталось тебѣ. Да вотъ и рогъ. Эй, братцы, сюда. Ну же, ворочайтесь скорѣй! Разожмите ему ротъ хоть черенкомъ кинжала.

— Постой! постой! онъ рѣшается и самъ, вскричалъ Томалинъ. Посмотри, онъ даетъ знакъ, чтобъ ему подали флягу. Раздвиньтесь, братцы, раздайтесь! *Oop seyes,* говорятъ Голландцы, какъ роса падающая съ небесъ! право, они настоящіе пьянюхи, стоитъ только имъ при-

няться; никогда Турка не поперхнется и не оставитъ фляшки не опорожнивъ ее за разъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Марабу, или кто бы ни былъ этотъ человѣкъ, опорожнилъ, или казалось опорожнилъ до дна всю флягу въ одинъ глотокъ. Отнявъ ее отъ рту, онъ произнесъ только съ глубокимъ вздохомъ слѣдующія слова:—*Алла Керимъ*, или Богъ милосердъ. Солдаты, свидѣтели бахическаго этаго подвига, тогда захохотали во все горло такъ громко, что Король развлеченъ былъ изъ своихъ размышленій, и простеревъ къ нимъ руку, вскричалъ грознымъ голосомъ: — Какъ, шуты, въ васъ нѣтъ ни вниманія, ни уваженія, ни подобострастія?

Всѣ въ минуту умолкли, зная совершенно нравъ Ришарда, который, позволяя иногда солдатамъ своимъ запросто обращаться съ нимъ, хоть и не такъ часто, но по времянамъ требовалъ отъ нихъ глубочайшаго почтенія; поспѣшая отойти на почтительнѣйшее разстояніе отъ Монарха, они хотѣли увесть съ собой и Марабу; но онъ казался

совершенно изнеможеннымъ усталостью, или уступая дѣйствію выпитаго имъ вина, воспротивился всѣмъ ихъ усиліямъ, и даже испустилъ нѣсколько воплей.

— Оставьте его, дурачье, сказалъ шепотомъ Лонгъ-Алленъ своимъ товарищамъ. Клянусь Святымъ Христофоромъ, вы выведете нашего Дикона (1) изъ терпѣнія, и онъ кинжаломъ пропоретъ вамъ брюхо. Отстаньте отъ него, говорятъ вамъ, онъ мигомъ заснетъ, какъ сурокъ.

Въ эту минуту, Монархъ съ нетерпѣніемъ взглянулъ на нихъ, и всѣ солдаты тотчасъ отступили назадъ, оставивъ Турецкаго монаха простертымъ на землѣ, повидимому въ совершенномъ разслабленіи, не въ силахъ будучи пошевелиться ни рукою, ни ногою. Черезъ минуту потомъ, то же молчаніе и та же тишина воцарилась, какъ и до прихода Мусульманина.

---

(1) Сокращенное имя Ричарда въ простонародьи.

КНИГА II.

„Убійство съ увядшимъ челомъ, возбужденное злобою, мрачною своею стражею, которая шипѣніемъ доказываетъ свою преданность, подступаетъ украдкою, подобно Тарквину, шедшему на совершеніе злодѣйства.“

Шакспиръ.

Съ четверть часа, и даже дольше послѣ случившагося, все пребывало въ совершенной тишинѣ предъ Королевскимъ шатромъ. Ришардъ читалъ и размышлялъ попеременно, сидя у входа. Позади его, и оборотясь спиною къ двери, Нюбійской невольникъ оканчивалъ отполировывать большой щитъ. Насупротивъ, шаговъ во ста, стражи, стоя, сидя или лежа на землѣ, забавлялись разными играми тихомолкой, а между ими и шатромъ лежалъ Марабу, казавшійся лишеннымъ всѣхъ чувствъ, котораго можно было почесть за свертокъ лахмотьевъ.

Но Нюбійцу была та выгода, что онъ какъ въ зеркалѣ видѣлъ въ отполированномъ имъ щитѣ, отража-

ющемъ все происходящее позади его. Онъ удивился и встревожился, видя посредствомъ щита, что Марабу потихоньку приподнялъ голову озираясь, и осматривая все вкругъ себя, не какъ пьяный человѣкъ, но съ большимъ вниманіемъ и осторожностью. Онъ снова приклонилъ голову свою къ землѣ, и какъ бы увѣрясь, что никто не замѣчаетъ за его движеніями, медленно сталъ ползть, какъ бы неумышленно и въ просоньяхъ, подвигаясь мало по малу къ Королевской особѣ. Такое успѣшное движеніе показалось подозрительнымъ Нюбійцу, который также, съ своей стороны, сколько можно спокойнѣе приготовлялся къ оборонѣ, какъ скоро обстоятельства того потребуютъ.

Однакоже Марабу постепенно и непримѣтно подползалъ, какъ змѣя, или лучше сказать какъ улитка, приближась наконецъ на двадцать шаговъ къ Королю. Тогда вдругъ вскочивъ, онъ прыгнулъ въ шатеръ какъ тигръ, и въ мигъ очутился позади Ришарда, поднявъ надъ нимъ

Канджіарѣ или кинжалѣ, спрятанный имѣ вѣ рукавѣ.

Присудствіе всей Англійской арміи не могло бы спасти тогда Монарха; но движенія Нюбійца были такѣ хорошо разочтены, какѣ и этаго изувѣра, что прежде нежели онѣ успѣлѣ поразить его, тотѣ схватилѣ его за руку. Устремя всю ярость свою на того, кто такѣ нечаянно противупоставился между имѣ и жертвою его, Шарегитѣ, бывшій мнимый этотѣ монахѣ, нанесѣ ему ударѣ кинжаломѣ, но такѣ слабо, что онѣ скользнувѣ только, оцарапалѣ ему руку, тогда какѣ Нюбіецѣ, превосходными своими силами совсѣмѣ овладѣлѣ имѣ. Видя все происходящее, Ришардѣ всталѣ, и не показавѣ ни малѣйшаго удивленія, гнѣва, или вниманія, подобно человѣку, отгоняющему докучливую осу, раздавляетѣ ее, схвативѣ табуретѣ, на которомѣ онѣ сидѣлѣ, и только вскричавѣ: — ахѣ, собака! раздробилѣ черепѣ убійцѣ, который прокричавѣ два раза, сперва громко, а потомѣ почти невнятно: *Алла Аккбарѣ!* то есть, Богѣ восторже-

ствовалъ, палъ мертвый къ Королевскимъ ногамъ.

— Какіе бдительные вы стражи, сказалъ Ришардъ съ презрительнымъ упрекомъ своимъ стражамъ, которые бывъ поражены ужасомъ, слыша шумъ происходящаго въ шатрѣ, въ тревогѣ збѣжались туда; прекрасные воины, допускаютъ Государя своего, собственными руками отправлять ремесло палача! Молчите, никто ни слова! что значитъ весь этотъ крикъ и шумъ? развѣ вамъ никогда не случалось видѣть убитаго Турка? Выбросьте эту стерьву вонъ изъ лагеря; отрубите ему голову, посадите ее на колъ, повернувъ лицемъ къ Меккѣ, чтобъ ему способнѣе было донесть гнусному обманщику, внушившему ему это злодѣйство, сколько онъ успѣлъ въ своемъ посольствѣ. Что же касается до тебя, безмолвный и смуглый мой пріятель, прибавилъ онъ оборотясь къ Нюбійцу, ... но, что это! ты раненъ, и навѣрное кинжалъ намазанъ былъ ядомъ, потому что такая ничтожная тварь не больше могла надѣяться нанесть вреда Льву,

какъ развѣ оцарапать ему кожу. Скорѣе кто нибудь изъ васъ высосите ему рану; ядъ не опасенъ для губъ, хоть и смертоносенъ когда смѣшается съ кровью.

Солдаты поглядывая другъ на друга, казалось колебались рѣшиться, потому что такого роду опасность возбуждала въ нихъ больше страха, нежели самая смерть на сраженьяхъ.

— Что же вы, дураки, продолжалъ Король; не ужъ ли ваши губы такъ нѣжны? или вы боясь смерти, колеблетесь рѣшиться?

— Никто изъ насъ не боится умереть какъ человѣкъ, отвѣчалъ Лонгъ-Алленъ, на котораго глядѣлъ Король говоря такимъ образомъ; но кого возьметъ охота умереть отравленною мышью, изъ любви къ этой черной животинѣ, которая продается и покупается на базарахъ какъ быки на ярмонкѣ.

— Король велитъ высасывать ядъ, какъ будто смородину проглотить, сказалъ въ полголоса другой.

— Знайте, сказалъ Ришардъ, что я никогда еще не приказывалъ дру-

гимъ того, чего бы самъ не готовъ былъ исполнить.

И безъ дальнихъ околичностей, не смотря на всѣ предостереженія его окружающихъ, ни на почтительное сопротивленіе Нюбійца, Король пренебрегая всѣми представленіями, и преодолѣвъ всѣ прекословія, самъ приложилъ губы свои къ ранѣ чернаго невольника. Лишь только перервалъ онъ операцію свою, совсѣмъ не приличную для Королевской особы, какъ Нюбіецъ проворно отвергнувшись отъ Ришарда, завязалъ руку свою перевязью, рѣшительно объявляя ему знаками, съ почтительною твердостью, что онъ не допуститъ уже Государя продолжать такихъ унизительныхъ для него попеченій. Лонгъ-Алленъ прибавилъ, что если это уже необходимо нужно, то для воспрепятствованія Государю исполнять человѣколюбивый его подвигъ, губы его, языкъ и зубы готовы для услугъ смуглеца, какъ называлъ онъ Нюбійца; и что онъ скорѣе рѣшится проглотить его совсѣмъ, нежели допуститъ Короля Ришарда еще разъ прикоснуться къ нему.

Невиль и прочіе офицеры, вошедшіе тогда вЪ шатерЪ, присоединили представленія свои кЪ солдатскимЪ.

— Хорошо, хорошо, сказалЪ РишардЪ, кЪ чему столько шуму изЪ пустаго; вся опасность миновалась, и зайца слѣдЪ простылЪ. Рана Нюбійца совсѣмЪ не опасна, едва ли капля крови выступила изЪ нее; раздраженная кошка гораздо бы больнѣе оцарапала, нежели поранилЪ негодяй; что же касается до меня, то стоитЪ принять драхму противуядія, вЪ угодность вашу, хоть и совсѣмЪ безЪ нужды.

ТакЪ говорилЪ Король, статься можетЪ стыдясь нѣсколько и самЪ снисхожденія своего, хотя оно и внушаемо ему было человѣколюбіемЪ и благородностью. Но Невиль продолжалЪ дѣлать ему представленія свои обЪ опасности, какой подвергалЪ онЪ священную свою особу, и РишардЪ повелительнымЪ голосомЪ заставилЪ его замолчать.

— Молчи, Невиль! ни слова больше! Я поступилЪ 'такимЪ образомЪ, чтобы доказать этимЪ неучамЪ, исполненнымЪ предразсудковЪ, какЪ

могутъ они способствовать и вспомоществовать другъ другу, когда подлые эти бездѣльники станутъ нападать на насъ посредствомъ своихъ шпіоновъ, или мѣтая въ насъ ядовитыя стрѣлы. Но отведи этаго Нюбійца въ свой станъ, Невиль; я перемѣнилъ свое намѣренье на щетъ его; имѣй о немъ величайшее попеченіе; постой, дай шепнуть мнѣ слово о немъ; онъ совсѣмъ не то, чѣмъ кажется; надсматривай, чтобъ онъ не бѣжалъ; пусть онъ пользуется совершенною свободою въ лагерѣ, только не выпускай его въ поле. А вы, обжоры и пьяницы, сущіе дворняшки, ступайте по мѣстамъ, и впередъ будьте осторожнѣе, бдительнѣе. Не воображайте быть здѣсь, какъ въ нашей благословенной Англіи, гдѣ сперва побранятся, а потомъ уже дерутся; гдѣ не нападаютъ изъ подтишка съ кинжаломъ въ рукахъ, и не зговорясь не станутъ рѣзаться. У насъ опасность предстоитъ съ открытымъ челомъ; обнаживъ мечь вызываютъ непріятеля на брань; а здѣсь вмѣсто стальнаго нарукавника въ

вызовѣ на бой, бросятѣ вамѣ шелковую перчатку; перерѣзываютѣ вамѣ горло перомѣ горлицы, пронзаютѣ васѣ булавкой, и удавляютѣ шелковымѣ снуркомѣ. Ступайте, держите ухо востро, глядите во всѣ глаза, меньше болтайте, больше воздерживайтесь отѣ пьянства, и будьте осмотрительнѣе во всемѣ; или я такѣ проморю васѣ голодомѣ, что и Шотландцы будутѣ васѣ сытнѣй.

Пристыженные, и побраненные солдаты, возвратились по мѣстамѣ своимѣ, а Невиль началѣ представлять Государю, какія опасныя могутѣ выттти послѣдствія изѣ такого послабленія; что необходимо должно сдѣлать примѣрное наказаніе виновной стражѣ, забывшейся до такой крайности, что допустили такого подозрительнаго человѣка, какѣ этотѣ Турецкой монахѣ, приближиться кѣ Королевской особѣ.

Ришардѣ перервалѣ его: — Перестань мнѣ говорить о немѣ, Невиль. Не ужѣ ли ты хочешѣ, чтобѣ я строже наказалѣ за опасность, которой подвергались мы, нежели за похищеніе Англійскаго знамя? Оно про-

пало, оно похищено разбойниками, или предано измѣнникомъ; и ни одной капли крови не было за то пролито. — Черный мой пріятель, ты хорошій совѣтникъ по словамъ знаменитаго Султана, я осыпалъ бы тебя золотомъ съ головы до ногъ, естьлибъ ты, съ помощію чернѣйшаго тебя духа, или посредствомъ чего бы то ни было, могъ открыть и обнаружить мнѣ злодѣя, посягнувшаго на честь мою. Что ты на это скажешь?

Нѣмой казалось хотѣлъ говорить, и вмѣсто словъ отозвались невнятные звуки изъ безмолвныхъ устъ его. Тогда сложивъ руки крестомъ на грудь, онъ устремилъ выразительные глаза свои на Короля здѣлавъ головою утвердительный знакъ.

— Какъ! вскричалъ Король съ радостью и нетерпѣніемъ, ты берешся здѣлать такое открытіе?

Нюбіецъ повторилъ тотъ же знакъ.

— Дай ему чернилицу, сказалъ Ришардъ Невилю. Гораздо легче было находить ее въ шатрѣ моего отца, нежели въ моемъ, но вѣрно здѣсь

отыщется гдѣ нибудь она, если раскаленнымъ здѣшнимъ солнцемъ не высушило всѣ чернила въ ней! Знаешъ ли, Невиль, что этотъ шутъ настоящее сокровище, черный бриліантъ?

— Если позволите, Ваше Величество, доложить вамъ со всевозможнымъ подобострастіемъ, отвѣчалъ Невиль, что мнѣ кажется слишкомъ опасно торговать такимъ товаромъ. Я не иначе почитаю этаго человѣка, какъ за колдуна, а колдуны въ страшной связи съ главнымъ врагомъ человѣческаго рода, который старается посѣевать плевелы между пшеницей, водворять раздоръ посреди верховнаго совѣта, и....

— Молчи, Невиль, вскричалъ Король. Попробуй приклинуть сѣверную нашу гончую собаку, когда она настигаетъ лань, и если успѣешъ въ томъ, то смѣло надѣйся, что я послушаюсь тебя; но не воображай удержать Плантагенета, когда есть хоть малѣйшая надежда возстановить честь свою.

Невольникъ, писавшій въ продолженіи этаго разговора, повидимому

бывъ очень знающь въ искуствѣ сообщать мысли свои перомъ, въ эту минуту всталъ, поднесъ ко лбу своему пергаментъ, исписанный имъ, и простершись по Восточному обычаю, подалъ его Ришарду. Онъ написалъ по Французски, хотя Ришардъ во все это время и говорилъ съ нимъ по Левантски.

Ришардъ прочелъ слѣдующее:

»Ришарду завоевателю, непобѣдимому Англійскому Королю, отъ покорнѣйшаго его невольника. Таинства подобны ларцамъ, на которые небу угодно налагать печать свою; но оно допускаетъ человѣческой мудрости находить средства къ отперѣнію замковъ. Еслибъ невольникъ вашъ могъ быть помѣщенъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы всѣ полководцы крестной арміи одинъ за другимъ прошли мимо его, то безъ всякаго сомнѣнія, если въ числѣ ихъ будетъ находиться тотъ, которымъ столь жестоко оскорбленъ Король, злодѣйство его обнаружится, хотя бы оно было сокрыто въ самой преисподней.»

— Клянусь, святымъ Георгіемъ! вскричалъ Ришардъ, нельзя лучше придумать. Невиль, ты знаешъ, что завтра, какъ мы будемъ дѣлать смотръ нашимъ войскамъ, владѣтели условились, чтобы для заглажденія нанесеннаго оскорбленія Англійскому знамю всѣ военачальники проходили мимо новаго нашего знамя, поставленнаго снова на горѣ святаго Георгія, отдавая ему честь. Повѣрь мнѣ, что бездѣльникъ не бывъ еще приличенъ, побоится не участвовать въ торжественномъ этомъ оправданіи, опасаясь, чтобы отсудствіемъ своимъ не подвергнутся подозрѣніямъ. Поручаю тебѣ помѣстить въ числѣ нашей свиты чернаго нашего совѣтника, и если онъ умудрится открыть измѣнника, то предоставь уже мнѣ пещись объ остальномъ.

— Остерегайтесь, Государь, сказалъ Невиль съ откровенностью Англійскаго Барона; размыслите напередъ на что вы рѣшаетесь. Теперь, сверхъ всякаго чаянія, согласіе возстановленно въ священномъ нашемъ союзѣ; не ужъ ли же захотите

вы, основываясь на внушенныхъ вамъ подозрѣніяхъ этимъ чернымъ невольникомъ, вновь раскрыть раны, такъ недавно заживленныя? Не ужъ ли вы захотите, торжественный обрядъ, назначенный для возстановленія вашей чести, превратить въ кровопролитное побоище, или возбудить новыя негодованія, воспламенить давнишнія вражды? Я даже не умѣю найти достаточнаго выраженія, чтобы изъяснить вамъ, какъ позорно будетъ для васъ, нарушить и опровергнуть тѣмъ собственное объявленіе Вашего Величества, произнесенное вами лично въ верьховномъ совѣтѣ крестоносныхъ владѣтелей.

— Невиль, сказалъ Король, съ строгостью перервавъ его, твое усердіе слишкомъ далеко завлекаетъ тебя, внушая излишнюю смѣлость и самонадѣяніе. Никогда не обѣщался я отклоняться отъ всѣхъ средствъ къ отъисканію гнуснаго виновника, оскорбившаго честь мою. Я скорѣе соглашусь отрѣчься отъ моего Королевства, отъ жизни моей, нежели соглашусь дать такое обѣща-

ніе. Я все предавалъ забвенію, отъ всего отступался, кромѣ чести и славы. Еслибъ Австріецъ выступилъ, и признался бы какъ человѣкъ, что онъ виновникъ этаго оскорбленія, то я простилъ бы ему тогда, для блага Христіанства; я даже самъ вызывалъ его на то.

— Но, продолжалъ Невиль встревоженный, кто ручается вамъ, что ловкой этотъ Саладиновъ невольникъ, не обманетъ Вашего Величества?

— Успокойся, Невиль, сказалъ Ришардъ; ты почитаешъ себя мудрецемъ, а вмѣсто того выходишъ дуракъ. Твой долгъ состоитъ въ точномъ исполненіи даннаго тебѣ приказанія на щетъ этаго Нюбійца. Я предвижу въ немъ гораздо больше проку, нежели сколько твой Вестмореландской умъ можетъ проникать. А ты, безмолвный и черный мой пріятель, готовься исполнить теперь мнѣ обѣщанное тобой, завѣряю тебя царскимъ словомъ, проси тогда отъ меня какой хочешъ награды. Ахъ! онъ принялся опять за письмо.

Нѣмой, написавъ, подалъ Государю, съ тѣмъ же обрядомъ, какъ и въ первый разъ, лоскутъ пергамента, на которомъ было написано:

„Воля моего Государя для меня законъ; неприлично требовать воздаянія за исполненіе своего долга"....

— *Воздаяніе* и *долгъ,* повторилъ Ришардъ, перерывая чтеніе, обращая рѣчь свою къ Невилю на Англійскомъ языкѣ, продолжая во все это время говорить съ нимъ по Англійски. Эти Восточные народы воспользуются нашими крестовыми походами; они уже употребляютъ рыцарскія нарѣчія. Разсмотри хорошенько, Невиль, на лице и осанку этаго человѣка; еслибъ не смуглый цвѣтъ мѣшалъ, то онъ вѣрно бы покраснѣлъ. Я даже не удивлюсь и тому, если онъ понимаетъ разговоръ нашъ; эти плуты слишкомъ знающи въ языкахъ.

— Бѣдный невольникъ не въ силахъ выдержать пламеннаго взора, Вашего Величества, отвѣчалъ Невиль, отъ того онъ такъ и смущенъ.

— Хорошо, сказалъ Король, ударивъ пальцемъ по пергаменту, про-

читавъ на немъ написанное; но въ этомъ дерзкомъ письмѣ означено, что вѣрному нашему нѣмому поручено отъ Саладина передать посланіе Лади Эдифи Плантагенетъ, и онъ испрашиваетъ у насъ случая и возможности, выполнить свое порученіе. Каково тебѣ кажется, Невиль, скромное это прошеніе?

—Не могу знать, какъ Ваше Величество заключаете о такой вольности, отвѣчалъ Невиль; но знаю, что еслибъ отъ вашего имяни потребовали того же отъ Султана, то навѣрное не миновать бы посланному удавки.

— О! вскричалъ Ришардъ, благодаря Бога, я ни мало не завидую ему ни въ одной его красавицѣ, загорѣлой отъ солнца. Что же принадлежитъ до меня, то я ни мало не подумаю наказывать его посла за исполненіе приказаній своего Государя, особенно же теперь, какъ онъ спасъ мнѣ жизнь; это было бы слишкомъ неблагодарно. Скажу тебѣ за тайну, Невиль, хотя бы черный и безсловесный нашъ повѣренный, какимъ бы то ни было образомъ, и

понималЪ насЪ, но тебѣ извѣстно, что около двухЪ недѣль я точно какЪ бы околдованЪ, и желалЪ бы очень быть разочаровану. Лишь только кто успѣетЪ оказать мнѣ какую услугу, какЪ вЪ ту же минуту потеряетЪ все право на мою признательность, нанеся мнѣ оскорбленіе; сЪ другой же стороны, если кто заслужитЪ, чтобЪ я приговорилЪ его вЪ смертной казни, какимЪ преступленіемЪ, или измѣною, то повѣришЪ ли, что онЪ же самый непредвидѣнно вдругЪ окажетЪ мнѣ такую важную услугу, что принудитЪ меня, по правиламЪ чести, отмѣнить мой приговорЪ. И такЪ, ты видешЪ, что я лишенЪ лучшихЪ КоролевскихЪ правЪ, не вЪ состояніи бывЪ ни наказывать, ни награждать. Покуда продолжится вліяніе зловредной этой планеты, до тѣхЪ порЪ не могу ничего сказать о прошеніи чернаго нашего служителя, развѣ только, что оно чрезмѣру дерзновенно, и что вЪ заглажденіе этой вины онЪ не иначе умилостивитЪ насЪ, какЪ обѣщаннымЪ имЪ открытіемЪ. А до тѣхЪ

порѣ наблюдай за нимъ, и чтобъ съ нимъ поступаемо было съ уваженіемъ. Послушай еще. Отъищи Энгадскаго пустынника, прибавилъ онъ понизивъ голосъ, и приведи его ко мнѣ; святой ли онъ или дикарь, безумный или въ полномъ умѣ, я хочу переговорить съ нимъ наединѣ.

Невиль, давъ знакъ Нюбійцу за нимъ слѣдовать, вышелъ изъ Королевскаго шатра, удивленный всѣмъ имъ видѣннымъ и слышаннымъ, особливо же необыкновеннымъ поступкомъ Ришарда. Вообще, легче всего бывало проникнуть мысли и чувства Ришарда, хотя и невсегда можно было ручаться, на долго ли они продолжатся; потому, что никакой флюгеръ такъ легко не повинуется движенію вѣтра, какъ Король уступалъ порывамъ своей запальчивости; но въ этомъ случаѣ, всѣ поступки его, противъ обыкновенія, были таинственны и принужденны, и не возможно было разрѣшить, удовольствіе или неудовольствіе управляло имъ въ обхожденіи съ новымъ его служителемъ, тѣмъ

или другимъ чувствомъ дѣйствовался онъ, устремляя на него по временамъ быстрый взглядъ свой. Услуга, оказанная Королемъ Нюбійцу остановленіемъ пагубнаго дѣйствія яда въ ранѣ, нанесенной ему Марабу, по-видимому служила оплатою за спасеніе его отъ меча убійцы; но казалось, что между ими щетъ былъ еще не конченъ, что Монархъ все еще сомнѣвался, оставить ли его должникомъ, или расплатиться съ нимъ, и потому-то онъ въ нерѣшимости на время отъ себя отдалилъ его.

Что принадлежитъ до Нюбійца, то какимъ бы образомъ ни научился онъ писать на разныхъ Европейскихъ языкахъ, Баронъ вскорѣ увѣрился, что по крайности Англійской былъ не извѣстенъ ему; потому, что наблюдая внимательно за нимъ въ послѣдній разговоръ свой съ Королемъ, ему казалось невозможнымъ, чтобы человѣкъ, понимавшій ихъ, бывъ главнымъ предметомъ этаго разговора, казался такъ равнодушнымъ къ слышанному имъ.

КНИГА III.

„Кто идетъ?.... а! искусный лѣкарь мой! приближьтеся.... И тутъ я руку друга познаю."

Крабръ. Сиръ Эстихій Грай.

Обратимся нашимъ повѣствованіемъ къ давно прошедшему времени, то есть, къ той минутѣ, когда злополучный Рыцарь Барса, отданный Ришардомъ Мавританскому лѣкарю какъ невольникъ, былъ изгнанъ изъ стана крестоносцевъ, гдѣ онъ такъ часто отличался знаменитыми подвигами. Онъ слѣдовалъ за Эль-Гакимомъ, ставшимъ новымъ его господиномъ, къ Мавританскимъ шатрамъ, раскинутымъ по приказу лѣкаря для помѣщенія его свиты и всѣхъ принадлежащихъ ему служителей, съ нѣкотораго рода остолбенѣніемъ, какое испытываетъ человѣкъ, ввергнувшійся въ пропасть, изъ которой высвободясь непредвидѣнно щастливымъ случаемъ, при удаленіи отъ нее, не въ силахъ еще измѣрить

и постигнуть, какой великой опасности онъ подвергался.

Вошедъ въ шатеръ Адонебека, онъ кинулся безмолвно на указанное ему проводникомъ его ложе изъ буйволовыхъ кожъ, и закрывъ лице обѣими руками, испускалъ глубочайшіе стоны, какъ бы сердце его готово было разстерзаться на части. Лѣкарь, отдавая различныя приказанія многочисленнымъ своимъ невольникамъ, на щетъ приготовленія ихъ къ отъѣзду на завтрешнее утро, до солнечнаго восхода, слыша его вопли, и тронутый состраданіемъ, оставивъ распоряженія свои, подошелъ къ Рыцарю, сѣлъ подлѣ него, поджавъ ноги по Восточному обычаю, началъ утѣшать его: — Ободрися, другъ; что говоритъ писаніе: »гораздо лучше быть служителемъ добраго господина, нежели рабомъ буйственныхъ страстей!« И такъ, повторяю тебѣ, ободрися; тогда какъ *Ісуфъ бенъ Іагубъ* (1) былъ проданъ братьями Фараону, Египет-

(1) Іосифъ, сынъ Іакова.

скому Царю, твой Государь отдалъ тебя человѣку, который будетъ поступать съ тобой какъ съ братомъ.

Сиръ Кеннетъ хотѣлъ благодарить Эль-Гакима, но сердце его было слишкомъ полно, и тщетныя его усилія отвѣтствовать ему, заставили добраго лѣкаря прекратить раннія свои утѣшенія; оставивъ новаго своего невольника, или гостя, предаться на свободѣ своей горести, и отдавъ всѣ нужныя приказанія на щетъ приготовленій къ отъѣзду, онъ сѣлъ на коврѣ, разосланномъ въ шатрѣ, обѣдать. По окончаніи умѣреннаго его стола, тѣ же кушанья были поданы Шотландскому Рыцарю; но хотя невольники изъясняли ему, что на завтрешній день они очень долго пробудутъ въ дорогѣ, до мѣста отдохновенія, безъ всякой пищи и питья, Сиръ Кеннетъ не могъ преодолѣть отвращенія своего отъ пищи, для подкрѣпленія силъ своихъ, и едва могли убѣдить его выпить хоть стаканъ воды.

Онъ все еще не смыкалъ глазъ своихъ, хотя господинъ его, совершивъ по обыкновенію своему вечернее

моленіе, давно уже предался успокоенію. Наступила полночь, а онъ еще не засыпалъ; вскорѣ потомъ начались зборы въ дорогу; невольники, наблюдая величайшую тишину и молчаніе, готовились уже навьючивать верблюдовъ. Выключая самаго лѣкаря, одинъ лишъ Шотландской Рыцарь не былъ ни кѣмъ тревожимъ во все время дорожныхъ приготовленій; но около четвертаго часа утра, пришелъ родъ дворецкаго или управителя, увѣдомить его, что пора уже вставать. Онъ тотчасъ повиновался, послѣдуя за нимъ при свѣтѣ луны въ то мѣсто, гдѣ были собраны верблюды, одни уже навьюченные, другіе согнувъ колѣна, ожидали остальной поклажи.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ верблюдовъ, стояли осѣдланныя и взнузданныя лошади. Эль Гакимъ, не замѣшкавшійся пришти туда, сѣлъ на одну изъ нихъ такъ легко и проворно, сколько позволяло ему степенное его званіе, велѣвъ подвесть другую Сиръ Кеннету. Тутъ присутствовалъ одинъ Англійской офицеръ, чтобы выпроводить ихъ въ

безопасности изъ лагеря, и приготовить все къ отъѣзду. Шатеръ, изъ котораго они вышли, въ одну минуту былъ свернутъ съ невѣроятною поспѣшностью, и все въ немъ бывшее составило вьюкъ послѣдняго верблюда. Тогда лѣкарь произнесъ торжественнымъ голосомъ стихъ изъ Корана:—Да будетъ Алла нашимъ путеводителемъ, а Магометъ нашимъ покровителемъ въ пустынѣ, какъ въ плодоносной долинѣ! — и всѣ путешественники тотчасъ отправилися въ путь.

Въ проѣздъ ихъ черезъ лагерь, различная стража стоя на часахъ, окликала ихъ: Кто идетъ? Одни пропускали ихъ молча, другіе усердствуя къ вѣрѣ своей, ворчали предавая проклятіямъ ихъ пророка. Наконецъ они проѣхали границы стана, пускаясь въ дальнѣйшій путь со всѣми воинскими предосторожностьми. Два или три всадника, служа передовымъ отрядомъ, предшествовали прочимъ въ нѣкоторомъ разстояніи; такое же число, отдѣлясь, ѣхало позади, на ружейный выстрѣлъ; и всякой разъ, какъ позволяло имъ

мѣстное положеніе, другіе отряжались съ боковъ. Тогда какъ они подвигаясь впередъ, ѣхали означеннымъ порядкомъ, Сиръ Кеннетъ, оглянувшись назадъ на лагерь, мелькавшій въ дали при свѣтѣ мѣсяца, чувствовалъ, что онъ въ собственныхъ глазахъ своихъ былъ ни что иное, какъ изгнанникъ, человѣкъ, у котораго вдругъ похитили честь и свободу; что онъ сталъ уже чуждъ блистательнымъ знаменамъ, подъ которыми надѣялся онъ пріобрѣсть новую славу, и на вѣкъ былъ отлученъ отъ оставшихся въ станѣ рыцарей, служившихъ украшеніемъ Христіанскаго воинства, равно какъ и отъ Эдифи Плантагенетъ.

Эль-Гакимъ, ѣхавшій подлѣ него, сказалъ ему, по обыкновенію своему торжественнымъ голосомъ, утѣшая его: — Безразсудно оглядываться назадъ, когда путь предлежитъ впередъ. — Въ самую эту минуту лошадь Сиръ Кеннета споткнулась такъ сильно, что онъ едва удержался на сѣдлѣ, и чуть паденіемъ своимъ не оправдалъ замѣчанія своего товарища.

Это послужило Рыцарю предостереженіемъ, чтобы онъ впередъ наблюдалъ за лошадью своей, которая была иноходецъ; ее нужно было здерживать уздою, хотя впрочемъ шагъ ей былъ самый покойный и пріятный.

— Это животное очень сходно съ человѣческою фортуною, продолжалъ поучительный лѣкарь; даже при самомъ тихомъ и покойномъ его шагѣ, сѣдокъ его долженъ остерегаться, чтобъ не подвергнуться паденію. Равно и при достиженіи высочайшаго блага, благоразуміе должно бдить на стражѣ, и озираться вкругъ себя, для избѣжанія нещастія.

Самый сладкій и душистый сотъ, производитъ отвращеніе въ разстроенномъ желудкѣ. Рыцарь, униженный изгнаніемъ, обремененный своимъ злополучіемъ, начиналъ уже выходить изъ терпѣнія, слыша ежеминутныя поученія на щетъ своего нещастія, обращаемаго въ пословицу, и приводимаго въ примѣръ, какъ ни правильны были сужденія Эль-Гакима, и очень кстати помѣщенныя.

— Кажется, сказалъ онъ съ нѣкоторою досадою, что мнѣ не нужны еще новые опыты превратности судьбы. Однакоже благодарю васъ, Гакимъ, за совѣтъ, авось онъ и поможетъ мнѣ вдругоредь не споткнуться, и не сломить себѣ шеи, въ збереженіе вашей головы.

— Братъ, отвѣчалъ Мавританскій мудрецъ съ непоколебимою важностью, ты говоришъ какъ человѣкъ лишенный разсудка. По мнѣнію твоему, мудрецъ долженъ бы уступить гостю своему лучшую и молодую лошадь, оставивъ для себя ту, которая гораздо старѣе. Но знай, что недостатки стараго коня могутъ вознаградиться пылкостью и ловкостью юнаго всадника; а стремительность молодой лошади, необходимо должна умѣряться хладнокровіемъ старика.

Такъ говорилъ Эль - Гакимъ; но на это замѣчаніе Сиръ Кеннетъ не здѣлалъ никакаго возраженія, и разговоръ ихъ не бывъ оживленъ взаимностью, тотчасъ пресѣкся. Тогда лѣкарь, можетъ быть уставъ или наскуча утѣшать и развлекать

человѣка, не соотвѣтствующаго его вниманіямъ, далъ знакъ одному изъ ихъ свиты, подзывая его къ себѣ.

— Гассанъ, сказалъ онъ подъѣхавшему къ нему, разскажи намъ что нибудь для сокращенія пути.

При этомъ вызовѣ Гассанъ, искуснѣйшій повѣствователь былей и небылицъ, стихотворецъ и прозаистъ, пришпоривъ лошадь свою, подскакалъ къ своему господину, для выслушанія его приказаній и исполненія своей должности.

— Властитель жизни, сказалъ онъ, обращаясь къ лѣкарю; ты, предъ кѣмъ Ангелъ Азраель простирая крылья отлетаетъ прочь; ты, мудрѣйшій самаго Солимана Бенъ Дауда (1), на печати котораго было начертано ИМЯ БОГА ЖИВАГО, повелѣвающаго духами всѣхъ стихій, да не будетъ того, чтобы во время твоего странствованія по благотворнымъ стезямъ, даруя исцѣленіе и надежду всюду гдѣ ты появляешься, твой путь омраченъ былъ

---

(1) Соломона, сына Давыдова

скукою, за недостаткомъ пѣсней или повѣстей. Я здѣсь служитель твой, въ готовности исчерпать всѣ сокровища моего воображенія и памяти, какъ въ источникѣ близъ лежащаго пути, для услажденія и прохлады странника.

По такомъ вступленіи, Гассанъ возвысивъ голосъ свой, началъ разсказывать волшебную и любовную сказку, смѣшанную съ геройскими подвигами, и украшенную многочисленными приводами изъ Персидскихъ стихотворцевъ. Вся свита Эль-Гакима, выключая по нуждѣ остав[illegible]шихся для управленія верблюдовъ, тѣснилась вкругъ разсказчика, каждый старался ближе быть къ нему, сколько позволяло ему наблюдаемое почтеніе къ присудствію ихъ господина, чтобы насладиться любимѣйшею забавою и пріятнѣйшимъ время провожденіемъ Восточныхъ обитателей.

Въ другихъ обстоятельствахъ, въ другія времяна, Сиръ Кеннетъ, хоть и не совершенно зналъ этотъ языкъ, но отчасти понимавъ его, съ удовольствіемъ бы слушалъ по-

вѣсть Гассана, которая, не смотря на то, что была вдохновенна излишнѣ пылкимъ воображеніемъ, и выражаема надутымъ, фигурнымъ слогомъ, имѣла однакоже большое сходство съ рыцарскими романами, бывшими въ такомъ употребленіи тогда въ Европѣ. Но при его положеніи, едва ли замѣчалъ онъ, что человѣкъ, ѣдущій посреди своей свиты, декламировалъ и пѣлъ, стараясь приличнымъ тономъ выражать различныя страсти, изображаемыя имъ, бывъ въ награду осыпаемъ похвалами слушателей своихъ, которыхъ то приводилъ онъ въ изумленіе и то въ восторгъ, то заставлялъ вздыхать и плакать, а иногда, что всего бываетъ труднѣе и рѣже случается, заставлялъ ихъ не только улыбаться, но и хохотать.

Въ продолженіе этаго разсказа, вниманіе изгнанника, углубленное собственными горестьми, иногда развлекалось жалобнымъ ворчаніемъ собаки, посаженной въ тростниковой закрытой корзинкѣ, повѣшенной на спинѣ одного изъ верблюдовъ. Какъ искусный охотникъ, онъ лег-

ко узналъ по голосу свою вѣрную гончую собаку, и по жалобнымъ ея стонамъ не сомнѣвался, что она чувствуя присудствіе своего хозяина, умоляетъ его о своемъ освобожденіи.

— Увы, бѣдный Росвальдъ, думалъ онъ, ты призываешъ на помощь свою человѣка, котораго плѣнъ гораздо мучительнѣе твоего. Я не подамъ тебѣ и вида, что узнаю тебя; не обращу на тебя вниманія, не стану отвѣчать на твою привязанность, потомучто не хочу удручать себя вторичною съ тобой разлукою.

Такимъ образомъ прошли часы ночи, и зардѣлась заря наступающаго утра, которая въ Сиріи отмѣняется лишь слабымъ блескомъ отъ вечернихъ сумерекъ. Но какъ скоро заблисталъ первый лучь солнца на горизонтѣ; какъ скоро онъ сталъ отражаться косвенно на песчаной степи дикой пустыни, куда вѣзжали тогда наши путники, то звонкой голосъ Эль-Гакима раздавшись, заглушилъ голосъ разскащика, перервавъ его повѣствованіе, чтобы повторить торжественное воззваніе, дѣлаемое Музульманскими

кликунами каждое утро съ башенъ своихъ мечетей.

—На молитву! на молитву! нѣсть инаго Бога опричь Бога. На молитву! на молитву! Магометъ есть пророкъ Божій! На молитву! на молитву! Время быстро летитъ отъ васъ. На молитву! на молитву! судъ настаетъ для васъ.

Въ одну секунду, каждый Музульманинъ, соскочивъ съ лошади своей, обратился лицемъ къ Меккѣ, и сдѣлавъ пескомъ примѣръ омовенія, наблюдаемый во всякомъ другомъ мѣстѣ Турками, въ короткой, но усердной молитвѣ, призывалъ покровительство Божіе и его пророка, испрашивая прощеніе своимъ грѣхамъ.

Самъ Сиръ Кеннетъ, котораго разсудокъ и предубѣжденія возмущались, видя своихъ спутниковъ занятыхъ тѣмъ, что называлъ онъ идолопоклонствомъ, не могъ удержатся, чтобы не почтить искренную ихъ набожность; онъ былъ возбуждаемъ ихъ усердіемъ къ возсыланію теплѣйшихъ молитвъ къ Богу, чистѣйшею противъ нихъ религіею, едва однакожъ понимая, какимъ об-

разомъ новое это для него чувство, могло его заставить присоединить мольбы свои, хоть и подъ различнымъ видомъ, къ молитвѣ этихъ самыхъ Сарацинъ, которыхъ беззаконная вѣра, возбуждая въ немъ всегда омерзѣніе, казалось омрачала страну, гдѣ свершилось столько знаменитыхъ чудесъ, и гдѣ взошла звѣзда искупленія.

Однакожъ, исполненіе Христіянскаго долга съ чистѣйшею набожностію, хоть и не въ приличномъ ему сообществѣ, происшекшее отъ природнаго чувства священныхъ обязанностей, произвело обыкновенное свое дѣйствіе, то есть, оно утишило волненіе страстей, успокоило его духъ, сраженный столькими бѣдствіями. Искреннія и усердныя мольбы, возсылаемыя Христіяниномъ къ престолу Всемогущаго, лучше всего научаютъ его терпѣнію въ злополучіи и горести; потому, что прилично ли намъ возсылать къ Божеству богопротивныя мольбы, когда мы оскорбляемъ его ропотомъ своимъ на опредѣленіе судьбы? Какимъ образомъ, когда наши мо-

литвы бренны и ничтожны бывЪ какЪ и мы сами, вЪ сравненіи сЪ безсмертнымЪ существомЪ, можемЪ мы надѣяться обмануть сердцевѣдца, попуская страстямЪ нашимЪ и міру одолѣвать нами, разпространять буйственное свое владычество, тотчасЪ послѣ умолканія нашей набожности? Бывали, и статься можетЪ есть, еще довольно несмысленные люди, которые позволяютЪ земнымЪ страстямЪ овладѣвать и управлять своимЪ умомЪ, вслѣдЪ за торжественными мольбами; но СирЪ КеннетЪ не былЪ изЪ числа ихЪ. ОнЪ чувствовалЪ себя утѣшеннымЪ, укрѣпленнымЪ и лучше приготовленнымЪ кЪ понесѣнію назначеннаго ему судьбой, кЪ исполненію возлагаемаго на него ПровидѣніемЪ, кЪ испытанію участи своей, какЪ бы ни была она жестока.

ТѣмЪ временемЪ, Сарацины снова сѣли на коней своихЪ, а ГассанЪ началЪ продолжать повѣсть свою, перерваную молитвою; но слушатели его не были уже такЪ внимательны. ВсадникЪ, взобравшійся на вершину вЪ нѣкоторомЪ разстояніи, вправѣ

отъ ѣдущихъ за нимъ, во весь опоръ прискакавъ назадъ, сказавъ что-то шепотомъ Эль-Гакиму; тотъ отрядилъ на то же мѣсто четырехъ или пять всадниковъ, и весь караванъ, состоявшій до тридцати человѣкъ, слѣдовалъ за ними глазами, какъ бы ихъ движенія, или ихъ тихой, скорый шагъ могъ означить имъ благопріятную или дурную вѣсть. Гассанъ, видя, что товарищи перестали слушать его, или занятый самъ происходящимъ на правомъ флангѣ, снова прервалъ разсказъ свой, и путь ихъ продолжался въ безмолвіи, развѣ только по времянамъ верблюдникъ относясь къ терпѣливому животному, управляемому имъ, ободрялъ его кликомъ, или кто изъ путниковъ прошептывалъ своему товарищу, съ безпокойнымъ видомъ нѣсколько отрывистыхъ словъ.

Эта неизвѣстность продолжалась до тѣхъ поръ, какъ они миновали пещаную гору, скрывавшую отъ нихъ возвышеніе, откуда конный ихъ караулъ усмотрѣлъ предметъ возбудившій опасеніе. Сиръ Кеннетъ увидѣлъ тогда въ разстояніи на

милю чернѣющійся отрядъ войска, который казалось быстро несся по степи; онъ вскорѣ разпознаълъ зоркимъ своимъ глазомъ, что этотъ отрядъ былъ гораздо многочисленнѣе ихъ каравана; и при блестящихъ лучахъ солнца, отражающихся въ стали и мѣди всадниковъ, не сомнѣвался больше, чтобы это не были Европейцы, вооруженные съ головы до ногъ.

Всадники съ безпокойствомъ посматривали на Эль-Гакима, изъявляя величайшій страхъ и опасенія; но онъ, съ тѣмъ же спокойнымъ видомъ, какъ и въ призывѣ ихъ на молитву, отдѣливъ двухъ изъ нихъ лучшихъ сѣдоковъ, приказалъ имъ подъѣхавъ какъ можно ближе къ конному отряду, вѣрнѣе осмотрѣть ихъ число, какой они земли, и естьли можно, проникнуть ихъ намѣренья.

Приближающаяся, или покрайности предполагаемая опасность, была для Сиръ Кеннета тоже, что возбудительный напитокъ для человѣка, погруженнаго въ усыпленіе, выводящій его изъ безпамятства.

— Всадники эти мнѣ кажутся Христіане, сказалъ онъ Эль-Гакиму; чего же вы можете отъ нихъ страшиться?

— Срашиться! повторилъ Адонебекъ. Мудрый боится только Бога, но ожидаетъ отъ злыхъ всякаго зла, какое они только могутъ здѣлать.

— Это Христіане, возразилъ Кеннетъ; перемиріе еще не кончилось; то по чему боитесь вы, чтобъ они нарушили его?

— Это монашествующіе воины, Тампліеры, отвѣчалъ Эль-Гакимъ, а они дали обѣтъ не смотря на миръ и перемирія, воевать всегда съ поклонниками Аллы; да ниспошлетъ пророкъ небесный огнь на древо, вѣтьви и отростки ихъ! съ ними миръ, война, а слова ихъ ложь. У прочихъ непріятелей Христіянскаго закона бываютъ минуты дружелюбія. Левъ Ришардъ щадитъ сраженныхъ имъ; Орелъ Филиппъ опускаетъ крылья, настигнувъ свою добычу; но эта шайка алчныхъ волковъ не знаетъ ни отдыха, ни пресыщенія въ своихъ хищничествахъ. Развѣ ты не видишь, что они отрядили

часть своего войска, приближающагося съ восточной стороны? Это ихъ пажи и щитоносцы, которыхъ пріучаютъ они къ проклятымъ своимъ ухищреніямъ, и посылаютъ впередъ какъ легкое войско, чтобъ отрѣзать намъ путь къ источнику. Но они обманутся. Мнѣ извѣстнѣе ихъ воинскія дѣйствія въ степи.

Сказавъ нѣсколько словъ главному изъ чиновниковъ своихъ, онъ вдругъ преобразился изъ хладнокровнаго, спокойнаго наблюдателя и Восточнаго мудреца, въ горделиваго, пылкаго воина, храбрѣйшаго солдата, котораго мужество воспламенялось близкою опасностью, предвидимою и презираемою имъ.

Въ глазахъ Сиръ Кеннета, наступающій переломъ казался спасеніемъ; и когда Адонебекъ сказалъ ему:— Ты долженъ оставаться близь меня, то онъ торжественно отказался отъ того.

— Товарищи и братья мои приближаются, отвѣчалъ онъ, люди, съ которыми я далъ обѣтъ сражаться за одно, побѣдить или погибнуть. Знаменіе благословеннаго нашего ис-

купленія блистаетъ на ихъ знаменахъ. Я не отклоняюся отъ креста, чтобы слѣдовать за полумѣсяцемъ.

—Безумецъ, сказалъ Эль-Гакимъ, первымъ ихъ стараніемъ будетъ умертвить тебя, хотя бы это послужило только для того, чтобы скрыть нарушенное ими перемиріе.

— Я иду на смерть, отвѣчалъ Рыцарь, не желая ни минуты оставаться въ плѣну невѣрныхъ, когда могу избѣгнуть поносныхъ ихъ оковъ.

— Когда такъ, то я принужу тебя за собою слѣдовать, отвѣчалъ Адонебекъ.

— Меня принудить! вскричалъ Сиръ Кеннетъ съ гордостью; ты не былъ моимъ благотворителемъ, или покрайности, не показалъ мнѣ вида, что желалъ бы имъ быть; и естлибъ я не обязанъ былъ твоей довѣренности свободою рукъ моихъ, которыя ты могъ бы обременить оковами, то я доказалъ бы тебѣ, не смотря на то, что я совсѣмъ обезоруженъ, какъ трудно меня принудить.

— Довольно, довольно, сказалъ Мавританской лѣкарь; мы тратимъ

по пустому время, которое становится драгоцѣннымъ.

При этихъ словахъ онъ поднялъ руку къ верьху, испустивъ пронзительный крикъ, служащій знакомъ его свитѣ, которая въ минуту разсыпалась по степи, какъ зерны четокъ порваной нитки. Сиръ Кеннетъ не имѣлъ уже больше времяни видѣть, что за тѣмъ послѣдовало, потому что Эль-Гакимъ схвативъ мгновенно за узду его лошадь, и опустивъ повода своей, помчалъ своего товарища за собою такъ быстро, что Шотландской Рыцарь едва переводилъ духъ, лишивъ его всей возможности, естьлибъ онъ и желалъ, удержать путеводителя своего на скаку его. Какъ ни искусенъ онъ былъ въ верховой ѣздѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, самыя быстрыя лошади, на какихъ онъ прежде ѣзжалъ, въ сравненіи съ лошадью Мавританскаго лѣкаря были ни что иное, какъ черепаха. Отъ ногъ ихъ разсыпались искры по песку, казалось, что онѣ пожирали пространство предлежащей имъ степи; почти минутами можно было исчислять мили, про-

ѣханныя ими, и однакожъ онѣ повидимому ни мало не уставали, дыша также свободно, какъ и при началѣ необыкновенной своей скачки. Бѣгъ ихъ былъ покоенъ и быстръ; мчась онѣ казалось какъ бы летѣли по воздуху, не касаясь земли; одно лишь головокруженіе чувствовали сѣдоки ихъ, производимое чрезмѣрною быстротой, и дыханіе по временамъ спиралося въ ихъ груди.

Проскакавъ такимъ образомъ около часа, и оставивъ гораздо позади себя всѣ опасности быть настигнутыми, Эль-Гакимъ наконецъ убавилъ прыти лошадей, пустивъ ихъ обыкновеннымъ галопомъ. Тогда началъ онъ такимъ спокойнымъ голосомъ, какъ бы проѣхавъ все это время шагомъ, выхвалять превосходство летуновъ своихъ Шотландскому Рыцарю, который бывъ полуоглушенъ и полуослѣпленъ, съ закруженною головой отъ быстрой ихъ скачки, едва понималъ произносимыя слова его товарищемъ съ безпримѣрною легкостію и свободою.

— Этѣ лошади, говорилъ онъ, отъ породы называемыхъ крылатыхъ ле-

туновЪ, и уступаютЪ вЪ быстротѢ только пророкову бараку. ИхЪ кормятЪ позлащеннымЪ ячменемЪ Iемена, смѢшенными сЪ пряными кореньями, прибавляя нѢсколько вЪ него сушеной баранины. Цари, для пріобрѢтенія ихЪ давали провинціи, и онѢ вЪ старости равно быстры, какЪ и вЪ молодыхЪ лѢтахЪ. Ты первый изЪ Христіанъ, НазарянинЪ, которому случилось проѢхать на конѢ благородной этой породы, ниспосланной вЪ дарЪ отЪ пророка блаженному Али, родственнику его и полководцу, проименованному по всей справедливости *БожьимЪ ЛьвомЪ*. СлѢды времяни такЪ слабо дѢйствуютЪ надЪ великодушными этими животными, что кобыла, на которой ты Ѣдишь теперь, проживЪ уже двадцать пять лѢтЪ, ни мало не ослабѢла вЪ быстротѢ и силахЪ своихЪ, сЪ тою только разницею, что теперь нужно ею управлять искуснѢйшею рукою, нежели твоя. Да будетЪ благословенЪ пророкЪ, даровавшій правовѢрнымЪ средства настигать и отступать такЪ благоуспѢшно, тогда какЪ непріятели ихЪ

покрытые сталью, обременяются тягостью своихъ вооруженій! Какъ бѣдныя лошади этихъ собакъ, Тампліеровъ, должны были задыхаться и храпѣть, вязнувъ по лодышку въ сыпучихъ пескахъ степи, проскакавъ двадцатую долю общеченнаго нами пространства на быстрыхъ этихъ летунахъ; посмотри, даже ни одна шерстинка не взмокла и не взмылилась у нихъ.

Шотландской Рыцарь, начиная тогда свободнѣе переводить духъ, и въ состояніи бывъ понимать разговоръ своего товарища, внутренно признавался самъ, что Восточные воины одарены противъ нихъ гораздо большимъ преимуществомъ, имѣя такихъ быстрыхъ скакуновъ, равно удобныхъ для нападенія и побѣга, которыхъ ноги такъ легко разсѣкаютъ Аравійскія и Сирійскія песчаныя степи. Но не хотѣвъ умножать гордости Музульманъ, уступая ему въ томъ преимущество, не сталъ продолжать разговора, и окинувъ вкругъ себя глазами, увидѣлъ, благодаря умѣренному шагу своего коня,

что они ѣхали въ знакомой ему сторонѣ.

Безплодные берега и мрачные воды Мертваго моря; цѣпь крутыхъ и утесистыхъ горъ, возвышающихся по лѣвую сторону; нѣсколько тополей, составляющихъ зеленѣющуюся точку во всемъ пространствѣ обширной этой пустыни, которые видѣвъ однажды, не забудешъ никогда: всѣ эти предметы доказывали Сиръ Кеннету, что они приближались къ источнику, именуемому пустынный алмазъ, бывшій, нѣсколько времяни тому назадъ, свидѣтелемъ встрѣчи его съ Сарацинскимъ Эмиромъ Шееркофомъ, или Ильдеримомъ. Черезъ нѣсколько минутъ они остановились близь источника. Эль-Гакимъ приглашалъ Сиръ Кеннета сойти съ лошади, и предаться отдохновенію какъ въ безопасномъ мѣстѣ. Они разнуздали лошадей своихъ, и Адонебекъ велѣлъ ему оставить ихъ на свободѣ, до пріѣзда его невольниковъ, которые конечно не замедлятъ присоединиться къ нимъ, и разсѣдлавъ напоятъ ихъ.

— Въ ожиданіи, прибавилъ онъ, положивъ нѣсколько съѣстныхъ припасовъ на траву, станемъ пить, ѣсть и не будемъ отчаяваться. Щастіе, по волѣ своей, можетъ возвышать или унижать обыкновенныхъ людей, но духъ мудреца и воина долженъ всегда преодолѣвать своенравіе его.

Шошландской Рыцарь старался изъявить ему признательность свою послушаніемъ своимъ; но какъ онъ не принуждалъ себя изъ вѣжливости ѣсть, горестная противуположность, существовавшая въ настоящемъ и прежнемъ его положеніи, въ этомъ самомъ мѣстѣ, когда онъ былъ посланнымъ отъ Владѣтельныхъ Князей, побѣдителемъ въ поединкѣ съ Ильдеримомъ, служило для него тяжелымъ бремянемъ; а продолжительное отчужденіе отъ пищи, усталость и внутреннія волненія привели его въ совершенное разслабленіе. Лѣкарь, замѣтивъ тяжелое его дыханіе, пощупалъ пульсъ его, и нашелъ его очень взволнованнымъ; руки его были горячи какъ огонь, глаза красны и воспаленны.

—Бдѣніе возстановляетъ способности ума, сказалъ онъ Рыцарю; но тѣло, бывъ составлено изъ грубѣйшихъ веществъ, имѣетъ нужду въ успокоеніи, для подкрѣпленія своего. Тебѣ нужно выспаться, чтобъ освѣжиться; а чтобы легче заснуть, надобно принять этаго элексира.

При этихъ словахъ онъ вынулъ маленькую хрустальную склянку, оправленную въ серебрѣ, и почерпнувъ воды въ небольшую золотую чашу, влилъ въ нее нѣсколько капель элексира темнаго цвѣта.

—Это произрастѣніе земли даровано Аллою для блага людей, хотя они по развращенію своему и слабости, часто превращаютъ небесные дары себѣ во вредъ. Этотъ напитокъ также сильно дѣйствуетъ, какъ и стаканъ Назарянинскаго вина; онъ смѣжаетъ вѣки, не могшія долгое время смыкаться, и облегчаетъ тоску удрученнаго сердца; но когда употребишъ его изъ прихоти, для скотственныхъ чувствъ и разврата, то нервы ослабѣютъ, силы истребятся, умъ притупѣетъ, жизненные соки изсякнутъ. Не страшись при-

бѣгать къ помощи его въ нужныхъ случаяхъ, потому что кровь отогрѣвается у того же самаго огня, которымъ безумецъ сожигаетъ свой шатеръ.

— Я видѣлъ много опытовъ твоего искуства, мудрый Гакимъ, отвѣчалъ Сиръ Кеннетъ, и не поколеблюсь тебѣ повиноваться. Онъ взялъ данный ему усыпительный напитокъ, смѣшанный съ чистою водою источника. Потомъ завернувшись въ гайку, или въ Арабской плащь, привѣшенный къ лукѣ сѣдла его, легъ подъ тѣнью, по предписанію лѣкаря, въ ожиданіи успокоенія, которое такъ было ему необходимо.

Сонъ не скоро наступилъ; но въ замѣну, онъ почувствовалъ, что пріятнѣйшія впечатлѣнія, какъ призраки, смѣняяся одно другимъ, не отгоняя усыпленія, начавшаго мало по малу овладѣвать имъ, притупили скорбь его. Въ слѣдъ за тѣмъ, хоть онъ и чувствовалъ себя въ томъ же самомъ положеніи, но могъ уже разсматривать всѣ злополучія свои, не только безъ ужаса и безъ горести, но съ совершеннымъ спокойствіемъ,

какѣ бы они представлялись ему на сценѣ, или какѣ бы духѣ его, отдѣлясь отѣ тѣла, проходилѣ происшествія давно прошедшихѣ дней. Изѣ этаго успокоительнаго положенія, подобнаго усыпленію, быстро переносился онѣ мысленно вѣ будущее, и не смотря на всѣ причины и препоны, помрачающія перспективу его, оно блистало яркими красками, превосходящими все воображаемое имѣ щастіе вѣ самые благополучные дни его жизни, какого никогда и не мечталось ему на яву, не смотря на всю пылкость его и восторженный умѣ. Свобода, слава, увѣнчанная любовь казалось предстояли ему, ожидая изгнаннаго невольника, посрамленнаго Рыцаря, любовника, лишеннаго всей надежды, такѣ высоко простиравшаго свои виды, что посредствомѣ самаго слѣпаго случая, не смотря на странные его перевороты, онѣ не могѣ бы никогда достигнуть своей цѣли.

Мало по малу радостные призраки разсѣялись и изчезли вѣ совершенномѣ забытьи, какѣ угасающіе лучи заходящаго солнца. Наконецѣ Сирѣ

Кеннетъ остался простертымъ у ногъ Эль-Гакима такъ неподвижно, что естьлибъ онъ не дышалъ, то можно бы почесть тѣло его за мертвый трупъ.

КНИГА IV.

„Волшебнымъ прутикомъ, мгновенное очарованье вдругъ превращаетъ видъ поверхностей земныхъ; вамъ мнится, видится, на зрѣлища смотря, что вы въ брѣду, въ горячкѣ иль во снѣ.“

Астольфъ.

Когда Рыцарь Барса пробудился отъ продолжительнаго и глубокаго успокоенія, то увидѣлъ себя совершенно въ противномъ положеніи, какъ былъ онъ передъ усыпленіемъ, и даже сомнѣвался, не вѣря собственнымъ глазамъ, очнулся ли онъ, или какимъ волшебствомъ преобразились видимые имъ предметы. Вмѣсто того, чтобы лежать на travѣ, онъ отдыхалъ на постелѣ, убранной съ восточною роскошью. Услужливыя руки сняли съ него, во время сна, верблюжью фуфайку,

носимую имъ всегда подъ латами; вмѣсто ея, надѣто было на него тонкое бѣлье и длинный шелковой халатъ. Вмѣсто тѣни пальмовыхъ деревъ, осѣнявшихъ его, раскинута была надъ ними шелковая палатка, разрисованная яркими Китайскими цвѣтами, и флеровой занавѣсъ, задернутый вокругъ его постели, служилъ ему во время сна защитою отъ насѣкомыхъ, которыя не давали ему покоя съ тѣхъ поръ, какъ онъ переселился на Востокъ.

Онъ озирался вкругъ себя, какъ бы желая удостовѣриться, точно ли онъ проснулся, и все попадавшееся ему въ глаза соотвѣтствовало роскошной его постелѣ.

Ручная ванна изъ кедроваго дерева, обитая серебромъ, уже была наполнена теплою водою, для услугъ его при пробужденіи, а душистые ароматы разливали вокругъ благоуханія. На маленькомъ столѣ изъ чернаго дерева, поставленномъ подлѣ его кровати, стояла серебреная чаша, наполненная вкуснѣйшаго шербета, холоднаго какъ ледъ, который отъ жажды, возбужденной въ немъ

усыпительнымъ лѣкарствомъ, показался ему вдвое усладительнѣе и пріятнѣе. Для прогнанія остальнаго упоенія отъ даннаго ему напитка, Рыцарь сѣвъ въ ванну, освѣжилъ всѣ члены свои и умъ.

Обтершись салфетками изъ Индійской шерсти, Рыцарь охотно бы надѣлъ обыкновенное свое платье, чтобъ вытти потомъ посмотрѣть, такъ ли преобразилось все въ мірѣ, какъ перемѣнилось и въ мѣстѣ его усыпленія; но онъ не могъ отыскать своего платья, видя, что вмѣсто его приготовленъ богатый Сарацинской нарядъ съ саблей и кинжаломъ, какіе носили Эмиры. Не зная, къ чему приписать такое величайшее вниманіе, онъ усумнился, не съ намѣреніемъ ли все было это здѣлано, чтобы поколебать его въ вѣрѣ, потому что извѣстно, какъ много уважалъ Султанъ знаніями и храбростью Европейцевъ, которымъ онъ оказывалъ неограниченныя милости, какъ скоро они попавшись въ плѣнъ, обращались въ Магометанской законъ. И такъ, перекрестясь съ набожностью, онъ рѣшился опровер-

гнуть подобные замыслы, а чтобЪ пребыть вЪ томЪ непоколебимымЪ, онЪ положилЪ умѣренно пользоваться предметами роскоши, разсыпанными вкругЪ него. ОднакожЪ, по чувствуемой еще тяжести вЪ головѣ, онЪ видѣлЪ, что не совсѣмЪ еще выспался; и не могши выйти изЪ палатки вЪ ночномЪ шлафорѣ, бросился опять на постель, заснувЪ снова сладкимЪ сномЪ.

Но на этотЪ разЪ сонЪ его былЪ прерванЪ, призывомЪ Мавританскаго лѣкаря, который у двери палатки спрашивалЪ его, каково онЪ чувствуетЪ себя, и хорошо ли выспался?—Можно ли мнѣ войти кЪ вамЪ, прибавилЪ онЪ; занавѣсЪ еще задернутЪ у васЪ при двери?

Рѣшась доказать, что онЪ не забылЪ еще своего положенія, до котораго онЪ былЪ доведенЪ невольничествомЪ и изгнаніемЪ, СирЪ КеннетЪ отвѣчалЪ ему:—Господину не нужно испрашивать позволенія, чтобы войти вЪ палатку своего невольника.

—Но естли я пришелЪ не какЪ господинЪ? сказалЪ Эль-ГакимЪ, все еще стоя у дверей.

—Лѣкарь, отвѣчалъ Рыцарь, имѣетъ всегда свободный входъ къ постелѣ своего больнаго.

—Я пришелъ теперь и не какъ лѣкарь, возразилъ Адонебекъ; и отъ того то я испрашиваю твоего позволенія, чтобы войти подъ сводъ твоего шатра.

—Естьли ты пришелъ какъ другъ, доказывая мнѣ во все это время дружескія разположенія, отвѣчалъ Сиръ Кеннетъ, то жилище друга всегда отверзто для принятія его.

—А еслибъ я, говорилъ мудрецъ, по обычаю Восточныхъ народовъ, любившихъ распложаться въ словахъ своихъ, явился къ тебѣ въ видѣ непріятеля?

—Явись въ какомъ хочешъ видѣ, вскричалъ Шотландской Рыцарь, вышедъ нѣсколько изъ терпѣнья всѣми его предположеніями, будь чѣмъ тебѣ угодно; ты очень знаешь, что я не имѣю ни возможности, ни желанія не принять тебя въ этомъ шатрѣ.

—И такъ, я вхожу какъ старинный твой непріятель, отвѣчалъ

Эль Гакимъ, но непріятель откровенный и великодушный.

Онъ вошелъ проговоривъ эти слова, и когда остановился передъ постелею Сиръ Кеннета, то голосъ все еще былъ Адонебека, Мавританскаго лѣкаря, но станъ, нарядъ и черты лица Ильдерима Курдистанскаго, имянованнаго Шееркофомъ. Сиръ Кеннетъ смотрѣлъ на него, какъ бы желая увѣриться, не мечта ли играетъ его воображеніемъ, или онъ точно видитъ Эмира передъ собой.

—Неужъ ли ты удивляешся, бывъ такимъ опытнымъ воиномъ, сказалъ Ильдеримъ, что солдатъ нѣсколько свѣдущь въ лѣкарской наукѣ? Говорю тебѣ, Назарянинъ, что совершенному всаднику необходимо нужно знать, умѣть ѣздить верхомъ, и въ случаѣ нужды, умѣть пустить кровь своему коню; умѣть на наковальнѣ сковать саблю себѣ, какъ и умѣть поражать ею непріятеля; владѣть своимъ оружіемъ и отчищать его: а сверхъ того, главное его искусство должно состоять въ томъ,

чтобЪ нанося раны, умѣть ихЪ излѣчить.

ВЪ продолженіи говореннаго Ильдеримомъ, Христіанской Рыцарь нѣсколько разЪ зажмуривалЪ глаза, и тогда Мавританской лѣкарь, вЪ длинномЪ черномЪ полукафтаньѣ, высокомЪ ТатарскомЪ колпакѣ представлялся его воображенію, сЪ важной поступью своей и мѣрными движеніями; но какЪ скоро онЪ открывалЪ ихЪ, то чалма, надѣтая сЪ ловкостью на предстоящемЪ передЪ нимЪ, украшенная драгоцѣнными каменьями, легкія кольчуги изЪ стали перевитой серебромЪ, отбрасывающія отЪ себя блескЪ при малѣйшемЪ движеніи его стана, черты лица живыя, отчужденныя важной степенности, не такЪ смуглыя; наконецЪ, не такЪ густые волосы и черные усы, изображали больше воина, нежели мудреца.

—Не ужЪ ли ты все еще вЪ изумленіи? спросилЪ его ЭмирЪ; или живучи вЪ свѣтѣ, тебѣ не случалось замѣчать, что люди не всегда бываютЪ то, чѣмЪ они предста-

вляются? Ты, ты самъ то ли есть, чѣмъ кажешся?

— Нѣтъ! нѣтъ! клянусь Святымъ Андреемъ! вскричалъ Сиръ Кеннетъ; потому, что я кажусь измѣнникомъ въ глазахъ всего Христіанскаго стана, а я знаю, что я честенъ и вѣренъ, хоть и жестоко проступился.

— Такъ точно судилъ я о тебѣ, сказалъ Ильдеримъ, и какъ мы ѣли вмѣстѣ соль, (1), то я почиталъ себя обязаннымъ спасти тебя отъ смерти и посрамленія. Но отъ чего ты по сію пору лежишъ еще въ постелѣ, солнцѣ давно и высоко взошло? Развѣ приготовленный мною для тебя уборъ не достоинъ тебя?

— Онъ конечно не недостоинъ меня, благородный Ильдеримъ; но не приличенъ мнѣ. Дай мнѣ невольническое платье, и я охотно буду носить его; но не могу рѣшиться надѣть одежды свободнаго Восточнаго воина, ни Музульманской чалмы.

---

(1) Извѣстно, что человѣкъ, съ которымъ ѣлъ соль на Востокѣ, становится другомъ.

— Назарянинъ, вашъ народъ такъ охотно вдается въ подозрѣнія, что не мудрено, естли онъ возбуждаетъ сомнѣнія. Не говорилъ ли я тебѣ, что Саладинъ ни мало не желаетъ никого по неволѣ обращать въ свою вѣру, и принимаетъ только тѣхъ, которые по волѣ подчиняются закону пророка? Насиліе и обольщенія не тѣ орудія, которыя употребляетъ онъ для распространенія истинной вѣры. Послушай меня, братъ: когда зрѣніе чудесно возвращается слѣпому; когда, по волѣ Аллы, кора спадаетъ съ глазъ его, то не ужъ ли ты думаешъ, что самый искуснѣйшій лѣкарь могъ бы оказать ему ту же услугу? Конечно, нѣтъ; онъ измучилъ бы страдальца своими инструментами; статься можетъ, уменьшилъ бы его боль пластырьми и бальзамами, но слѣпецъ остался бы при томъ же маракѣ и мглѣ. Такъ бываетъ съ ослѣпленными умами. Если есть между франками человѣки, которые надѣли чалму и обратились въ Мусульманскую вѣру, изъ гнуснаго корыстолюбія, то да падетъ хула на ихъ совѣсть! Они сами соблазни-

ли себя, но не Султанъ ихъ обольстилъ. И когда они будутъ осуждены за лицемѣріе свое, сниспустятся въ преисподнюю ада, ниже Христіанина и Жидовина, идолопоклонника и чародѣя, и вкусятъ плодъ отъ древа хакуми, то есть голову сатаны, то имъ самимъ, а не Султану должно будетъ приписывать ихъ преступленіе, съ заслуженнымъ ими наказаніемъ. И такъ, носи не колеблясь и безъ зазрѣнія совѣсти приготовленный тебѣ уборъ, потому что если тебѣ вздумается ѣхать въ станъ Саладина, то Европейской нарядъ обратитъ на тебя совсѣмъ непріятнымъ образомъ глаза, и ты даже можешъ подвергнуть себя поруганію.

—Если мнѣ вздумается ѣхать въ станъ Саладина! повторилъ Сиръ Кеннетъ. Увы! властенъ ли я располагать собой? развѣ я не долженъ слѣдовать всюду, куда вамъ будетъ угодно взять меня?

—Собственная твоя воля будетъ вождемъ твоимъ, и она поведетъ тебя во всѣ стороны, куда ей будетъ угодно, какъ несущійся вихрь замѣ-

таетъ передъ собой пустынный песокъ. Благородный непріятель, сражавшійся со мной и едва не побѣдившій, не можетъ быть моимъ рабомъ, какъ и преклонившій главу свою передъ моимъ мечемъ. Еслибъ богатства и могущество могли убѣдить тебя присоединиться къ нашей арміи, то я могу тебѣ предложить ихъ; но я боюсь, что человѣкъ, отвергнувшій милости Султана, когда мечь палача сверкалъ надъ головой его, не приметъ ихъ, когда я говорю, что онъ свободенъ выбирать любое.

— Довершите ваше великодушіе, благородный Эмиръ, давъ мнѣ другое средство, чтобы отблагодарить васъ, средство, согласное съ моею совѣстью. Позвольте мнѣ изъяснить вамъ, какъ вѣжливость того требуетъ, всю признательность мою за Рыцарское ваше благодушіе, котораго я еще не заслужилъ.

—Не говори, чтобъ ты не заслужилъ его. Не ты ли разговоромъ своимъ и описаніемъ красавицъ, украшающихъ дворъ Мелекъ-рика, внушилъ мнѣ мысль, явиться туда переодѣтымъ, и тѣмъ доставилъ мнѣ

очаровательное зрѣлище, какимъ я впервые насладился, какимъ глаза мои уже не насладятся впередъ, покуда не откроются они, чтобы созерцать все велелѣпіе и славу рая?

— Я не понимаю васъ, отвѣчалъ Сиръ Кеннетъ, блѣднѣя и краснѣя, чувствуя, что разговоръ становился довольно щекотливъ.

— Ты не понимаешъ меня! вскричалъ Эмиръ. Если зрѣлище, видѣнное мной въ шатрѣ Короля Ришарда, ускользнуло отъ твоего вниманія, то стало зрѣніе твое тупѣе деревянной сабли шута. Правда, что ты былъ осужденъ тогда на смерть; но я, еслибъ голова моя до половины была отдѣлена отъ туловища, то и тогда послѣдній взоръ мой съ очарованіемъ и восторгомъ устремился бы на прелестный призракъ, и голова моя оторвавшись покатилась бы къ несравненной этой гуріи, чтобы коснуться трепещущими устами края одежды этой Англійской Королевы, которая превосходными своими чертами, заслуживаетъ быть царицею вселенной. Сколько нѣжности въ голубыхъ ея очахъ! какой,

блескѣ въ шелковыхъ волосахъ, подобныхъ золотымъ нитямъ! Клянусь гробомъ пророка, я сомнѣваюсь, чтобы гурія, предназначенная поднесть мнѣ чашу безсмертія, могла заслужить такія нѣжныя лобзанія!

—Сарацинъ, сказалъ Рыцарь съ строгимъ видомъ, ты говоришь о супругѣ Ришарда Англійскаго, а о ней не иначе позволяется думать и говорить, какъ о Королевѣ, которую должно чтить, а не такъ какъ о женщинѣ, въ которую можно влюбиться.

—Извини, сказалъ Эмиръ, я забылъ о вашемъ суевѣрномъ обожаніи ихъ пола. Я забылъ, что вы смотрите на женщинъ, какъ на предметъ удивленія и боготворенья, нежели любви и наслажденія. Но когда ты требуешъ такого глубокаго почтенія къ этому бренному идолу, которой всѣ движенія, поступки, взгляды, означаютъ настоящую женщину, то я согласенъ, что не иначе можно какъ чтить и боготворить черноволосую спутницу ея, которой большіе глаза такъ краснорѣчивы и выразительны. Признаюсь, въ благородной ея поступѣ, въ величественномъ видѣ,

есть что-то чистое, небесное, возбуждающее къ ней почтеніе; но я увѣряю тебя, что при случаѣ, она сама внутренно возблагодарила бы предпріимчиваго любовника, который поступилъ бы съ нею какъ съ смертною, а не съ богинею.

— Невѣрный, вскричалъ Сиръ Кеннетъ раздраженнымъ голосомъ, почитай родственницу Львинаго-Сердца.

—Почитать ее, повторилъ Эмиръ съ пренебреженіемъ; я скорѣе почту ее какъ супругу Саладина.

— Языческой Султанъ не достоинъ коснуться губами земли, попираемой ногами Эдифи Плантагенетъ! воскликнулъ Христіянской Рыцарь, вскочивъ съ своей постели.

—Что ты произнесъ, Джіауръ? вскричалъ Эмиръ, схвативъ кинжалъ рукой, и чело его зардѣлось какъ раскаленное желѣзо; отъ напряженія всѣ мускулы его, въ щекахъ и губахъ, каждый волосъ бороды его и усовъ двигался, поднявшись къ верху, какъ бы внезапный гнѣвъ одушевилъ ихъ. Но Шотландской Рыцарь, не устрашившійся раздражен-

наго Львa Ришарда, не убоялся лютости и разъяреннаго тигра Сарацина.

—То, что сказалъ я, возразилъ онъ, сложивъ крестомъ руки съ неустрашимымъ взоромъ, подтвержду пѣшій и конный, передъ кѣмъ бы то ни было; и не почту этотъ подвигъ за славнѣйшій въ моей жизни, подтвердить это добрымъ мечемъ моимъ противъ двадцати такихъ серповъ и булавокъ, указывая въ тоже время на выгнутую саблю и кинжалъ Сарацина.

Между тѣмъ какъ Сиръ Кеннетъ такъ говорилъ, Сарацинъ столько уже преодолѣлъ себя, что опустилъ руку, нанесенную имъ на кинжалъ, какъ бы она неумышленно схватилась за него; но гнѣвъ его не утишился.

—Клянусь мечемъ пророка, служащимъ ключемъ неба и преисподней, братъ, вскричалъ онъ, ты мало дорожишъ своею жизнію, говоря такъ безразсудно. Повѣрь мнѣ, еслибъ руки твои и были свободны, какъ сказалъ ты теперь, то одного правовѣрнаго достаточно, заставить

тебя образумиться, и пожелать, чтобы онѣ снова обременены были цѣпьми.

—Я скорѣе согласился бы, возразилъ Сиръ Кеннетъ, чтобъ ихъ отрубили мнѣ до плечь.

—Пусть такъ. Но теперь руки твои свободны, сказалъ Эмиръ кротко; онѣ связаны чувствомъ признательности и дружелюбія, и я ни мало не намѣренъ освобождать ихъ на эту минуту. Мы уже испытали наши силы и мужество; случиться можетъ, что мы встрѣтимся на полѣ битвы, и тогда да падетъ стыдъ на главу того, кто первый отстанетъ отъ своего непріятеля! Но теперь мы друзья, и я скорѣе ожидаю отъ тебя помощи и пособія, нежели оскорбленія и вызова.

—Теперь мы друзья, повторилъ Рыцарь.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе; запальчивый Сарацинъ пользуясь ими, расхаживалъ по шатру, какъ левъ, который, сказываютъ, послѣ сильнаго раздраженія, обыкновенно прохаживается, чтобы прохладить воспаленную кровь свою,

и потомѣ уже ложится вѣ своемѣ логовищѣ для успокоенія. Христіянинѣ, бывѣ гораздо хладнокровнѣе его, наблюдалѣ тоже положеніе и тотѣ же видѣ, внутренно стараяся равно преодолѣть гнѣвѣ свой, возбужденный совсѣмѣ неожиданно.

— Будемѣ хладнокровно разсуждать, сказалѣ наконецѣ Эмирѣ. Какѣ тебѣ уже извѣстно, я лѣкарь; а тотѣ, кто желаетѣ исцѣлиться отѣ раны своей, долженѣ терпѣливо выдержать осмотрѣ ея: и такѣ, приступимѣ кѣ дѣлу. Ты любишѣ эту родственницу Мелекѣ-Рика? Сними завѣсу, покрывающую твои помышленія; если же не хочешь, то не снимай ее, глаза мои и безѣ того проникнутѣ сквозь всѣ покровы.

—Я любилѣ ея, какѣ любятѣ благодать небесную, отвѣчалѣ Сирѣ Кеннетѣ послѣ минутнаго молчанія; я желалѣ ее благоволенія, какѣ желаютѣ отѣ небесѣ прощенія.

—И такѣ, ты пересталѣ уже любить ее? спросилѣ Ильдеримѣ.

—Увы! я не достоинѣ уже любить ее. Но прекратимѣ этотѣ разговорѣ; слова твои раздираютѣ душу.

— Потерпи еще минуту. Когда ты, бѣдный и ничтожный воинъ, осмѣлился такъ высоко мечтать, простирая любовь свою къ ней, то скажи мнѣ, имѣлъ ли ты хоть малый лучь надежды?

— Любовь не можетъ существовать безъ надежды, но моя привязанность походила больше на отчаянную любовь; я подобенъ былъ моряку, который плывя по бурному морю, оспориваетъ жизнь свою у волнъ, и преодолѣвая ихъ одну за другою, по времянамъ видитъ свѣтящїйся въ дали маякъ, какъ бы въ удостовѣренїе, что земля въ виду, хотя съ унылымъ сердцемъ, изнеможенными членами, выбившись изъ силъ, не надѣется никогда ее достигнуть.

— А теперь эта надежда погибла въ волнахъ? и отдаленный свѣтъ, уединеннаго маяка погасъ навсегда?

— Навсегда! повторилъ Сиръ Кеннетъ такимъ голосомъ, который казалось отдался изъ глубины гробовыхъ обломковъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ Эмиръ, что если для щастїя твоего нуженъ

только отдаленный блескЪ воздушнаго метеора, то со времянемЪ можетЪ возжется свѣтящійся маякЪ, о которомЪ ты говорилЪ; что надежды твои всплывутЪ со дна моря не смотря на волны, и что ты снова примешься за прежнюю любовь, питая ее пустыми мечтами, пустыми потому, храбрый Рыцарь, что еслибЪ тебѣ случилось завтраже возстановить утраченную честь свою, то любимая тобой все оставалась бы родственницею Короля, и обрѣченною супругою Саладина.

— Я желалЪ бы, чтобЪ это случилось, сказалЪ ШотландецЪ, и тогда... ОнЪ замолчалЪ, какЪ человѣкЪ, стыдящійся угрожать тѣмЪ, чего судя по обстоятельствамЪ, не можетЪ совершить.

СарацинЪ улыбнулся, и докончилЪ перерванную рѣчь его:

—Ты вызвалЪ бы Султана на поединокЪ? не такЪ ли?

—А хотя бы это такЪ и было, отвѣчалЪ СирЪ КеннетЪ сЪ высокомѣріемЪ, то не онЪ первый, котораго рука моя сразила бы вЪ бою.

—Конечно, но кажется для него слишкомъ не выгодно будетъ, подвергать рѣшенію поединка царственную невѣсту и благоденствіе цѣлаго народа, воюющаго противъ васъ.

— Такъ можно встрѣтить его въ первомъ ряду въ день сраженія, сказалъ Рыцарь, и глаза его заблистали отъ одушевлявшей его мысли.

—Тамъ всегда встрѣчаютъ его; и онъ не привыкъ отклоняться отъ битвы, когда храбрый непріятель представится передъ нимъ. Но не о Султанѣ намѣренъ былъ я говорить съ тобой: словомъ, если для возстановленія твоей чести достаточно будетъ обнаружить разбойника, похитившаго Англійское знамя, то я могу въ томъ способствовать тебѣ; да и что повѣствуетъ Локманъ? Если ребенокъ захочетъ переступать, то кормилица должна водить его; если непросвѣщенный пожелаетъ понимать, то мудрецъ долженъ наставить его.

— Ты мудръ, Ильдеримъ, мудръ, хотя и Сарацинъ; великодушенъ, хотя и Мусульманинъ. Я нѣсколько

уже разъ видѣлъ это на опытѣ. И такъ, будь моимъ путеводителемъ въ этомъ дѣлѣ, только не требуй отъ меня ничего противнаго моей чести и Христіянской религіи, и я въ точности исполню твои приказанія.

—И такъ, выслушай меня. Твоя благородная собака выздоровѣла; она вылѣчена посредствомъ божественнаго этаго лѣкарства, которое равно полезно животнымъ и людямъ. Она по врожденному смыслу узнаетъ изранившаго ее.

—А! кажется я понимаю тебя; какъ мнѣ самому по сію пору не вошло это въ голову?

—Но, скажи мнѣ, нѣтъ ли кого въ лагерѣ изъ свиты твоей, кто бы зналъ ее?

— Я отправилъ въ Шотландію стараго моего щитоносца, того самаго, котораго ты вылѣчилъ, съ молодымъ служителемъ, бывшимъ тогда при немъ, какъ я ожидалъ себѣ лишь смерти, отдавъ ему къ родственникамъ моимъ письма. И тамъ не осталось ни одного человѣка, кто бы зналъ мою собаку. Но я извѣ-

стенѣ всѣмъ; по одному уже голосу моему меня узнаютъ въ Христіанскомъ станѣ, гдѣ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я игралъ довольно значительную ролю.

—Нужды нѣтъ; и собака и господинъ ея такъ преобразятся, что самые проницательные глаза обманутся въ нихъ. Говорю тебѣ, что самый ближній другъ твой, даже кровный братъ, не узнаютъ тебя, если ты захочешъ руководствоваться моими совѣтами. Ты самъ видѣлъ, что я и не такія чудеса творилъ. Тотъ, кто призываетъ умирающихъ изъ сѣни смертной къ жизни, легко можетъ заслѣпить глаза живымъ. Но, вникни хорошенько въ слова мои: я предлагаю тебѣ одно условіе за эту услугу; ты долженъ передать письмо Саладина къ этой родственницѣ Мелекъ-Рика, которой имя также трудно для нашего языка и Восточныхъ губъ, какъ восхитительна красота ея для нашихъ глазъ.

Сиръ Кеннетъ задумался, прежде нежели сталъ отвѣчать, а Сарацинъ, видя его колеблющимся, спро-

силъ, развѣ онъ боится взяться за это порученіе?

— Нѣтъ, еслибъ исполненіе его стоило мнѣ и самой жизни, отвѣчалъ Рыцарь; я только размышлялъ, прилично ли для чести моей быть подателемъ Султанскаго письма, и позволительно ли для чести Лади Эдифи принять его отъ языческаго владѣтеля.

— Клянусь головою Магомета и честію воина, гробницею пророка и прахомъ моего родителя, что письмо это будетъ писано въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, и во всѣхъ правилахъ чести, благопристойности. Скорѣе обезславитъ соловей пѣснію своею розовой кустарникъ, куда залетаетъ онъ свистѣть, нежели слова Султана оскорбятъ слухъ прелестной родственницы Англійскаго Короля.

—Когда такъ, сказалъ Рыцарь, то я доставлю письмо Султана такъ вѣрно, какъ бы я былъ природный его подданный, хоть и само собою разумѣется, что выключая маловажной этой услуги, которую я въ точности исполню, онъ не долженъ

ожидать ни отъ меня, и ни отъ кого бы то ни было, ни ходатайства, ни пособія, ни участія въ этой странной любовной переписнѣ.

— Саладинъ слишкомъ благороденъ и великодушенъ, чтобы хотѣть заставить скакать коня выше возможности, отвѣчалъ Эмиръ. Пойдемъ въ мой шатеръ, и я снабжу тебя нужнымъ переодѣяніемъ, которое сокроетъ тебя какъ мракъ ночи отъ глазъ людскихъ, такъ что явившись въ Христіянской станъ, ты будешъ тамъ какъ будто невидимкой.

КНИГА V.

„Если упадетъ хоть одна соринка въ круговую чашу, то мы съ презрѣніемъ ее отринемъ, хотя бы тѣмъ напиткомъ плѣнялися въ чужой рукѣ.—

Компасомъ повѣряя, измѣря глубину морей, мы тѣшимъ лишь себя, и гибнемъ съ челнокомъ въ пучинѣ водъ!

Такъ и малѣйшій вздоръ, раздражая Героевъ, расторгаетъ твердѣйшія узы земныхъ властителей, опровергая тѣмъ ихъ славу, честь, предпринятый походъ и всѣ завоеванія!

Крестовый походъ, комедія.

И такъ, не безъизвѣстно уже теперь нашимъ читателямъ, кто былъ этотъ черный невольникъ, явившійся въ станъ Ришарда, что привлекло его туда, и какая цѣль заставила его стоять подлѣ особы этаго Монарха, когда окруженный доблестными Англійскими и Нормандскими Перами, Львиное Сердце на верхушкѣ горы Святаго Георгія стоялъ пѣшій подлѣ Англійскаго знамя, держимаго прекраснѣйшимъ мущиною изъ всего Государства, побочнымъ его братомъ, Вилліамомъ,

прозваннымъ Длинный мечь, Графомъ Саллизбюри, сыномъ Генриха II и славной Розамонды Вутстокъ.

По нѣкоторымъ выраженіямъ, вырвавшимся у Короля въ разговорѣ его съ Невилемъ, наканунѣ, мнимый Нюбіецъ не слишкомъ былъ увѣренъ, чтобы Ришардъ не проникъ превращенія его, тѣмъ больше, что Король казалось зналъ, какимъ образомъ собака будетъ способствовать къ открытію измѣнника, похитившаго знамя, хотя Ришардъ едва ли и зналъ, что подобное животное было ранено тогда. Однакожъ, какъ Король продолжалъ поступать съ нимъ соотвѣтственно его наружности, то онъ не могъ полагать навѣрное, извѣстенъ ли онъ Ришарду или нѣтъ, рѣшась до послѣдней крайности оставаться въ своемъ переодѣяньи.

Между тѣмъ войска различныхъ Крестоносныхъ Князей, предводительствуемыя своими полководцами, приближались въ строевомъ порядкѣ къ подошвѣ горы Святаго Георгія, и какъ скоро ровнялись съ нею, то

каждаго народа предводитель, ѣхавшій впередъ, два или три шага поднявшись на уступъ горы, отдавалъ честь Ришарду и Англійскому знамю, въ знакъ вѣжливости и дружелюбія, какъ то имянно означено было въ росписаніи церемоніала, а не въ знакъ повиновенія и подчиненности, или подданства. Духовные чины, которые въ томъ вѣкѣ не обнажали головъ своихъ передъ тлѣнными существами, вмѣсто поклона и привѣтствія, осѣняли крестомъ Короля, въ знакъ своего могущества.

Такимъ образомъ прошли многочисленные отряды войска, и хотя разныя причины были виною ихъ уменьшенія, все еще составляли они огромную массу, для которой завоеваніе Палестины казалось бы легкимъ подвигомъ. Солдаты, при этомъ сборѣ, видя соединенныя силы свои, держались прямо, стройно и вытянувшись на стальныхъ сѣдлахъ; отъ трубъ и литавръ раздавались веселые звуки; лошади, освѣженныя отдыхомъ, укрѣпленныя кормомъ, грызли удилы, бія горде-

ливо копытомъ о землю. Одни полки слѣдуя за другими, тянулись длинными рядами, съ распущенными знаменами; отъ оружія ихъ сверкали искры при солнечномъ сіяніи, перья и султаны развивались по вѣтру; словомъ, цѣлая армія, составленная изъ различныхъ народовъ, не сходствующихъ между собой ни лицами, ни языкомъ, ни вооруженіемъ, но движимые одинакимъ духомъ и чувствомъ, на то время, соединенные для священнаго предпріятія хотя и романическаго, чтобы исторгнуть угнѣтенную дщерь Сіона и освободить отъ ига невѣрныхъ землю, освященную нѣкогда присудствіемъ Сына Божія. Должно признаться, что если во всякомъ другомъ случаѣ, воздаваемыя почести Англійскому Королю столькими воинами, не обязанныхъ ему ни мало ни уваженіемъ, ни повиновеніемъ, показались бы нѣкоторымъ образомъ унизительными, то свойство и причина крестовой войны, столько возвышала Ришарда передъ прочими, безмѣрнымъ его мужествомъ и необыкновенно геройскимъ свойствомъ, воинскими

подвигами, которыми прославился онѣ, что каждый забывалѣ о своихѣ преимуществахѣ, уступая ему первенство, и храбрый охотно воздавалѣ почтеніе храбрѣйшему, вѣ походѣ, гдѣ для пріобрѣтенія побѣды нужно было непреодолимое мужество, неутомимая пылкость и дѣятельность.

Ришардѣ сѣвѣ на коня, остановился на полугорѣ Святаго Георгія; на головѣ его былѣ шлемѣ, украшенный короною, и всѣ черты мужественнаго лица его были открыты. Спокойно и сѣ участіемѣ смотрѣлѣ онѣ на различные полки, проходящіе мимо его, соотвѣтствуя на отдаваемую ему честь начальниками ихѣ, поклонами. На немѣ былѣ тюникѣ свѣтлоголубаго бархата, исподнее платье шелковое густаго алаго цвѣта, опороченное по швамѣ и на прорѣхахѣ золотою парчею. Подлѣ него стоялѣ мнимый Нюбійской невольникѣ, держа на снурѣ прекрасную свою собаку, какѣ бы ведя ее на охоту. Присудствіе его не возбуждало ни малѣ вниманія, потому что многіе крестоносные

владѣтели, ввели въ обычай держать при себѣ черныхъ невольниковъ, подражая великолѣпію Сарацинскихъ варваровъ. Надъ головою Ришарда развѣвалось Англійское знамя; взглядывая на него по времянамъ, онъ казалось равнодушно смотрѣлъ на воздаваемыя лично ему почести, но дорожилъ ими свыше всего въ отношеніи къ заглажденію нанесеннаго оскорбленія правимаго имъ Королевства. Позади его, на площадкѣ, возвышалась нарочно устроенная башня, въ которой сидѣла Королева Беренжера съ главными своими придворными дамами. Король часто оглядывался на нихъ, устремляя глаза свои на Нюбійскаго невольника съ его собакою, при приближеніи военачальниковъ, которыхъ по различнымъ обстоятельствамъ и причинамъ, полагалъ своими непріятелями, подозрѣвая ихъ какъ виновниковъ или участниковъ низкаго и подлаго поступка въ похищеніи его знамя.

Но ни разу не взглянулъ онъ на Нюбійца, когда показался въ дали Филиппъ Августъ, предводитель-

ствуя блистательными полками Французской конницы. Напротивъ, предупреждая движеніе этаго Государя, онъ спустился съ горы, тогда какъ Французскій Король въѣзжалъ на нее, такъ что они встрѣтились на половинѣ дороги, и раскланялись съ такою пріятностію, съ такимъ дружелюбіемъ, что казалось братство соединяло ихъ нѣжнѣйшими узами. При видѣ двухъ знаменитѣйшихъ, величайшихъ Государей Европы, по сану ихъ и могуществу, изъявляющихъ всенародно взаимное дружелюбіе и согласіе, раздались громогласные клики по всѣмъ рядамъ арміи, оглашающіе воздухъ, отдаваясь въ отголоскахъ на нѣсколько миль въ окружности; воинскіе эти клики, возбудивъ тревогу въ Арабскихъ конныхъ караулахъ, разставленныхъ по степи, распространили смятеніе въ станѣ Саладина, данною вѣстію, что Христіянская армія готовится къ нападенію. Но, кто можетъ проникнуть въ сердца Монарховъ; одинъ лишъ Царь Царей! Подъ этимъ видомъ дружелюбія и ласки, Ришардъ

питалЪ противЪ Филиппа неудовольствіе и подозрѣнія, а ФилиппЪ замышлялЪ удалиться сЪ войсками своими отЪ Крестоносной арміи, и оставить Ришарда одного сЪ его войсками довершать завоеваніе Палестины, или безЪ успѣха возвратиться вЪ Англію.

СовсѣмЪ иначе поступилЪ РишардЪ, когда Тампліерскіе Рыцари, покрытые черными своими доспѣхами, приближились сЪ ихЪ щитоносцами; смуглые и загорѣлые воины отЪ знойнаго солнца Палестины, какЪ Азіятцы, которыхЪ лошади затмѣвали великолѣпною своею збруею отборнѣйшихЪ ФранцузскихЪ и АнглійскихЪ всадниковЪ. Король тотчасЪ украдкою бросилЪ взглядЪ на невольника и собаку; но НюбіецЪ стоялЪ неподвижно и спокойно, а вѣрный его РосвальдЪ, лежа у ногЪ его, казалося какЪ смышленное животное, сЪ удовольствіемЪ смотрѣлЪ на выступавшихЪ воиновЪ. Тогда РишардЪ оборотился кЪ ТампліерскимЪ РыцарямЪ, а ГросЪ-МейстерЪ бывЪ духовный и свѣтской человѣкЪ, пользуясь первоначальнымЪ этимЪ

преимуществомъ, вмѣсто отданія ему чести мечемъ, осѣнилъ его рукой.

—Гордая амфибія принимаетъ на себя видъ монаха въ обращеніи со мной, сказалъ Ришардъ Графу Салисбюри; но пропустимъ это безъ вниманія. Не должно, Вилліамъ, за вздоръ лишать Христіанство услугъ надежныхъ ихъ копій, хотя они кичась своими побѣдами, становятся слишкомъ высокомѣрны и дерзки. Вотъ выступаетъ и храбрый нашъ сопротивникъ, Эрцъ-Герцогъ Австрійской. Замѣть его поступь и осанку, длинный мечь; а ты, Нюбіецъ, смотри, чтобъ собака твоя не проглядѣла его! Возможно ли, онъ окружился своими шутами.

И въ самомъ дѣлѣ, по привычкѣ, или вѣроятнѣе, чтобы изъявить презрѣніе свое къ церемоніалу, который онъ принужденъ былъ выполнить, Леопольдъ ѣхалъ въ сопровожденіи своего *Шпрюхъ Шпрехера* и *Гоффъ-Нарра*; приближаясь къ Ришарду, онъ свисталъ съ небрежнымъ видомъ, хоть на чертахъ его изображалась досада, смѣшенная съ

нѣкоторымъ страхомъ, какъ школьникъ подступаетъ къ своему учителю, провиняся передъ нимъ. Тогда какъ Эрцъ-Герцогъ противъ воли и желанія, съ мрачнымъ и смутнымъ видомъ, отдавалъ предписанную честь Ришарду, *Шпрюхъ Шпрехеръ* потрясая свою палку, провозглашалъ какъ Герольдъ, что Леопольдъ, Эрцъ-Герцогъ Австрійской, отдаваемою честію, не унижаетъ высокаго своего сана, и не подчиняетъ тѣмъ верховныхъ правъ Самодержца. Шутъ отвѣчалъ на провозглашеніе его, *аминь*, произнесенный звонкимъ голосомъ, отъ чего произошелъ у всѣхъ слушателей громкой смѣхъ.

Король Ришардъ не разъ смотрѣлъ на Нюбійца и собаку его. Но невольникъ оставался неподвиженъ; а животное не перемѣняло своего положенія. Ришардъ съ презрѣніемъ сказалъ тогда первому: — черный мой пріятель! хотя ты и привелъ свою собаку на помощь твоему понятію и смыслу, но я думаю, что успѣхъ твоего предпріятія не помѣститъ тебя въ число искусныхъ

колдуновъ, и не слишкомъ возвыситъ въ нашихъ глазахъ.

Мнимый Нюбіецъ, по обыкновенію своему, отвѣчалъ однимъ лишь почтительнымъ поклономъ.

Потомъ появилось въ строевомъ порядкѣ войско Маркиза Монтферратскаго. Могущественный и коварный этотъ владѣтель, чтобъ выставить свои силы въ большемъ блескѣ, раздѣлилъ ихъ на два отряда; однимъ, составленнымъ изъ подданныхъ его и набранныхъ солдатъ въ Сирійскихъ его волостяхъ, предводительствовалъ братъ его: самъ же онъ начальствовалъ надъ другимъ, состоящимъ изъ тысячи двухъ сотъ страдіотовъ, родъ легкой конницы, набранной Венеціанами въ Далматскихъ ихъ владѣніяхъ, порученной подъ начальство Маркиза, съ которымъ Венеціанская республика была въ тѣсномъ союзѣ. Ихъ нарядъ отчасти былъ Европейской, но много походилъ и на Азіятской. Правда что на нихъ надѣты были панцыри, но самые короткіе, сверхъ нихъ тюники изъ богатѣйшихъ матерій различныхъ цвѣтовъ; они носили ши-

рокіе панталоны и полусапожки. На головахъ ихъ были остроконечныя шапки, похожіе на Греческія; вооруженіе ихъ состояло въ кругломъ щитѣ, лукѣ, стрѣлахъ, саблѣ и кинжалѣ. Лошади у нихъ были отличнѣйшія, содержимыя на продовольствіи Венеціанской Республики, покрытыя Турецкими чепраками; высокія сѣдла, короткія стремяна. Эти войска были очень полезны въ сшибкахъ съ Арапами, хотя и мало способны въ настоящей битвѣ, въ сравненіи съ прочими военными людьми, покрытыми латами и кольчугами, прибывшими изъ сѣверной и западной Европы. Впереди прекраснаго этаго войска ѣхалъ Конрадъ, одѣтый такимъ же образомъ, но гораздо богатѣе, блистая золотомъ и серебромъ. Панашемъ своимъ, составленнымъ изъ самыхъ чистыхъ, бѣлыхъ перьевъ, какъ снѣгъ, прикрѣпленныхъ къ шапкѣ его бриліантовою пряжкою, казалось досязалъ онъ облаковъ. Горделивый и борзый конь его, исполненный огня и живости, манерясь и становяся на дыбы, привелъ бы въ затрудненіе всякаго

другаго сѣдока, но искусный и хорошій наѣздникъ, какимъ былъ Маркизъ, управлялъ имъ легко и свободно, держа одною рукою узду, а въ другой Маршальскій жезлъ, которымъ онъ повидимому также самовластно управлялъ какъ и послѣдующимъ за нимъ войскомъ. Однакожъ власть его надъ нимъ больше была наружная, нежели дѣйствительная; потому, что подлѣ него ѣхалъ спокойно на иноходцѣ малорослый старикъ, одѣтый весь въ черномъ, безъ бороды и безъ усовъ, самой гнусной наружности, неважнаго вида, посреди блеска и величія его окружавшаго. Но, этотъ незначущій старикъ, былъ одинъ изъ депутатовъ, посылаемыхъ Венеціанскимъ правительствомъ въ станъ, для наблюденія за поступками военачальниковъ, которымъ ввѣряло оно свои войска, и для поддержанія системы шпіонства и владычества, введенной съ давнихъ времянъ политикою этой республики.

Конрадъ, угожденіями своими и поддѣлываясь подъ нравъ Ришарда, вошелъ у него нѣкоторымъ образомъ

вѣ милость; и лишѣ только онѣ подѣѣхалѣ кѣ горѣ святаго Георгія, какѣ Англійской Король, выступивѣ ему на встрѣчу, вскричалѣ: Ахѣ! это вы, Маркизѣ Монтфератѣ, предводительствуя вашимѣ легкимѣ войскомѣ Стратіотовѣ, и по обыкновенію сопровождаемые вашею мрачною тѣнію, свѣтитѣ ли солнце или нѣтѣ. Позвольте васѣ спросить, тѣло или тѣнь повелѣваетѣ этими войсками?

Маркизѣ улыбнулся, збираясь отвѣчать, какѣ Росвальдѣ сѣ дикимѣ ревомѣ яростно бросился сѣ горы, вырвавѣ снурѣ изѣ рукѣ Нюбійца, и вскочивѣ на борзаго коня Маркиза Монтферата, схватилѣ Конрада за горло, опрокинувѣ его сѣ лошади. Шапка его сѣ перьями упала на песокѣ, а испуганная лошадь помчалась межѣ рядовѣ.

—Твоя собака нашла на слѣдѣ, сказалѣ Ришардѣ Нюбійцу; и она не ошиблась, я ручаюсь вѣ томѣ. Клянусь святымѣ Георгіемѣ, она хватски отдѣлала золоторогаго оленя. Но прикликни ее, чтобѣ она не задушила его.

Нюбіецъ, не безъ труда, освободилъ Конрада отъ ярости Росвальда, который все еще бывъ раздраженъ, вырывался изъ рукъ его, стараясь кинуться снова на свою добычу. Между тѣмъ, многочисленныя толпы стеклись къ подошвѣ горы святаго Георгія, состоящія большею частію изъ Стратіотскихъ офицеровъ и другихъ единомышленныхъ Маркиза, которые видя предводителя своего опрокинутымъ, съ иступленными глазами, лежащимъ къ верьху лицемъ, кричали мятежно, и со всѣхъ сторонъ раздалось: — Изрубите въ куски этаго невольника и его собаку!

Но громкой и звонкой голосъ Ришарда заглушилъ всѣ крики ихъ.

— Смерть тому, кто осмѣлится коснуться до этой собаки! вскричалъ онъ; она исполнила долгъ свой, обнаруживъ злодѣя даннымъ ей отъ Бога и природы смысломъ. Пусть приближится вѣроломный! Конрадъ, Маркизъ Монтфератской, я обвиняю тебя въ измѣнѣ.

Главные Сирійскіе начальники окружили тогда Конрада, который воскликнулъ голосомъ, означавшимъ

смѣсь негодованія, стыда, замѣшательства и гнѣва:—Что это значитъ? въ чемъ обвиняютъ меня? Чѣмъ я заслужилъ такой гнусный поступокъ и такія оскорбительныя слова? Это ли плоды дружбы и согласія, которыми Англійской Король возобновилъ такъ недавно свои обѣты?

— Не ужъ ли крестоносные владѣтели превратились въ зайцевъ и козъ, въ глазахъ Короля Ришарда, что онъ травитъ ихъ собаками? спросилъ глухимъ голосомъ Гросъ-Мейстеръ Тампліеровъ, какъ бы отдавшимся изъ могилы.

— Вѣрно, какъ нибудь нечаянно, по какой нибудь ошибкѣ такъ случилось, говорилъ Французскій Король, подъѣхавшій тогда.

— Искушеніе врага человѣческаго, сказалъ Тирской Архіепископъ.

— Хитрость и штука Сарацина, прибавилъ Графъ Шампанскій. Должно повѣсить собаку, а невольника пытать.

— Не дерзай никто до нихъ дотронуться, если хоть мало доро-

житъ жизнію! вскричалъ Ришардъ. Приближься, Конрадъ, если смѣешъ, и отвѣтствуй на обвиненіе безгласнаго этаго животнаго, которое по благородному чувству природы, возводитъ на тебя обвиненіе, что ты покушался на жизнь ея и наругался надъ честію Англіи.

— Я не касался до ея знамя, сказалъ торопливо Маркизъ.

— Ты самъ измѣнилъ себѣ, Конрадъ, воскликнулъ Ришардъ; и почему бы знать тебѣ, что рѣчь идетъ о похищенномъ знамѣ, еслибъ совѣсть не обличала тебя?

— Развѣ не оно было причиной всего шума, надѣланнаго тобой въ станѣ? отвѣчалъ Маркизъ. Какъ осмѣливаешся ты поносить владѣтеля, союзника, такимъ низкимъ преступленіемъ, которое вѣроятно здѣлано какимъ нибудь подлымъ мошенникомъ, прельстившимся на золотой галунъ, украшавшій знамя? Не ужъ ли ты захочешъ обвинять одного изъ членовъ союза, основываясь на свидѣтельствѣ собаки?

Тревога и шумъ начали распространяться во всѣхъ рядахъ, и Король

Филиппъ полагалъ нужнымъ прекратить могущій изъ того выйти вредъ.

— Князья, и вы, благородные полководцы, сказалъ онъ, вы говорите въ присудствіи людей, готовыхъ въ сію же минуту рѣзать другъ друга, слыша нескромныя ваши слова. Ради Бога, выслушайте меня, пусть каждый изъ насъ отведетъ войска свои по квартирамъ своимъ, и черезъ часъ сберемтесь въ шатеръ Верховнаго Совѣта, чтобы тамъ принять нужныя мѣры для возстановленія порядка послѣ такого смятенія.

—Я согласенъ, отвѣчалъ Ришардъ, хотя и признаюсь, что желательнѣе было бы для меня допросить этаго измѣнника теперь, покуда еще блистательный нарядъ его покрытъ пылью. Но я согласуюсь въ этомъ случаѣ съ волею Филиппа.

И владѣтели тотчасъ разъѣхались по предложенію Французскаго Короля; каждый изъ нихъ отправился къ своему мѣсту; отвсюду раздавались воинскіе крики, каждый начальникъ скликалъ своихъ солдатъ, трубы и рога озывали подъ знамена

отлучившихся отЪ полковЪ своихЪ. ВскорѢ все войсво пришло вЪ движеніе, и каждая армія выступая вдоль стана по направленію своему, возвращалась вЪ свой лагерь. ЭтимЪ средствомЪ предупредилось всякое буйственное нападеніе; но случившееся произшествіе занимало всѢ умы; и тогда, какЪ Англичане, полагавшіе честь свою страждущею вЪ этой ссорѢ, о которой разсказывали разными манерами, считали всѢ прочіе народы своими врагами, завистниками Англійской славы и доблестей Короля Ришарда, старавшихся вредить имЪ самыми подлѢйшими пронырствами; тѢ же самые, которые вЪ утро провозглашали Ришарда достойнѢйшимЪ изЪ полководцевЪ, чтобы начальствовать всею арміею, обращались кЪ стародавнимЪ своимЪ предразсудкамЪ, обвиняя его вЪ гордости, честолюбіи и страстію кЪ владычеству. Match Разнаго рода слухи разсѢялись вЪ этомЪ случаѢ; между прочимЪ, даже увѢряли, что Королева Беренжера и СтатсЪ-Дамы ея свиты, чрезмѢрно были устрашены произшед-

шимъ шумомъ, и будто одна изъ нихъ упала безъ чувствъ.

Въ условленный часъ собрался Совѣтъ. Конрадъ снявъ съ себя запятнанный свой нарядъ, вмѣстѣ съ нимъ освободился отъ стыда и смущенія, которыми вдругъ удручило его такое непредвидѣнное обвиненіе и странный случай; не смотря на искуство его въ притворствѣ и уловкѣ владѣть своими страстьми. Надѣвъ на себя одежду владѣтельнаго Князя, онъ вошелъ въ шатеръ Верховнаго Совѣта, въ сопровожденіи Эрцъ-Герцога, обоихъ Гросъ-Мейстеровъ Тампліерскаго и святаго Іоанна Іерусалимскаго, и многихъ другихъ Князей, явно державшихъ его сторону, объявившихъ себя его защитниками, одни по политическимъ видамъ, другіе потому, что питали личную ненависть къ Ришарду.

Такое явное предубѣжденіе въ пользу Конрада, ни мало не разстроило Англійскаго Короля. Онъ вступилъ въ залу совѣта съ обыкновеннымъ своимъ равнодушнымъ видомъ и въ томъ же нарядѣ, кото-

рый былъ на немъ за часъ передъ тѣмъ въ парадѣ. Онъ бросилъ безпечный и даже презрительный взглядъ на Князей, тѣснящихся съ притворнымъ дружелюбіемъ вкругъ Маркиза, какъ бы изъявляя ему, что они на сторонѣ его, и утвердительно обвинилъ Конрада Монтфератскаго въ похищеніи Англійскаго Королевскаго знамя, въ нанесенныхъ ранахъ вѣрному животному, защищавшему оное.

Конрадъ смѣло вставъ, отвѣчалъ, что не смотря на людей и скотовъ, Королей и собакъ, онъ невиненъ въ обвиняемомъ преступленіи.

— Англійскій братъ мой, сказалъ Король Филиппъ, какъ глава и президентъ собранія, я нахожу обвиненіе это очень необычайнымъ. Мы слышимъ, что вы, не входя въ изслѣдованіе происходившаго дѣла, и не выдавая себя личнымъ свидѣтелемъ онаго, ссылаетесь только на гнусное животное, бросившееся на Маркиза Монтфератскаго. Конечно слово Рыцаря и Владѣтеля должно быть значительнѣе собачьяго лая.

— Король, братъ мой, отвѣчалъ Ришардъ, вспомните, что Всемогущій, даровавъ намъ товарищемъ собаку въ нашихъ забавахъ и трудахъ, надѣлилъ ее благороднымъ свойствомъ, не способнымъ къ обману и измѣнѣ. Это животное не забудетъ никогда друга своего и недруга. Оно очень исправно помнитъ и благодѣяніе и обиду. Оно одарено отчасти человѣческимъ смысломъ, не имѣя нисколько его вѣроломства. Скорѣе можно подкупить и обольстить солдата, чтобъ превратить его въ убійцу подобнаго себѣ; скорѣе можно найти ложнаго свидѣтеля, чтобы довесть невиннаго до казни клеветою и ложнымъ доносомъ; но никто и ничто не въ силахъ заставить собаку напасть на своего благодѣтеля. Она другъ человѣка, и тогда только становится недругомъ, когда онъ заслужитъ ее ненависть. Надѣньте на этаго Маркиза великолѣпнѣйшій нарядъ, преобразите переодѣяніемъ наружный видъ его, испестрите, очерните лице его, сокройте его въ толпѣ людей, и я ручаюсь вамъ моимъ скиптромъ,

что собака узнаетъ его, и окажетъ ему то же негодованіе, которому вы были уже нынче свидѣтелемъ. Случай этотъ не новый, хотя онъ и страненъ; убійцы и разбойники были убѣждены и осуждены подобными свидѣтельствами, потому-то и сказано, что Богъ явно караетъ злодѣевъ. Въ вашей собственной землѣ, братъ мой, подобное дѣло было рѣшено публичнымъ боемъ человѣка съ собакою, какъ доносщицу и обвинительницу въ смертоубійствѣ. Собака одержала верхъ, человѣкъ признался въ своемъ преступленіи, и былъ казненъ. Повѣрьтѣ мнѣ, братъ мой, тайныя преступленія часто бывали обнаружены свидѣтельствомъ неодушевленныхъ вещей, не говоря уже о животныхъ, которыя природнымъ побужденіемъ и смысломъ, гораздо ниже собаки, человѣческаго друга и товарища.

— Я знаю, братъ мой, отвѣчалъ Филиппъ, что подобное сраженіе было въ царствованіе одного изъ нашихъ предковъ; но это случилось въ давныхъ временахъ, и мы не беремъ его въ примѣръ для теперишь-

няго дѣла. Вѣ добавокѣ, защищавшійся былѣ частный человѣкѣ, низкаго происхожденія; нападательнымѣ его орудіемѣ была только палка, а оборонительнымѣ кожаная фуфайка. Мы не можемѣ унизить владѣтельнаго Князя подобнымѣ сраженіемѣ, ни равнымѣ оружіемѣ.

— Я никогда и не помышлялѣ о томѣ, сказалѣ Ришардѣ; было бы несправедливо отваживать жизнь благородной собаки противѣ жизни измѣнника, двуеличнаго, какѣ этотѣ Конрадѣ. Но вотѣ наша перчатка; мы вызываемѣ его на смертный бой вѣ удовлетвореніе обѣявленнаго нами обвиненія. Покрайности, Король можетѣ удостоится измѣрить силы свои сѣ Маркизомѣ.

Конрадѣ не спѣшилѣ поднять перчатку, брошенную Ришардомѣ посреди собранія, и Филиппѣ имѣлѣ время возразить, прежде нежели Маркизѣ здѣлалѣ малѣйшее движеніе для принятія вызова.

— Король, сказалѣ онѣ, былѣ бы слишкомѣ не равный ратоборецѣ для Маркиза, а собака слишкомѣ унизи-

тельный. Король Ришардъ, мы не можемъ согласиться на этотъ бой; вы глава крестоваго похода, мечь и щитъ Христіанства.

— Я сопротивляюсь этому поединку, сказалъ Венеціанской чиноначальникъ, покуда Король Ришардъ не выплатитъ пятидесяти тысячь безансовъ, должныхъ имъ республикѣ. Довольно и того, что мы подвергаемся опасности лишиться этой суммы смертію его въ войнѣ съ невѣрными, не допуская его отваживать жизнь свою въ ссорѣ противъ Христіанина за собаку и за знамя.

— А я, сказалъ Вилліамъ Длинный-мечь, Графъ Саллисбюри, я также возстаю противъ поединка, подвергающаго опасности за такую вещь жизнь, принадлежащую Англійскому народу. Возьмите вашу перчатку, благородный братъ мой, возьмите ее назадъ, и вообразите, что будто вѣтромъ у васъ снесло ее съ руки. Моя перчатка замѣнитъ ее; сынъ Короля, хотя гербъ мой пересѣченъ линіею незаконнорожденнаго, по-крайности можетъ поровняться съ Маркизомъ, и поцарапаться съ нимъ.

— Князья и благородные полководцы, сказалъ Конрадъ, я не приму вызова Короля Ришарда. Мы избрали его начальникомъ нашимъ противъ Сарацинъ, и если совѣсть его не зазираетъ за вызовъ союзника на поединокъ за такую ничтожную ссору, то моя покрайности укорила бы меня, еслибъ я согласился на то; что же принадлежитъ до побочнаго брата его, Вилліама Вудстока, или всякаго другаго, ктобы осмѣлился утверждать въ истиннѣ ложнаго обвиненія, объявляя себя его поборникомъ, то я защищу честь свою противъ него на ристалищѣ, и докажу всякому нападающему, что онъ клеветникъ.

— Маркизъ Монтфератъ, сказалъ Тирской Архіепископъ, говоритъ какъ мудрый и благоразумный человѣкъ; и мнѣ кажется, что безъ всякаго безславія и безчестія для той и другой стороны, дѣло это можетъ этимъ и прекратиться, не пуская вдаль.

— Кажется, что оно этимъ можетъ и повершиться, сказалъ Филиппъ, если Королю Ришарду угодно

будетъ отрѣчься отъ своего обвиненія, какъ основаннаго на слишкомъ легкихъ доказательствахъ.

— Король Французскій, отвѣчалъ Львиное-Сердце, слова мои никогда не нанесутъ такого оскорбленія моему мнѣнію. Я обвинялъ этаго Конрада въ томъ, что онъ воспользовался, какъ разбойникъ, ночною темнотою, для похищенія съ опредѣленнаго ему мѣста знамя, символъ Англійскаго достоинства. Я повторяю это обвиненіе, полагая его основаннымъ на истиннѣ; и когда Конрадъ отказывается отъ поединка со мной, то я найду ратоборца для поддержанія моего вызова, въ назначенный тому день, потому что длинный твой мечь, Вилліамъ, не долженъ обнажаться для такого дѣла, безъ особеннаго на то нашего соизволенія.

— Когда санъ мой поставляетъ меня посредникомъ нещастнаго этаго дѣла, сказалъ Французскій Король, то я назначаю срокъ черезъ четыре дня, считая съ нынѣшнимъ, чтобы рѣшить вашу ссору посредствомъ поединка, сообразно съ Ры-

царскими уставами; Ришардъ, Король Англійскій, долженъ явиться, какъ вызывающій, черезъ своего ратоборца; а Конрадъ, Маркизъ Монтфератской, лично, какъ защищающійся. Признаюсь, однакожъ, что не нахожу удобнаго мѣста для эшаго поединка, потому что бою не прилично быть близь стана, гдѣ солдаты легко могутъ пристать къ той и другой сторонѣ.

— И такъ, сказалъ Ришардъ, можно положиться въ томъ на великодушнаго и храбраго Султана. Хотя онъ и язычникъ, но я не знаю еще равнаго ему въ Рыцаряхъ, кто бы столько одаренъ былъ благородствомъ, и на чью бы совѣсть, честность можно было вѣрнѣе положиться. Я говорю это для тѣхъ, которымъ такъ затруднительно кажется это дѣло, потому, что для меня всякое мѣсто есть ристалище, гдѣ я встрѣчаю своего непріятеля.

— Да будетъ такъ! отвѣчалъ Филиппъ, мы сообщимъ это дѣло Султану, хоть тѣмъ и обнаружимъ непріятелю несчастный духъ раздора;

царствующій межъ нами, который желалъ бы утаить, если можно отъ самихъ себя. Въ ожиданіи засѣданіе кончилось, и я совѣтую всѣмъ, какъ Христіанамъ и Рыцарямъ, не отдавать въ огласку этой бѣдственной ссоры въ станѣ, и предать ее совершенно на судъ Божій, моля Его, чтобы онъ даровалъ побѣду тому, кто будетъ сражаться за правое дѣло. Да будетъ воля Его!

Аминь! Аминь! воскликнули со всѣхъ сторонъ.

— Конрадъ, сказалъ тихимъ голосомъ Гросъ-Мейстеръ Тампліеровъ Маркизу, тѣмъвременемъ, какъ собраніе расходилось, не прибавишь ли ты къ этой молитвѣ другую, чтобъ быть избавлену отъ могущества пса, какъ повѣствуетъ Псалмопѣвецъ?

— Молчи, отвѣчалъ Конрадъ, бываютъ въ воздухѣ демоны откровенія, которые могутъ донесть, между прочимъ, до какой степени простирается въ тебѣ крамольный духъ, означающійся въ девизѣ твоего ордена: *Heriatur leo.*

—И такъ, ты храбро выдержишь нападеніе?

—Безъ сомнѣнія. Мнѣ не слишкомъ было бы пріятно сражаться съ желѣзною рукою Ришарда, и безъ стыда признаюсь, что я очень радъ освободясь отъ него; впрочемъ же, всѣ воины и полководцы его, присоединяя къ нимъ и побочнаго его брата, нимало для меня не опасны.

—Я съ удовольствіемъ вижу твою увѣренность; и въ этомъ случаѣ собачьи зубы гораздо больше способствовали къ уничтоженію крестоваго похода, нежели всѣ ухищренія и кинжалъ Шарегита. Не видишъ ли ты, что не смотря на дружелюбную наружность, Филиппъ не можетъ скрыть чувствуемаго имъ удовольствія, освобождаясь отъ тягостнаго бремя этаго союза? Посмотри на Генриха Шампанскаго; улыбка играетъ на губахъ его, какъ пѣнистое его вино въ бокалѣ. А Эрцъ-Герцогъ Австрійскій! онъ задыхается отъ радости, воображая, что ссора его отмстится безъ всякой для него опасности и безъ малѣйшаго труда. Но, тсъ! онъ под-

ходитЪ кЪ намЪ. — КакЪ жаль, благородный ГерцогЪ, что такая помѢха случилась, и вЪ Сіонской стѢнѢ здѢлался проломЪ.

— Если вы говорите о крестовомЪ походѢ, отвѢчалЪ ЭрцЪ-ГерцогЪ, то я желалЪ бы, чтобЪ эта стѢна совсѢмЪ разсѢлась и обрушилась; чтобЪ мы всѢ возвратились во своями. Я говорю такЪ сЪ вами по довѢренности.

— Но, сказалЪ МаркизЪ МонтфератЪ, не забудьте, что проломЪ этотЪ здѢланЪ рукою Короля Ришарда, вЪ удовольствіе котораго мы столько перенесли трудностей и непріятностей, которому мы подчинились какЪ невольники, вЪ надежде, что онЪ станетЪ возбуждать наше мужество противЪ нашихЪ враговЪ, вмѢсто того, чтобы обращать ее противЪ друзей.

— Я не думаю, чтобы онЪ былЪ храбрѢе другихЪ, отвѢчалЪ ЭрцЪ-ГерцогЪ, и полагаю, что еслибы благородный МаркизЪ сразился сЪ нимЪ на ристалищѢ, то навѢрное одержалЪ бы верхЪ, ибо хотя у островитян-

скаго этаго Монарха и претяжелая рука, когда онъ взмахнетъ своею палицею, но онъ не такъ ловко управляетъ копьемъ. Я самъ ни мало бы не побоялся противустать ему въ ристалицѣ, по поводу послѣдней нашей ссоры, еслибъ благо Христіанства дозволило двумъ самодержцамъ вступить въ бой. Если вамъ угодно, благородный Маркизъ, то я готовъ быть вашимъ сотрудникомъ.

— И я, сказалъ Гросъ-Мейстеръ.

— Пожалуйте же ко мнѣ пополдничать въ шатеръ, благородные господа, сказалъ Эрцъ-Герцогъ, мы поговоримъ объ этомъ дѣлѣ за бокаломъ цѣльнаго *Ніеренстейна*.

И такимъ образомъ всѣ трое отправились вмѣстѣ.

— Что говорилъ благодѣтель нашъ этимъ двумъ имянитымъ особамъ? спросилъ Іоганнъ Шванкеръ своего товарища, *Шпрюхъ-Спрехера*, взявшаго смѣлость приближиться къ господину своему, вовремя вышеозначеннаго разговора, тогда какъ шутъ оставался назади въ почтительномъ разстояніи.

— Служитель глупости, отвѣчалъ Шпрюхъ-Спрехеръ, умѣрь твое любопытство; мнѣ не прилично пересказывать тебѣ тайны нашего господина.

— Ты обманываешь меня, мудрый человѣкъ, отвѣчалъ *Гоффъ-Нарръ;* мы оба постоянно слѣдуемъ по стопамъ нашего благодѣтеля, и намъ обоимъ необходимо нужно знать, который изъ насъ, мудрость или глупость, больше имѣетъ надъ нимъ вліянія.

— Онъ сказалъ Маркизу и Гросъ-Мейстеру, возразилъ *Шпрюхъ-Спрехеръ*, что война эта уже наскучила ему, и что онъ очень радъ бы былъ по добру поздорову убраться домой.

— Это рефетъ, и въ щетъ нейдетъ, вскричалъ шутъ; потому, что если премудро такъ мыслить, то глупо объ этомъ разсказывать. Продолжай.

— Гмъ! Потомъ онъ сказалъ имъ, что Ришардъ не храбрѣе всякаго другаго, и не слишкомъ искусенъ въ метаніи копья.

— Вотъ тебѣ на, не сущая ли это безтолковщина! А потомъ?

— Всего не упомнишь; но я знаю, что онъ пригласилъ ихъ распить съ нимъ бутылку *Ніеренстейна*.

— Вотъ это похоже таки на стать, и ты можешъ теперь отчислить его къ себѣ. Но если онъ перепьетъ, какъ оно и вѣроятно, то я причислю его къ себѣ. Не забылъ ли ты еще чего?

— Ничего такого, чтобы стоило пересказывать: ахъ! онъ сказалъ еще, что жалѣетъ для чего пропустилъ случай побиться съ Ришардомъ въ ристалищѣ.

— Фуй! фуй! вскричалъ *Іоганъ Шванкеръ*, сущій бредъ и глупость; и мнѣ даже стыдно, что выигрышъ на моей сторонѣ. Но, такъ и быть; пойдемка лучше за нимъ; какъ онъ ни глупъ, мудрый *Шпрюхъ-Спрехеръ*, а намъ чтобы не прогулять нашей доли изъ *Ніеренстейнскаго* вина.

КНИГА VI.

„ Жалуясь на мое непостоянство, ты сама одобришь его. — Не дѣйствовала бы любовь такъ сильно надо мной, когда бы честь и долгъ не брали верхъ надъ ней.

Монтроза.

Когда Ришардъ возвратился въ свой шатеръ, то приказалъ позвать къ себѣ Нюбійца. Вошедъ, онъ поклонился Королю по Восточному обычаю, простершись до земли, и потомъ сталъ предъ Монархомъ съ невольническимъ подобострастіемъ, въ ожиданіи повелѣній своего властителя. Статься можетъ, что для него несравненно было выгоднѣе, чтобы хорошо играть роль свою, униженно опустить глаза въ землю, потому, что еслибы онъ встрѣтилъ пронзительный взглядъ Ришарда, по временамъ устремляющійся на него въ молчаніи, то ему гораздо было бы труднѣе выдержать заимственный имъ характеръ.

— Ты хорошій ловчій, сказалъ ему наконецъ Ришардъ; ты мастерски напалъ на слѣдъ зайца, такъ искусно загналъ его, что хотя бы самъ Тристанъ былъ твоимъ учителемъ. Но это еще не все; надобно доканать его. Я самъ желалъ вступить съ нимъ въ бой, но по нѣкоторымъ приличіямъ меня не допустили. Ты долженъ отправиться опять въ станъ Султана, доставить ему письмо, въ которомъ, прибѣгая къ его великодушію, мы испрашиваемъ у него неутральной земли, чтобы учредить на ней ристалище, на которое приглашаемъ и его быть зрителемъ, если онъ заблагоразсудитъ. Теперь, на всякой случай, поручаю тебѣ, не встрѣтишъ ли ты тамъ какого Рыцаря, который бы, изъ любви къ истинѣ, и для пріобрѣтенія новой славы, взялся бы сразиться съ этимъ вѣроломнымъ Монтфератомъ.

Нюбіецъ поднялъ глаза, быстро устремилъ ихъ на Короля съ пылкимъ и усерднымъ выраженіемъ; потомъ возвелъ ихъ къ небу съ такою торжественною благодарственностью, что Ришардъ увидѣлъ въ нихъ

блистающую слезу; потомъ наклонивъ голову, какъ бы въ изъявленіе, что онъ готовъ исполнить Королевскую волю, сталъ опять съ видомъ обыкновеннаго своего внимательнаго повиновенія.

— Хорошо, сказалъ Король, я вижу готовность твою служить мнѣ въ этомъ дѣлѣ; и долженъ признаться, что въ этомъ-то и состоятъ превосходныя услуги такого служителя, какъ ты, который будучи лишенъ способности говорить, не можетъ ни распрашивать, ни умничать, выполняя безпрекословно наши порученія и приказанія. На мѣстѣ твоемъ, Англійской служитель надокучилъ бы мнѣ совѣтами, поручить этотъ поединокъ храбрѣйшему изъ родственниковъ моихъ; потому что начиная съ брата моего, Вилльяма длинный-мечь, даже до послѣдняго изъ нихъ, всѣ они усердствуютъ биться за меня. Болтливый Французъ, взялся бы тысячью манерами вывѣдать, за чѣмъ я отъискиваю себѣ ратоборца въ станѣ невѣрныхъ. Но ты, безсловесный повѣренный своего Госу-

даря, ты можешъ выполнять мои порученія безъ всякихъ разспросовъ, и даже не разбирая, потому что съ тобою, *слышать значитъ повиноваться* (1). Невольникъ отвѣчалъ на эти замѣчанія однимъ почтительнымъ наклоненіемъ головы, снова преклонивъ колѣно.

— Теперь, поговоримъ о другомъ, сказалъ вдругъ Король, выражаясь съ большею живостью. Видѣлъ ли ты Эдифъ Плантагенетъ?

Нѣмой поднялъ голову, какъ бы желая говорить, губы его даже зашевелились, чтобъ произнесть отрицательное нѣтъ; но вмѣсто словъ, отдались невнятные звуки, какъ обыкновенно это бываетъ съ несчастными, лишенными языка.

—Посмотрите! вскричалъ Король, одно уже имя Принцессы Королевской крови, и такой превосходной красавицы, какъ наша любезная сестрица, едва не возвратило языка

---

(1) Обыкновенный отвѣтъ Восточныхъ невольниковъ господамъ своимъ, въ изъявленіе безпрекословнаго ихъ повиновенія.

нѣмому! Какихъ же чудесъ не въ силахъ совершить взглядъ ея! Мы это испытаемъ, пріятель мой; ты увидешъ отличную эту красавицу Двора нашего, и выполнишъ данное тебѣ порученіе благороднымъ Султаномъ.

Еще радостный взглядъ, и еще преклоненіе колѣна; но когда Нюбіецъ всталъ, то Король сильно опершись рукою на плечо его, сказалъ ему съ строгою важностью: Я долженъ, однакожь, предъувѣдомить тебя объ одномъ, черный мой посолъ. Еслибы ты даже почувствовалъ на себѣ благотворное вліяніе той, которую ты увидешъ, и вдругъ распались бы узы связующія твой языкъ, въ слоновыхъ палатахъ, какъ сказалъ храбрый Султанъ, то берегись говорить съ ней, остерегайся произнесть одно слово въ ея присутствіи, хотя бы какимъ чудеснымъ образомъ и возвращена тебѣ была способность говорить; знай, что тогда я велю вытянуть тебѣ языкъ, и не оставлю камня на камнѣ въ слоновыхъ твоихъ палатахъ, то есть, сказать просто, я вѣлю вырвать

тебѣ всѣ зубы до одного. И такъ, будь остороженъ и безмолвенъ. Ришардъ отнялъ руку свою съ плеча Нюбійца, а онъ низко поклонясь, поднесъ палецъ къ губамъ своимъ, въ знакъ молчанія и повиновенія.

Король вторично положилъ ему руку на плечо, но уже не такъ сильно опираясь, прибавивъ:—мы говоримъ съ тобой, пріятель, какъ съ невольникомъ. Еслибъ ты былъ дворяниномъ и Рыцарь, то тогда мы потребовали бы отъ тебя честнаго слова хранить молчаніе; и на этомъ только условіи получилъ бы ты данное тебѣ теперь позволеніе.

Нюбіецъ вытянулся съ горделивымъ видомъ, посмотрѣлъ Королю прямо въ глаза, и положилъ правую руку на сердце.

Тогда Ришардъ кликнулъ своего Камергера.

—Невиль, сказалъ онъ, проводи этаго невольника въ шатеръ, къ нашей супругѣ; доложи ей, что намъ угодно, чтобъ онъ имѣлъ аудіенцію, особенную аудіенцію у нашей сестрицы Эдифи, къ которой посланъ онъ съ порученіемъ. Ты укажешь ему

путь, если сверхъ чаянія это понадобится; потому, что ты вѣроятно уже замѣтилъ, какъ извѣстны ему всѣ пути въ нашемъ станѣ. А ты, черный нашъ пріятель, исполни скорѣе свое порученіе, и чрезъ полчаса возвратись сюда.

— Я открытъ, думалъ мнимый Нюбіецъ, сложивъ руки и опустивъ глаза въ землю, слѣдуя за Невилемъ, шедшимъ скорыми шагами въ шатеръ Королевы Беренжеры. Неоспоримо Король Ришардъ проникнулъ мое превращеніе; и однакожъ, негодованіе его противъ меня не такъ уже сильно. Если я хорошо понялъ слова его, въ которыхъ не могу даже и сомнѣваться, то онъ предлагаетъ мнѣ благородное средство загладить вину мою, и возстановить честь сражаясь съ вѣроломнымъ Маркизомъ. Доказательство его преступленія начертано въ смутныхъ глазахъ его, на трепещущихъ устахъ, когда Ришардъ обвинялъ его. Росвальдъ, ты вѣрно сослужилъ своему господину, и хотѣвшій лишить тебя жизни, дорого мнѣ за это заплатитъ. Но что значитъ дан-

мое мнѣ имъ позволеніе, видѣть ту, которую я уже отчаявался навсегда узрѣть? Какъ и для чего Ришардъ Плантагенетъ соглашается, чтобы я предсталъ предъ божественную его родственницу, въ видѣ ли Султанскаго посланнаго, или въ видѣ преступника, въ недавнѣ имъ изгнаннаго изъ его стана, и котораго дерзновенное признаніе въ любви, составляющее его славу, умножаетъ еще больше его преступленіе? Ришардъ соглашается, чтобъ она получила письмо отъ Музульманскаго обожателя, и получила бы его изъ рукъ другаго обожателя, не смотря на неравенство ихъ состояній: вотъ два обстоятельства равно невѣроятныя, и которыхъ не возможно согласить. Но когда Ришардъ не предается буйственнымъ своимъ страстямъ, то онъ щедръ, великодушенъ и совершенно благороденъ, и я буду поступать сообразно его волѣ; стану исполнять порученія его, не извѣдывая побуждающихъ его къ тому причинъ, предоставивъ времяни объяснить ихъ. Я обязанъ совершеннымъ повиновеніемъ тому,

кто доставляетъ мнѣ такой прекрасный случай пріобрѣсть потерянную мною честь, и чего бы то мнѣ ни стоило, исполню долгъ свой.

— И однакожъ, прибавилъ онъ съ горделивостью, Львиное-Сердце, какъ называютъ его, могъ бы измѣрять чувства другихъ своими чувствами! Мнѣ желать представиться его родственницѣ, когда я не сказалъ ей даже ни одного слова и тогда, какъ она вручала мнѣ награду на ристалищѣ; когда Рыцарскими подвигами считался не послѣднимъ изъ защитниковъ креста! мнѣ желать явиться предъ нею въ этомъ гнусномъ превращеніи, подъ одеждою невольника, когда я точно не что иное, какъ бѣдный невольникъ, когда мой прежній щитъ потускъ омрачающимъ его пятномъ; мнѣ ли такъ поступать! Ахъ! какъ онъ мало знаетъ меня! При всемъ томъ, я благодарю его за доставленный мнѣ теперь имъ случай, по которому мы всѣ гораздо лучше узнаемъ другъ друга.

При этомъ заключеніи, они остановились передъ шатромъ Королевы.

Стража безостановочно пропустила ихъ, и Невиль, оставивъ Нюбійца въ маленькой передней, которую онъ тотчасъ узналъ, прошелъ въ ближнюю горницу, служившую пріемною залою. Онъ сообщилъ ей Королевское повелѣніе тихимъ и почтительнымъ голосомъ, совсѣмъ различнымъ отъ грубаго голоса Фомы Вокса, для котораго Ришардъ былъ все, а прочія придворныя особы ни что, не исключая даже и самой Беренжеры. Громкой хохотъ послѣдовалъ за изъясненіемъ посланнаго.

— А на что походитъ этотъ Нюбійской невольникъ, присланный посланникомъ отъ Султана? спросилъ женской голосъ, который легко можно было узнать за Беренжеринъ. Не Арабъ ли онъ, Невиль, черный какъ смоль, съ курчавыми волосами какъ баранья шерсть, съ расплющеннымъ носомъ и толстыми губами? ха! ха! ха! Не такъ ли, Сиръ Невиль?

— Вы забыли прибавить, Ваше Величество, сказалъ другой голосъ, кривыя ноги, какъ Сарацинская сабля.

— Или какъ лукъ Купидона, сказала Королева, потому что онъ является посланникомъ любви. Добрый мой Невиль, вы всегда бывали снисходительны къ бѣднымъ женщинамъ, которыя не знаютъ куда дѣть свое время и чемъ занять его; дайте намъ взглянуть на этаго посланника любви. Я много видала Турокъ, Мавровъ, но мнѣ никогда не случалось видѣть Негра.

— Я готовъ выполнить волю Вашего Величества, отвѣчалъ снисходительный Рыцарь, только извольтѣ сложить всю вину на себя. Впрочемъ, позвольте мнѣ увѣрить васъ, что видъ его не будетъ ни мало соотвѣтствовать вашимъ ожиданіямъ.

— Тѣмъ лучше, сказала Беренжера; гораздо безобразнѣе, нежели воображеніе мое можетъ представить себѣ, и однакожъ избранный вѣжливымъ Султаномъ въ любовные гонцы!

— Я умоляю, Ваше Величество, сказала Лади Калиста, чтобъ вы дозволили Сиру Невилю прямо отвесть этаго посланнаго къ Лади

Эдифь, къ которой относится довѣрительная грамата Султана; вспомните, что мы слишкомъ недавно освободились отъ послѣдствій подобной шутки.

— Вы освободились! повторила Королева съ презрѣніемъ; однакожъ, мнѣніе твое довольно основательно, Калиста. Пусть этотъ Нюбіецъ, какъ называютъ, его сперва выполнитъ данное ему порученіе къ нашей кузинѣ Эдифь. Въ добавокъ, вы кажется говорили, Невиль, что онъ нѣмъ?

— Да, Государыня, отвѣчалъ рыцарь.

—Какъ щасливы восточныя эти барыни, сказала Беренжера; имъ служатъ люди, при которыхъ они могутъ говорить все, что имъ вздумается, не боясь ни мало ихъ пересказовъ; тогда какъ у насъ, въ лагерѣ, какъ обыкновенно твердитъ Прелатъ Сентъ-Іюда, птица летя по воздуху, разноситъ всѣ говоримыя слова.

— Отъ того, Ваше Величество, что вы изволите запамятывать, что здѣсь вмѣсто каменныхъ стѣнъ

служатъ намъ полотняныя перегородки, сказалъ Невиль.

Это замѣчаніе заставило понизить голосъ, и послѣ минутнаго разговора пошептомъ, Англинской Рыцарь вышедъ за чернымъ невольникомъ, здѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ; Нюбіецъ повиновался, и Невиль привелъ его въ небольшой шатеръ, примыкающій къ Королевину, назначенный для Эдифи и ее приближенныхъ служительницъ. Одна изъ Египтянскихъ невольницъ выслушала порученіе Сира Невиля, и чрезъ двѣ или три минуты Нюбійца ввели къ Эдифѣ, а Невиль остался за шатромъ.

Невольница, приведшая Нюбійца, по данному ей знаку отъ госпожи ея, удалилась, и тогда злополучный Рыцарь въ странномъ превращеніи своемъ, съ искреннѣйшими знаками униженія, сталъ на одно колѣно, сложивъ крестомъ руки на грудь, потупивъ глаза въ землю, какъ преступникъ, ожидающій своего приговора. Эдифь также была одѣта какъ и при посѣщеніи Короля Ришарда. Длинный, прозрачный черный вуаль,

накинутый какъ сумракъ лѣтней ночи, покрывающій прелести природы. Она держала въ рукахъ горящую серебряную лампаду, съ благовоннымъ масломъ, разливающимъ яркой свѣтъ.

Приближась на шагъ отъ невольника, безмолвно стоящаго преклонивъ колѣно, поднесла къ лицу его огонь, какъ бы желая лучше разсмотрѣть его черты; повернясь потомъ, она поставила лампаду свою такъ, чтобы тѣнь Нюбійца означалась на полотнѣ шатра. Тогда заговорила она съ нимъ тихимъ, спокойнымъ, но унылымъ голосомъ:

— Вы ли это? вы ли, храбрый Рыцарь Барса, мужественный Сиръ Кеннетъ Шотландской? Точно ли это вы, въ переодѣяніи невольника, окруженные тысячьми опасностей?

Слыша звуки голоса своей возлюбленной, говорившей ему такія неожиданныя слова, съ такимъ сожалительнымъ участіемъ, близкимъ нѣжности, уста Рыцаря было отверзлись, чтобы отвѣчать ей; и едва приказаніе Ришарда, данное имъ обѣщаніе хранить молчаніе, могли

удержать его отъ восклицанія, что все слышанное, видѣнное теперь имъ достаточно можетъ вознаградить за невольничество цѣлой жизни, щедро надѣляя его за всѣ опасности, ежеминутно ему угрожающія. Однакожъ, онъ столько могъ владѣть собой, что одинъ глубокой вздохъ служилъ Эдифи отвѣтомъ на ея вопросы.

— Я вижу, я знала, что не ошиблась, сказала Эдифъ. Я въ ту же минуту узнала васъ, какъ скоро вы показались на площадкѣ, на которой мы были съ Королевою. Я также узнала и прекрасную вашу собаку. Избранная вами, недостойна была бы услугъ такого Рыцаря, какъ вы, еслибъ при перемѣнѣ платья и цвѣта лица не узнала скрытаго вѣрнаго своего служителя. И такъ, говорите безробостно Эдифи Плантагенетъ. Она умѣетъ чтить въ нещастіи надежнаго Рыцаря, который уважалъ ея, служилъ ей, и прославлялъ своими подвигами имя ея въ щастливой участи. Какъ! ты все еще безмолвствуешъ! Страхъ или стыдъ мѣшаетъ тебѣ говорить? Ты не

причастенъ былъ страху; что же принадлежитъ до стыда, то предоставь его тѣмъ, которые ввергнули тебя въ нещастіе.

Рыцарь, въ отчаяніи бывъ принужденнымъ играть нѣмую ролю въ такомъ обворожительномъ свиданіи, не могъ иначе выразить своего оскорбленія, какъ новыми вздохами, приложивъ палецъ къ губамъ. Эдифъ отступила нѣсколько шаговъ назадъ съ нѣкотораго рода неудовольствіемъ.

— Какъ! сказала она, Азіатецъ по одеждѣ, нѣмой по поступкамъ! Я никакъ этаго не ожидала. Но можетъ быть, ты презираешъ меня за такое вольное признаніе, что я замѣтила воздаваемыя тобою мнѣ почести и обожаніе? Не обвиняй такъ строго Эдифи. Ей извѣстны полагаемыя границы скромностью и благопристойностью молодой дѣвицѣ знаменитаго рода; она знаетъ, когда и до какой степени можетъ простирать благодарность свою, изъявляя ему свою признательность за всю несправедливость, за всѣ гоненія, вытерплѣнныя ея Рыцаремъ,

изъ преданности его къ ней. За чѣмъ соединять такъ руки, и съ такимъ отчаяніемъ ломать себѣ пальцы? Возможно ли, прибавила она, содрогаясь при этой мысли, чтобы свирѣпость ихъ лишила тебя языка? ты качаешъ головой! И такъ, колдовство ли это, или упорство, но я не стану больше спрашивать тебя. Исполни свое порученіе, какъ тебѣ вздумается. Я также могу здѣлаться нѣмою.

Переодѣтый Рыцарь здѣлалъ знакъ въ изъявленіе горестнаго своего положенія, умоляя свою возлюбленную отложить свое негодованіе, подавъ ей потомъ письмо Султана, завернутое, по Восточному обычаю, въ парчѣ и шелковой материи. Она взяла его, небрежно на него посмотрѣла, положила его на столъ, и взглянувъ еще разъ на Рыцаря, сказала ему тихимъ голосомъ: Какъ! ниже слова, даже и при исполненіи возложеннаго на тебя порученія?

Онъ прижалъ обѣ руки свои колбу, какъ бы въ изъявленіе испытываемой имъ горести, не въ состояніи бывъ повиноваться ей; но она

отворотилась отъ него съ гнѣвнымъ видомъ.

— Удались, возразила она, я довольно уже сказала, я слишкомъ много сказала человѣку, который не удостоиваетъ выговорить слова въ отвѣтъ мнѣ. Ступай, и скажи, что если я причинила тебѣ вредъ, то и довольно за то покаялась, потому что бывъ нещастною причиною отлученія твоего отъ ввѣреннаго тебѣ почетнаго поста, я забыла достоинство свое въ теперешнемъ свиданіи, и унизилась въ твоихъ и собственныхъ моихъ глазахъ.

Она закрыла глаза свои рукою, бывъ въ большомъ волненіи. Сиръ Кеннетъ здѣлалъ движеніе, чтобъ приближиться къ ней, но она знакомъ своимъ велѣла ему остановиться.

— Не приближайся ко мнѣ, потомъ сказала она, ты, которому небо даровало душу, приличную новому твоему состоянію. Не такъ робкое и низкое созданіе, какъ Сарацинской невольникъ, покрайности хоть одно слово произнесъ бы мнѣ въ благодарность, чтобы сноснѣе здѣлать мнѣ

униженіе. Чего ты дожидаешься? Ступай.

Переодѣтый Рыцарь бросилъ невольный знакъ на письмо, какъ бы въ извиненіе своего замедленія. Эдифь взяла письмо, сказавъ съ презрительною насмѣшкою.

—Я забыла. Покорный невольникъ ожидаетъ отвѣта на свое посланіе. Что значитъ это письмо? оно отъ Султана?

Быстро пробѣжала она содержаніе его, писанное на Арабскомъ и Французскомъ языкахъ, и прочитавъ его, сказала съ улыбкою, преисполненною гнѣва и прискорбія:

— Это превосходитъ всякое понятіе! Какой фокусникъ могъ такъ преобразить тебя? Можно цехины и безансы превратить въ мѣлкую монету; но все искуство его не ужъ ли могло Рыцаря, почитавшагося всегда храбрѣйшимъ изъ крестоносныхъ воиновъ, здѣлать униженнымъ рабомъ языческаго Султана, подателемъ дерзновенныхъ его предложеній Христіанской дѣвицѣ; здѣлать богоотступникомъ, предателемъ чести, Рыцарства и религіи? Но

что пользы говорить добровольному невольнику, басурманской собакѣ? Разскажи повелителю своему, когда онъ розгами заставитъ тебя отъискать языкъ свой, какъ я поступила съ письмомъ его. При этихъ словахъ, она бросила на полъ письмо Султана, и растоптала его ногами. Скажи ему, прибавила она, что Эдифь Плантагенетъ презираетъ любовь языческаго Султана.

Проговоривъ такимъ образомъ, она хотѣла выйти изъ горницы, какъ рыцарь, простершись къ ногамъ ея, съ отчаяніемъ осмѣлился прикоснуться рукою къ полѣ платья ея, чтобъ ее удержать.

—Развѣ ты не слыхалъ моего приказанія, невольникъ? сказала повелительно Эдифь оборотясь къ нему; скажи язычнику, твоему повелителю, что я презираю его предложенія, равно какъ и знаки почтенія гнуснаго отступника вѣры и рыцарства, предателя Божія и своей повелительницы.

При этихъ словахъ она вырвала платье свое изъ рукъ его, и вышла изъ шатра.

Голосъ Невиля раздался за шатромъ, въ ту минуту кликнувшаго Нюбійца. Удрученный, изнеможенный всѣмъ перенесеннымъ имъ, въ продолженіи этаго свиданія, приведшимъ его въ ужасное затрудненіе, изъ котораго онъ не иначе бы могъ освободиться, какъ измѣнивъ данному имъ слову Королю Ришарду, злополучный рыцарь едва могъ переступать слѣдуя за Англійскимъ Барономъ до входа въ Королевской шатеръ, передъ которымъ нѣсколько рыцарей, подъѣхавшихъ верьхомъ, сходили съ лошадей. Внутренность шатра была освѣщена, и казалось тамъ все было въ величайшемъ движеніи. Когда Невиль вошелъ туда съ мнимымъ невольникомъ, то они нашли Короля окруженнаго многими Англійскими дворянами, занятымъ пріемомъ пріѣзжихъ гостей.

КНИГА VII.

„Такъ плакала она:
Слезитесь вѣчно очи ясны,
Оплачьте жребій роковой.
Не лютую разлуку
Переносить я суждена; —
Отсутствующій милый
На завтра можетъ возвратиться,
И время увѣнчавъ любовь,
Возможетъ съединить сердца! —
Такъ плакала она!

Такъ плакала она:
Не гробъ безмолвный лобызаю,
Гдѣ прахъ любезнаго сокрытъ;
Не тщетны слезы проливаю
О невозвратномъ вѣчно мнѣ. —
Не умолима смерть сражая
Любовниковъ злощастныхъ,
Во гробѣ ихъ соединивъ,
Ихъ грусть, страданья прекращаетъ. —
Такъ плакала она!

Такъ плакала она:
А я! — оплакивать должна,
Злой скорбью изнывая,
Все щастье дней моихъ,
И съ ними милаго любовь!
Поруганъ мой любезный,
Невинно обезславленъ онъ;
Онъ воинъ былъ храбрѣйшій,
Ему милѣе я была всего! —
Такъ плакала она!"

Старинная баллада.

Звонкой и откровенный голосъ Ришарда раздавался въ радостныхъ восклицаніяхъ съ поздравленіями:

—Фома Воксъ! мой храбрый Фома Гисландской! добро пожаловать, мой жданый гость; клянусь головою Короля Генриха, моего родителя, я столько же радъ тебѣ душевно, какъ радуется пьяница увидя склянку вина. Я не зналъ бы, какъ приступиться къ дѣлаемому мною плану генеральнаго сраженія, еслибъ ты не подоспѣлъ ко мнѣ, съ тучнымъ своимъ корпусомъ, который служитъ мнѣ всегда вмѣсто мишени, для составленія колонъ; скоро, братъ Фома, съ Божіею помощію, посыплются на насъ тучи стрѣлъ; и еслибъ намъ привелось безъ тебя сражаться, то я навѣрное бы полагалъ тебя пропавшимъ безъ вѣсти, или повѣшеннымъ на древесномъ суку.

— Надѣюсь, я гораздо съ большимъ Христіанскимъ терпѣніемъ перенесъ бы это злощастіе, сказалъ Фома Воксъ, нежели согласился бы погубить душу свою богоотступничествомъ. Благодарю, Ваше Величество, за ласковый пріемъ; тѣмъ

пріятнѣе онъ мнѣ, что у насъ заводится военная потѣха, въ которой, съ позволенія вашего, вы всегда захватываете у насъ большую часть славы; но я привезъ вамъ такого человѣка, которому, Ваше Величество, гораздо больше обрадуетесь, нежели мнѣ.

Тотъ, кто приближался съ почтительнымъ поклономъ къ Ришарду, былъ молодой человѣкъ небольшаго роста, и сухощавый. Одѣяніе его было также скромно, какъ не значителенъ онъ самъ; на шляпѣ его въ золотой пряжкѣ сіялъ крупный бриліантъ, котораго блеску ровнялись только глаза его. Они одни были разительны во всей физіономіи его; но видъ его однажды замѣченный, производилъ въ зрителѣ сильное впечатлѣніе. На перевези его шелковой, свѣтло голубой, повѣшенъ былъ на шеѣ *крестъ* чистаго золота, называемый по тогдашнему времяни ключь для настроиванія арфы.

Онъ хотѣлъ преклонить колѣно передъ Ришардомъ, но Король поспѣшно удержалъ его, и съ любовію прижавъ къ груди своей, поцѣловалъ въ обѣ щеки.

— Блондель Несль! вскричалъ онъ съ радостію. Милый Кипрской гость мой, царь всѣхъ Менестрелей, добро пожаловать къ Англійскому Королю, который не меньше уважаетъ твое званіе, какъ и царское свое достоинство. Я былъ болѣнъ, чуть не умеръ, и клянусь тебѣ, увѣренъ, что отсутствіе твое отчасти было тому причиною; потому, что въ тѣ минуты, когда я сбирался умирать, мнѣ кажется твои звуки оживили бы меня. Что говоритъ наша арфа, милый мой пріятель? что воспѣваютъ наши Прованскіе Трубадуры? что поютъ Менестрели цвѣтущей, веселой Нормандіи? Главнѣе же всего, самъ ты много ли упражнялся? но не нужно о томъ спрашивать. Ты не можешъ быть празденъ, еслибъ и самъ того хотѣлъ: благородныя твои дарованія, какъ внутренній огонь, воспламеняютъ духъ твой къ музыкѣ и пѣнію.

— Я выучилъ нѣсколько лейсовъ (1); сочинилъ ихъ нѣсколько, благородный Король, отвѣчалъ славный Блон-

(1) Плачевныя пѣсни, элегіи.

дель, съ скромною застѣнчивостію, которой ни удивленіе, ни восторги Ришарда къ превосходнымъ его дарованіямъ, никогда не могли уменьшить въ немъ.

—Мы послушаемъ тебя, Блондель, теперь же послушаемъ, вскричалъ Король; и потрепавъ его милостиво по плечу, прибавилъ: то есть, если ты не слишкомъ усталъ отъ дороги; я скорѣе соглашусь надорвать и надсадить лучшую мою лошадь, нежели хоть мало повредить твоему голосу.

— Мой голосъ теперь какъ и всегда, готовъ къ услугамъ вѣнценоснаго моего покровителя, отвѣчалъ Блондель; но, прибавилъ онъ, взглянувъ на бумаги, лежащія на столѣ, Ваше Величество, кажется заняты гораздо важнѣйшими дѣлами, и теперь уже поздно.

— Совсѣмъ нѣтъ, любезный мой Блондель, отвѣчалъ Ришардъ; совсѣмъ нѣтъ; я чертилъ планъ сраженія съ Сарацинами, это минутное дѣло: на это столько же нужно времяни, сколько и на пораженіе ихъ.

— Однакожъ, мнѣ кажется, сказалъ Фома Воксъ, что не безполезно

было бы, Вашему Величеству просмотрѣть, какое число войскъ вы можете выставить въ поле; я привезъ вамъ о томъ донесеніе изъ Аскалона.

—Ты сущій лошакъ, Фома, вскричалъ Король, настоящій лошакъ своимъ упорствомъ и бестолковостью. Пожалуйте, господа, садитесь, садитесь по мѣстамъ вкругъ него; подвиньте табуретъ Блонделю; гдѣ его мальчикъ съ арфою? Нѣтъ, постойте, дайте ему мою арфу; его можетъ быть отъ дороги разстроилась.

—Я желалъ бы, чтобъ вы, Ваше Величество, изволили выслушать мое донесеніе, сказалъ Сиръ Фома Воксъ. Я далеко проѣхалъ, усталъ смертельно отъ дороги, и желалъ бы лучше соснуть, нежели нѣжить уши свои.

—Нѣжить уши! возразилъ Ришардъ; развѣ свистомъ стрѣлъ, а не сладкогласными звуками. Скажи мнѣ, Фома, уши твои умѣютъ ли различить Блонделево пѣніе отъ ослинаго реву?

— По чести, Государь, не знаю какъ сказать вамъ; но, выключая Блонделя, который будучи благороднаго произхожденія, вѣрно одаренъ большими дарованіями, теперь по здѣланному мнѣ вопросу Вашимъ Величествомъ, всякой разъ какъ случится мнѣ видѣть Менестреля, стану вспоминать объ ослѣ.

— Но изъ вѣжливости, возразилъ Ришардъ, не могъ ли бы ты также исключить и меня, который равно какъ и Блондель, благороднаго происхожденія, и равно какъ онъ, сподвижникъ пѣснопѣвцевъ.

—Ваше Величество, сказалъ Воксъ улыбаясь, должны припомнить, что отъ лошака нельзя ожидать вѣжливости.

—Правда, сказалъ Ришардъ, особливо отъ такого неуча, какъ ты. Но подойди ко мнѣ, достопочтенный мой лошакъ, я развьючу тебя, и уволивъ отъ музыки, отпущу спать; ты не знаешъ толку въ ней, слѣдственно не для чего и тратиться съ тобой. А тѣмъ временемъ, добрый братъ мой Салисбюри, поспѣши скорѣе въ шатеръ Беренжеры, и скажи

ей, что Блондель пріѣхалъ сей часъ, и привезъ намъ кипу новѣйшихъ балладъ. Зови ее теперь же сюда; ты будешъ служить ей проводникомъ; не забудь привесть съ нею и сестрицу Эдифь Плантагенетъ.

Тогда глаза его на минуту остановились на Нюбійцѣ, и онъ поглядѣлъ на него двусмысленно, по обыкновенію своему, когда устремлялъ на него глаза свои.

—Ахъ! сказалъ онъ, нашъ скромный и молчаливый посланный возвратился! Приближься, невольникъ; стань позади Невиля, ты услышишъ такіе звуки, что возблагодаришъ небо за то, что оно наказавъ тебя скорбію, здѣлало нѣмымъ, а не глухимъ.

При этихъ словахъ, не заботясь больше о прочихъ гостяхъ, онъ оборотился къ Воксу, занявшись совершенно воинскими распоряженіями, по даннымъ ему донесеніямъ отъ Барона.

Какъ онъ оканчивалъ работу свою съ Лордомъ Гисландомъ, то явился посланный съ докладомъ, что Королева Беренжера приближается къ Королевскому шатру.

— Гей! бутылку вина! вскричалъ Ришардъ, стараго Кипрскаго вина Короля Исаака, береженнаго нами столько, которое мы нашли взявъ приступомъ Фамагустъ. Господа, налейте большой бокалъ храброму Лорду Гисланду. Ни у одного владѣтеля еще небыло такого усерднаго и вѣрнаго слуги.

— Я очень радъ, сказалъ Фома Вороъ, что Ваше Величество находите вашего лошака полезнымъ животнымъ, хотя голосъ его не такъ сладкозвученъ, какъ струны арфы.

— Какъ, сказалъ Король, ты все еще сердишся на меня за шутку! такъ прогони же досаду свою бокаломъ вина, Фома, а не то она удушитъ тебя. Хорошо! хватски выпилъ. А теперь я скажу тебѣ, что ты такой же солдатъ, какъ я, и слѣдственно мы должны снисходительно переносить другъ отъ друга насмѣшки въ гостинной, какъ тузы на ристалищѣ; и чѣмъ больнѣе другъ другу достается, тѣмъ сильнѣе мы должны другъ друга любить.

По чести, если ты слабѣе меня нападалъ въ послѣдней этой стычкѣ, то покрайности умно нашелся для отраженія моихъ ударовъ. Но вотъ какая разница между тобой и Блонделемъ. Ты только товарищь мой, и даже могу сказать, ученикъ въ воинскомъ ремеслѣ; а Блондель мой учитель въ наукѣ пѣнія и музыкѣ. Я позволяю тебѣ обходиться со мною запросто и дружески, но ему обязанъ почтеніемъ, какъ главному въ его искуствѣ. Ну же, Фома, не сердись, и останься съ нами послушать его пѣнія.

— Чтобъ видѣть Ваше Величество въ такомъ веселомъ нравѣ, отвѣчалъ Лордъ Гисландской, по чести, я готовъ остаться до тѣхъ поръ, покуда Блондель пропоетъ длинный свой романсъ Короля Артура, который цѣлые три дни надобно пѣть.

— Мы не подвергнемъ твоего терпѣнія такому продолжительному испытанію, сказалъ Ришардъ; но я вижу свѣтятся факелы, и моя супруга приближается. Ступай принять ее, Фома, и старайся сни-

скать благоволеніе прелестнѣйшихъ глазъ во всей Европѣ. Не останавливайся, и не оправляйся, чтобъ щеголеватѣе показаться; смотри, Невиль уже упредилъ тебя и опередилъ на крылахъ своихъ.

— Онъ никогда не опережалъ меня на полѣ битвы, возразилъ Воксъ, будучи недоволенъ ускореніемъ расторопнаго камергера, который превосходилъ всѣхъ въ придворной ловкости.

— Кто жъ и когда могъ опережать тебя, мой добрый Фома Гисландъ, сказалъ Король, развѣ только мы по временамъ.

— Да, Ваше Величество, отвѣчалъ Воксъ; но не забудемъ-те отдать справедливость и несчастнымъ. Я также иногда видалъ, впереди себя, злополучнаго Рыцаря Барса; онъ легче насъ на конѣ, и слѣдственно.....

— Молчать! вскричалъ Ришардъ, перервавъ его рѣшительнымъ тономъ; не осмѣливайтесь произносить и имяни его при мнѣ.

Въ тоже время вставъ, онъ пошелъ на встрѣчу своей супругѣ къ дверямъ шатра, и потомъ предста-

вилЪ ей Блонделя какЪ царя Менестрелей, и учителя своего вЪ музыкѢ. Беренжера зная совершенно, что пристрастіе Ришарда кЪ музыкѢ и стихотворству, почти равнялось сЪ жаждою его кЪ воинской славѢ, и что Блондель былЪ главной его любимецЪ, старалась обласкать его сЪ самыми лестными отличіями, какЪ человѢка чрезмѢрно уважаемаго ГосударемЪ. ОднакожЪ, очевидно было, что Блондель хотя и отвѢтствовалЪ приличнымЪ образомЪ на похвалы, которыми прекрасная Королева осыпала его, статься можетЪ и сЪ излишнею расточительностью, онЪ гораздо былЪ внимательнѢе кЪ привлекательнымЪ привѢтствіямЪ Эдифи, которой ласковое обхожденіе казалось ему тѢмЪ искреннѢйшимЪ, что оно было простѢе и непринужденнѢе.

Королева и августѢйшій супругЪ ея равно замѢтили это различіе, и РишардЪ, видя, что супруга его была нѢсколько обижена здѢланнымЪ предпочтеніемЪ его сестрѢ, которое, статься можетЪ, и ему самому не слишкомЪ было пріятно, нарочно

сказалъ довольно громко, чтобы они оба могли слышать его: — Наши братья Менестрели, Беренжера, какъ ты можешъ это видѣть изъ поступковъ нашего учителя, Блонделя, гораздо больше уважаемъ строгимъ судіею, какъ наша родственница, нежели пристрастнымъ другомъ, который готовъ подобно вамъ, полагаясь на слова, вѣрить приписываемымъ дарованіямъ.

Эдифь, бывъ въ свою очередь обижена такою колкостью, немедленно отвѣчала, что она не одна изъ поколѣнія Плантагенетовъ, наклонна къ опромешчивымъ и строгимъ сужденіямъ.

Можетъ быть, она сказала бы и больше, имѣя во нравѣ своемъ природный порокъ Плантагенетовъ, которые хотя и заимствовали названіе свое и девизъ отъ слабаго кустарника (*Планта-гиниста*), выбраннаго ими эмблемою смиренія, были самые горделивѣйшіе изъ всѣхъ Государей, царствовавшихъ въ Англіи; но тогда какъ она говорила, воспламененный взоръ ея встрѣтилъ глаза Нюбійца, хотя онъ старался скрыт-

ся позади присутствующихъ дворянъ, и прислонясь къ стулу такъ поблѣднѣла, что казалось готова была упасть въ обморокъ; Королева Беренжера принуждена была спросить воды и спирта, чтобы привесть ее въ чувство.

Ришардъ, знавъ гораздо лучше превосходное свойство и силу души Эдифи, сказалъ Блонделю, чтобы онъ сѣлъ и началъ пѣть, прибавя, что музыка служитъ лучшимъ лѣкарствомъ для оживленія Плантагенетовъ. — Спой намъ, продолжалъ онъ, эту *балладу, окровавленный шлафоръ*, которой содержаніе ты сказывалъ мнѣ, передъ отъѣздомъ твоимъ изъ Кипра. Теперь ты долженъ знать ее совершенно, или умѣнье твое притупилось, какъ говорятъ наши стрѣлки.

Безпокойный взглядъ Менестреля все еще былъ устремленъ на Эдифь, и не прежде повиновался онъ вторичному приказанію Короля Ришарда, какъ увидѣлъ, что щеки Эдифи покрылись снова румянцемъ. Тогда подъигрывая на арфѣ, чтобы придать больше пріятности своему го-

лосу, не заглушая его, онъ воспѣлъ речитативомъ, одно изъ древнихъ рыцарскихъ и любовныхъ приключеній, возбуждавшихъ въ старину всеобщее вниманіе. Какъ скоро пальцы его коснулись струнамъ, то малозначущая его наружность вдругъ преобразилась; вдохновеніе оживило всѣ черты лицà его, выражавшія благородный восторгъ. Наконецъ мужественный, звучный и гибкій голосъ его восхитилъ слухъ всѣхъ присутствующихъ, проникнувъ даже въ ихъ сердца.

Ришардъ, радостный какъ бы послѣ одержанной побѣды, приглашалъ къ вниманію тремя стихами, очень кстати примѣненными:

„Въ гостиной, въ будуарѣ,
Внемлите мнѣ, друзья,
Вашъ слухъ я привлеку."

Онъ усадилъ всѣхъ присутствующихъ въ кружекъ, усердствуя какъ ученикъ и покровитель, и по окончаніи послѣдняго стиха, сѣлъ самъ съ видомъ вниманія и участія, смѣшеннаго однакожъ съ нѣкоторою важностію опытнаго критика. Придворные устремили глаза свои на

Короля, въ готовности подражать всѣмъ впечатлѣніямъ, какія увидятъ въ чертахъ его, а Фома Боксъ зѣвнулъ изъ всей силы, какъ человѣкъ, подчиняющійся противъ воли тягостному вниманію. Блондель, какъ вѣроятно, пѣлъ свою балладу на Нормандскомъ языкѣ, но по слѣдующимъ строфамъ можно видѣть смыслъ ея и стопосложеніе.

Окровавленный шлафоръ.

Близъ красивыхъ Беневетскихъ стѣнъ,
При закатѣ солнца яснаго,
Воины готовились со рвеніемъ
Къ ристалищу на утро раннее:
Юный Пажъ спѣшилъ посломъ
Отъ Княжны въ воинской станъ;
Онъ искалъ тамъ на чужбинѣ жившаго
Фому Кента, Англичанина храбрѣйшаго.

Чтобъ найти его, весь станъ прошелъ:
Тамъ, въ концѣ, палатка рыцаря
Одинехонька раскинута,
И блеститъ стальной лишь маковкой.
Самъ чинилъ онъ латы кованы,
Самъ точилъ онъ свой булатный мечь;—
Призывая въ помощь милую, угодника,
Съ ними доставалъ онъ лавры ратуя!

Рыцарь! отъ Княжны я посланный,
Говорилъ ему надмѣнный Пажъ;
Она съ отцемъ страною сей владѣетъ,
А ты, простой лишь воинъ въ станѣ семъ.
Коль хочешъ заслужить ея вниманье,
Быть рыцаремъ ея, и ей всегда служить,
Прославь себя ты подвигомъ отличнымъ,
И выше смертнаго себя поставь.

Вотъ что она тебѣ повелѣваетъ:
Сними съ себя ты латы броневые,
И шлафорокъ ночной ея надень;
Пусть служитъ онъ щитомъ тебѣ въ сраженіи,
И грудь твою отъ всякой язвы оградитъ:
Въ ристалище назавтра въ немъ явись.—
Ея доволенъ бывъ лишь взглядомъ,
Со славою умри, иль съ честію живи.

Даръ гибельный Кентъ рыцарь принимаетъ
Изъ рукъ надмѣннаго и грубаго Пажа.
,,Скажи, онъ говоритъ, владычицѣ души,
Покоренъ я малѣйшему ея велѣнію,
Сражаться буду я, броней ея покрытъ,
И отражу всѣхъ рыцарей въ бою.

Но если побѣжду, тогда сама Княжна безпрекословно
Подвергнуться должна, такомужъ опыту, назначенному мной.

— Другъ Блондель, сказалъ Ришардъ, ты перемѣнилъ мѣру двухъ послѣднихъ стиховъ этаго куплета.

— Ваша правда, Государь, отвѣчалъ Блондель. Я перевелъ ихъ съ Италіанскаго, по словамъ одного стараго Менестреля, встрѣченнаго мной на Кипрскомъ островѣ; и не имѣвъ времяни ни исправно перевесть ихъ, ни хорошенько затвердить на память, принужденъ дополнять остающіеся промежутки въ музыкѣ и въ стихахъ, сколько могъ, по минутному внушенію, подобно крестьянину, который загораживаетъ зеленѣющійся заборъ сухимъ хворостникомъ.

—По чести, Блондель, подхватилъ Король, мнѣ гораздо лучше нравится послѣдняя мѣра; она такъ звучна и обширна, что кажется гораздо приличнѣе музыкѣ, нежели сокращенная двумя стопами или больше.

чалъ Блондель, снова поведя пальцами по струнамъ арфы, какъ человѣкъ желавшій лучше пѣть, нежели слушать критическія замѣчанія.

— За чѣмъ же не збросить ихъ? продолжалъ Ришардъ; на что обуздывать геній свой свинцовою уздою? Я ни мало не удивлюсь, если подчиня себя такому принужденію, не въ силахъ буду сочинить ни одной изъ этихъ строфъ.

Блондель потупилъ глаза, притворясь настроивающимъ арфу свою, чтобы скрыть усмѣшку, невольно выразившуюся на лицѣ его, которая однакожъ не ускользнула отъ проницательнаго взора Ришарда.

— По чести, ты смѣешься надо мною, Блондель, вскричалъ онъ; признаться по совѣсти, я это и заслуживаю, выдавая себя за учителя, когда я ни что иное какъ ученикъ. Мы Короли, укоренили въ себѣ предурную привычку, полагать себя слишкомъ знающими во всемъ. Но, любезный Блондель, продолжай твою балладу, пой, на какой ладъ тебѣ вздумается. Спѣтое тобой всегда возьметъ преимущество передъ всѣ-

ми нашими внушеніями, хотя мы и не можемъ отъ нихъ воздержаться.

Блондель началъ пѣть; и какъ онъ здѣлалъ привычку сочинять безъ приготовленій вдругъ, то ему не трудно было сообразиться съ Королевскими замѣчаніями, и статься можетъ, ему пріятно было, воспользовавшись этимъ случаемъ, доказать, съ какою легкостію могъ онъ перемѣнять мѣры стопосложеній во время своего пѣнія.

Наутріе ристалище отверсто, съѣзжались рыцари въ строю.
Воинскимъ жаромъ пламенѣя, вступаютъ въ бой, другъ друга вызывая,
Съ неустрашимостью холодность съединяя, разятъ не робкою рукой;
Какаяжъ ждетъ награда ихъ за подвиги, отличныя дѣла?
Гробница падшему, а слава, честь оставшимъ съ торжествомъ!
Но кто изъ нихъ, удары всѣхъ превозмогая, собою всѣхъ затмилъ?
Не рыцарь ли безъ латъ, безъ панцыря, и покровенный
Одеждою возлюбленной своей, ему отправленною въ даръ?

Всякъ уклоняется его, стыдясь не ровнаго
толь бою,
И всякой думаетъ, что рыцаря таковъ обѣтъ:
Разитъ героевъ онъ отважною, мужественной
рукой,
Покрытый самъ ударами отъ нихъ, крѣпится
духомъ пламенѣя;
Его все тѣло изъязвленно, покрыто ранами
кругомъ;
Потоки крови льются, но твердъ и мужественъ
въ бою.
Самъ Князь свидѣтелемъ тому, далъ знакъ, и
битва умолкаетъ;
Герольдами и сонмомъ всѣхъ бояръ онъ побѣ-
дителемъ провозглашенъ.

Ристанію конецъ, готовится великолѣпный
пиръ;
Княжна, збираяся блистать на немъ, уборы
примѣряетъ,
И вдругъ является посолъ, неся убранство ей:
„Отъ Рыцаря, вѣщаетъ онъ, вотъ даръ обратно
твой,
Онъ кровію смоченъ, покрытый пылью, потомъ,
Изорванный въ клочки, растерзанный по
швамъ,
И мѣста нѣтъ на немъ, ни прежней бѣлизны, ни
прежней красоты,
Едваль его узнать возможетъ ты, хотя онъ
твой.

Княжна, онъ продолжаетъ, Кентъ, властитель мой,
Твое вниманье заслужилъ, себя прославилъ онъ;
Онъ не щадилъ себя, израненъ весь, но живъ и торжествуетъ;
Онъ кровію купилъ любовь твою, блестящу славу пріобрѣлъ;
Здержалъ онъ слово данное тебѣ; и ты здержать его должна:
Когда не явиться ты нынче ввечеру, на пиршествѣ двора,
Въ кровавой сей одеждѣ, то не повѣритъ онъ любви твоей къ нему,
И образъ твой изъ сердца истребя, разстанется на вѣкъ съ тобой."—

Къ груди прижавъ кровавую одежду, Княжна таковъ даетъ отвѣтъ:—
Такъ, такъ она послужитъ мнѣ блестящимъ одѣяньемъ,
Ее надѣну я; въ присутствіи всего Двора явлюся въ ней;
Чемъ больше тамъ свидѣтелей найду, тѣмъ горделивѣй буду я.—
Она здержала вѣрно слово, и въ тлафоръ нарядясь,
На пиршество пришла ко изумленью всѣхъ гостей.
Богъ знаетъ тамъ пошли какіе толки у модницъ, болтуновъ;
Родитель же ея, пресѣкъ языкъ злословью, выдумкамъ пустымъ.

Когда сама ты объявляешь дурачество свое, и
къ рыцарю любовь,
Сказалъ ей Князь, да будешъ онъ твоимъ супругомъ.
Но скройся съ глазъ моихъ, бѣги; я гнѣвъ свой
не таю:
Изъ Княжества тебя я изгоняю, отцемъ меня
не чти.—
Коль такъ, Фома тутъ Кентской возразилъ,
родителю ея,
Сокроется она изъ Беневента, твоей послушна волѣ бывъ,
И станешъ украшеньемъ блистательному Англійскому Двору,
Супругой ставъ не Рыцаря простаго, но Графа
Кентскаго, меня.

Громкія рукоплесканія раздались со всѣхъ сторонъ; самъ Ришардъ подалъ тому примѣръ, осыпавъ похвалами любимаго своего пѣвца, и потомъ подарилъ ему драгоцѣнный перстень. Королева поспѣшно предложила ему богатый браслетъ; и большая часть придворныхъ съ присутствующими тутъ дворянами, стремились подражать знаменитымъ супругамъ.

— Не ужъ ли наша сестрица Эдифь, сказалъ Король, здѣлалась нечувствительна къ звукамъ арфы, которую прежде такъ любила?

— Она благодаритъ Блонделя за его балладу, отвѣчала Эдифь; но еще живѣе чувствуетъ благодушіе своего родственника, назначившаго ему содержаніе ея.

— Вы гнѣваетесь, сестрица, сказалъ Ришардъ, за прославленіе женщины, которая была еще причудливѣе и страннѣе васъ. Но вы отъ меня не увернетесь. Я провожу васъ до шатра Королевы, потому что мнѣ нынѣче же нужно съ вами переговорить, прежде нежели настанетъ утро.

Королева и Статсъ-Дамы ея уже встали. Всѣ вельможи, бывшіе въ Королевской палаткѣ, одинъ за другимъ разошлись. Невольники съ зазженными факелами, и конвой вооруженныхъ всадниковъ, ожидали Беренжеру у входа, для сопровожденія ея въ шатеръ, и она вскорѣ отправилась домой. Ришардъ пошелъ подлѣ Эдифи, какъ то объявилъ онъ ей, и принудивъ ее опереться на свою

руку, нарочно отсталъ на довольное разстояніе отъ свиты, чтобы переговорить съ нею безъ свидѣтелей, не бывъ ни кѣмъ слышимъ.

— И такъ, какой отвѣтъ я долженъ дать знаменитому Султану? сказалъ Ришардъ. Короли и Князья скоро покинутъ меня, Эдифь; новая эта ссора ихъ еще больше раздражила противъ меня. Я желалъ бы, однакожъ, здѣлать какую нибудь пользу для Гроба Господня, помощію договора, если не по праву побѣды; а какимъ же образомъ до того достигнуть? увы! весь успѣхъ зависитъ отъ своенравія женщины; для меня гораздо бы легче было отразить десять отборнѣйшихъ копьеносцевъ изъ всего Христіанства, нежели разсуждать съ своенравной дѣвушкой, которая не умѣетъ различить своихъ выгодъ. Посмотримъ, какой прикажете вы дать отвѣтъ мнѣ Султану? онъ долженъ быть рѣшительный.

—Отвѣчайте ему, сказала Эдифь, что бѣднѣйшая изъ Плантагенетовъ согласится лучше выйти за

мужѢ за нищаго, нежели за Музульманина.

—Не прибавить ли еще *невольника*, Эдифь? Кажется это больше подходило бы кѢ вашей мысли.

— Вы не имѢете никакой причины кѢ такому грубому подозрѢнію. ТѢлесное невольничество могло бы возбудить сострадание, но душевное возбуждаетѢ презрѢніе. Какой стыдѢ для васѢ, для Англійскаго Короля, обременять оковами душу и тѢло рыцаря, котораго слава вѢ прежнія времяна едва ли уступала вашей.

—Не долженѢ ли я былѢ удержать родственницу мою отѢ принятія яда, осквернивѢ сосудѢ, вѢ который онѢ былѢ налитѢ, когда мнѢ не оставалось никакого средства отвратить ее отѢ этаго пагубнаго напитка?

—Вы сами побуждаете меня пить этотѢ ядѢ, подавая мнѢ его вѢ позлащенномѢ сосудѢ.

— Эдифь, я не могу принуждать васѢ, но берегитесь, чтобы не затворить отверстый входѢ вѢ рай. Энгадской пустынникѢ, этотѢ человѢкѢ, котораго Папы и Синоды

почитаютЪ пророкомЪ, провидѣлЪ вЪ планетахЪ, что ваше замужство примиритЪ меня сЪ могущественнымЪ непріятелемЪ, и что мужЪ вашЪ будетЪ ХристіанинЪ. И такЪ, я все право имѣю надѣяться, что обращеніе Султана и покореніе ИзмаильтянЪ истинной церкви, будутЪ слѣдствіемЪ вашего брака сЪ СаладиномЪ. Не ужЪ ли вы не захотите ни чѣмЪ пожертвовать, и согласитесь лучше опровергнуть такую надежду.

— Можно приносить на жертву овновЪ и козЪ, но не совѣсть и честь свою. Я слыхала, что позорЪ одной Христіанской дѣвицы привлекЪ СарацинЪ вЪ Гишпанію, но не думаю, чтобы посрамленіе другой было средствомЪ для искорененія ихЪ вЪ Палестинѣ.

— Развѣ вамЪ кажется постыдно здѣлаться супругою могущественнаго Монарха?

—По моему, постыдно и безчестно ругаться таинствомЪ; а я поругаюсь имЪ, заключивЪ союзЪ сЪ МусульманиномЪ, котораго онЪ не можетЪ связать; если я, бывЪ потом-

кой Христіанской владѣтельницы, добровольно согласилась бы здѣлаться Царицею гарема языческихъ наложницъ.

— Я не хочу съ вами ссориться, Эдифь; однакожъ полагалъ, что зависимость, въ которой вы находитесь, должна бы возбуждать въ васъ больше угожденія.

— Государь! вы достойный наслѣдникъ богатства, почестей, и всѣхъ владѣній Плантагенетовъ; и такъ, не укоряйте бѣдную вашу родственницу за частицу гордости, оставшейся ей единственнымъ достояніемъ.

— По чести, сестрица, однимъ этимъ словомъ вы обезоружили меня. Поцѣлуемтесь-же, и будемъ друзьями. Я теперь же увѣдомлю Султана о вашемъ отвѣтѣ. Но, со всѣмъ тѣмъ, не лучше ли отложить отвѣтъ вашъ до свиданія вашего съ нимъ. Говорятъ, что онъ наипрекраснѣйшій мущина.

— Не думаю, Государь, чтобы мнѣ когда случилось съ нимъ встрѣтиться.

— Клянусь Святымъ Георгіемъ, оно скорѣе случится, нежели вы думаете. Саладинъ, безъ всякаго сомнѣнія отведетъ намъ неутральную часть земли для ристалища, гдѣ будетъ поединокъ за знамя, и вѣрно захочетъ самъ быть свидѣтелемъ. Беренжера згораетъ нетерпѣніемъ присутствовать на немъ, и я ручаюсь, что всѣ женскія головы за нею помчатся; вы, еще вѣроятнѣе, не отстанете отъ нихъ. Но, что нужды, мы подходимъ уже къ шатру; должно распаться, и растанемтесь миролюбиво. И такъ, я долженъ запечатлѣть этотъ союзъ устами и рукой, прекрасная сестрица. Я пользуюсь правомъ самодержца, цѣлуя прелестныхъ моихъ подданныхъ.

Поцѣловавъ ее съ уваженіемъ и горячностью, онъ при лунномъ свѣтѣ возвратился въ свой шатеръ, напѣвая отрывками затверженное имъ изъ баллады Блонделя.

По возвращеніи своемъ, не теряя ни минуты, онъ принялся писать отношенія свои къ Саладину, и вручивъ ихъ Нюбійцу, приказалъ от-

правиться на разсвѣтѣ, для доставленія ихъ Султану.

КНИГА VIII.

„Тамъ крики раздаются невѣрныхъ Музульманъ,
Готовясь въ бой, они взываютъ къ небесамъ,
Мольбами воздухъ оглашаютъ,
Чтобы побѣдой ихъ украсилось чело."

Осада Дамаска.

На завтрешнее утро, Филиппъ Французской пригласилъ Ришарда для переговора, въ которомъ, послѣ всѣхъ увѣреній неограниченнаго своего уваженія къ брату своему, Королю Англійскому, онъ объявилъ ему въ самыхъ вѣжливыхъ, и однакожъ слишкомъ ясныхъ выраженіяхъ, о рѣшительномъ своемъ намѣреніи возвратиться въ Европу, чтобы заняться Государственными дѣлами, требующими его присутствія, тѣмъ больше, что уменьшеніе крестоносныхъ силъ и раздоры, господствующіе между ними, лишаютъ

его всей надежды вѣ успѣхѣ предпринятаго ими похода. Ришардѣ представлялѣ, увѣщевалѣ, но все было безполезно, и по окончаніи ихѣ переговора, онѣ ни мало не удивился получивѣ манифестѣ, подписанный Эрцѣ-Герцогомѣ Австрійскимѣ и многими другими Владѣтелями, обѣявлявшій ему, что они равное предприняли намѣреніе сѣ Филиппомѣ, прибавляя кѣ тому безѣ всякихѣ околичностей, что они вынуждены отрѣщись отѣ служенія кресту, необузданнымѣ честолюбіемѣ и непомѣрнымѣ властолюбіемѣ Ришарда Англійскаго. Тогда лишася всей надежды продолжать сѣ успѣхомѣ войну, онѣ проливалѣ горькія слезы обѣ уничтоженіи знаменитыхѣ своихѣ предпріятій, всей славы; и мысль, что нѣкоторымѣ образомѣ, онѣ долженѣ былѣ укорять самаго себя, подавѣ поводѣ врагамѣ своимѣ, запромѣтчивымѣ и неукротимымѣ своимѣ нравомѣ, приписывать ему вину ихѣ отрѣченія, еще больше огорчала его.

—Они не осмѣлились бы покинуть такимѣ образомѣ моего родителя,

сказалъ онъ Воксу съ прискорбнымъ негодованіемъ. Никто въ Европѣ не повѣрилъ бы клеветамъ, которыя бы вздумалось имъ разсѣвать противъ такого мудраго Монарха; тогда какъ я, сущій безумецъ, я самъ подалъ имъ благовидную причину не только оставить меня, но и возлагать всю вину разрыва на пагубные мои недостатки.

Эта мысль такъ сильно терзала Ришарда, что Воксъ съ большимъ удовольствіемъ услышалъ объявленіе о прибытіи Султанскаго посла, которымъ совершенно разсѣялись мрачныя Королевскія мысли, направленныя совсѣмъ къ другимъ предметамъ.

Посланный этотъ былъ Эмиръ, много уважаемый Саладинномъ, по имяни Абдалла Эль-Гаджи. Онъ велъ происхожденіе свое отъ пророка, отъ рода или поколѣнія Гассана, чему и служила доказательствомъ зеленая чалма непомѣрный вышины. Три раза совершилъ онъ путешествіе въ Мекку, что и доставило ему наименованіе Эль-Гаджи, то есть,

богомольца; не смотря на различныя его припязанія на святость, Абдалла былъ весельчакъ, а это не могло служить похвалою Арабу. Онъ любилъ слушать забавныя повѣсти. Отлагалъ важность свою, для опорожниванія бутылки вина, когда могъ это здѣлать украдкою, избѣгая злорѣчія. Онъ былъ также и государственный человѣкъ; и Султанъ употреблялъ дарованія его въ различныхъ сношеніяхъ съ Христіанскими Князьями, особенно же съ Ришардомъ, который зналъ и уважалъ Эль Гаджи. Восхищенный поспѣшнымъ согласіемъ этаго посла, отъ имяни своего Государя, на отведеніе имъ неутральной земли для поединка, на дачу пропускныхъ видовъ всѣмъ, кто пожелаетъ присутствовать на ристалищѣ, съ предложеніемъ остаться заложникомъ въ увѣреніи Саладиновой искренности. Ришардъ вскорѣ забылъ опровергнутыя свои надежды, и близкой разрывъ союза крестоносныхъ владѣтелей, чтобы предаться разсужденіямъ о предварительныхъ статьяхъ поединка на ристалищѣ.

Мѣсто, называемое пустынный Алмазъ, было назначенно для поединка, какъ отстоящее въ равномъ разстояніи отъ Христіанскаго и Сарацинскаго стана. Было условлено, чтобы Конрадъ Монтфератской съ его секундантами, Эрцъ-Герцогомъ Австрійскимъ и Гросъ-Мейстеромъ Тампліеровъ, явились въ назначенный день на поединокъ; Ришардъ Англійской, и братъ его Салисбюри, прибудутъ туда съ равнымъ числомъ воиновъ, для защиты ратоборцевъ, сражающихся между собой; Султанъ приведетъ съ собой пять сотъ человѣкъ отборной стражи, число почитаемое Ришардомъ равное двумъ стамъ Христіанскихъ копьеносцевъ. Всѣ именитые особы, которыхъ вздумаютъ пригласить на ристалище, та и другая сторона, не должны имѣть при себѣ другаго орудія, кромѣ шпаги, и быть безъ латъ и кольчугъ. Султанъ принимаетъ на себя устроеніе ристалища, равно какъ и угощеніе, съ доставленіемъ всѣхъ нужныхъ припасовъ, для присутствующихъ особъ на этомъ торжественномъ поединкѣ. Онъ въ пись-

мѣ своемъ изъявлялъ съ большею вѣжливостью удовольствіе, заранѣе ощущаемое имъ личнымъ и дружелюбнымъ свиданіемъ съ Мелекъ-Рикомъ, и всегдашнее его желаніе здѣлать ему наипріятнѣйшій пріемъ.

По учрежденіи нужныхъ статей, и сообщеніи ихъ Маркизу Монтфератскому съ его секундантами, Абдулъ Эль-Гаджи былъ приглашенъ на вечеръ гостемъ къ Ришарду, гдѣ съ восхищеніемъ слышалъ сладостное пѣніе Блонделя. Снявъ потомъ зеленую свою чалму, чтобъ скрыть ее отъ глазъ всѣхъ, и надѣвъ намѣсто ее Греческую шапку, онъ запѣлъ Вакхическую Персидскую пѣсню, и выпилъ цѣлую склянку Кипрскаго вина, въ доказательство, что онъ соединяетъ практику съ теоріею. Назавтра также важенъ и трезвъ какъ пьющій Мирглихскую воду, онъ преклонилъ голову передъ подножіемъ трона Саладина, отдавъ отчетъ Султану въ своемъ посольствѣ.

Наканунѣ положеннаго дня для поединка, Конрадъ съ друзьми своими на утренней зарѣ отправился

въ назначенное мѣсто. Въ томъ же часу выѣхалъ изъ стана и Ришардъ, по той же причинѣ, но по другой дорогѣ; такая предосторожность считалась нужною, для предъупрежденія могущей выпти ссоры между вооруженными людьми, бывшими въ ихъ свитѣ.

Тогда и самъ добрый Король нимало не желалъ ни съ кѣмъ заводить ссоры, и ничто не могло умножить радости его, отъ предполагаемаго имъ удовольствія присутствовать на смертномъ поединкѣ въ ристалищѣ, развѣ одно только ожиданіе, въ случаѣ нужды самому сразиться какъ ратоборцу; на эту минуту онъ помышлялъ о самомъ Конрадѣ Монтфератскомъ съ нѣкоторымъ состраданіемъ. Легко вооруженный, пышно одѣтый, какъ любовникъ наканунѣ своего брака, онъ винтовалъ подлѣ носилокъ Королевы Беренжеры, показывая ей замѣчательныя мѣста, представляющіяся имъ на пути, разгоняя скуку, наводимую уединенною и безплодною стороною, веселыми своими разговорами и пѣснями. Когда она была на богомольѣ въ Энгад-

скомъ монастырѣ, то ѣздила туда другою дорогою, лежащею за горами, слѣдственно ни она, ни статсъ-дамы ея свиты не имѣли понятія объ этой пустынѣ.

Хотя Беренжерѣ очень извѣстенъ былъ нравъ ея супруга, и она не могла не оказывать вниманія къ разговорамъ его и пѣснямъ, однакожъ она не могла воздержаться отъ страха, слишкомъ свойственнаго женщинѣ, видящей себя въ пещаной степи, теряющейся изъ вида, съ такимъ слабымъ конвоемъ, который казался точкою въ неизмѣримомъ пространствѣ, размышляя въ тоже время, что они въ близкомъ разстояніи отъ Сарацинскаго стана, гдѣ легко могутъ напасть на нихъ съ гораздо многочисленнѣйшимъ отрядомъ легкой конницы, и похитить ихъ, если вѣроломные язычники захотятъ измѣнить своему слову, и воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ, подвергающимъ ихъ такому искушенію. Но когда она начинала изъявлять опасенія и страхи свои, то Ришардъ съ презрѣніемъ и неудовольствіемъ отвергалъ ихъ: —

слишкомъ неблагодарно и даже гнусно, говорилъ онъ, сомнѣваться въ чистосердечіи великодушнаго Султана.

Но, тѣ же сомнѣнія и тѣ же страхи нѣсколько разъ представлялись, не только робкому духу Королевы, но и гораздо твердѣйшему, благородному духу Эдифи Плантагенетъ, которая ни малѣйшей не имѣла довѣренности къ искренности Музульманина; даже и она не могла быть спокойною на это время, видя себя совершенно въ ихъ власти. Не изъумилась, но ужаснулась бы она, еслибъ вдругъ раздались вкругъ нее крики: *Алла гу!* и еслибъ увидѣла напавшую на нихъ Арабскую конницу, подобно хищнымъ ястребамъ, налетающимъ на свою добычу. Страхи ея ни мало не уменьшились, когда подъ вечеръ увидѣли они всадника, котораго по чалмѣ и длинному его копью признали они за Араба, стоящаго на верьхушкѣ горы, подобно соколу, плавающему въ воздухѣ, и который завидя показавшуюся Королевскую свиту, понесся какъ

птица, разсѣкающая воздухъ, скрывшись отъ глазъ.

— Видно мы близко отъ назначеннаго мѣста, сказалъ Король; этотъ всадникъ вѣрно поставленъ былъ на стражѣ Саладиномъ. Мнѣ кажется я слышу звуки Музульманскихъ роговъ и цимбалъ. Товарищи, въ строй, примкнитесь какъ храбрые и хорошо устроенные воины вкругъ носилокъ.

При этихъ словахъ, каждый Рыцарь, каждый щитоносецъ и стрѣлокъ заняли свои мѣста, и свита продолжала путь свой сомкнувшись рядами, отъ чего казалась она еще меньшею; правду сказать, хотя они и не должны бы были ничего страшиться, обнадѣжась на Султана, но безпокойство и любопытство ихъ умножалось вниманіемъ, съ которымъ слушалъ каждый изъ нихъ нестройные звуки Маврской музыки, становящейся ежеминутно слышнѣе и ближе, отдаваясь съ той стороны, куда видѣли они поскакалъ Арабской всадникъ.

Воксъ подъѣхавъ къ Королю, сказалъ ему потихоньку: — Не нужно

ли, Государь, отрядить пажа на вершину этой песчаной горы? или не соблаговолите ли приказать самому мнѣ пуститься впередъ? Судя по всей этой топотнѣ и шуму, кажется если только пять сотъ человѣкъ должны быть за этими возвышеніями, то остальная свита Саладина вѣрно состоитъ изъ однихъ музыкантовъ?

Англійскій Баронъ уже собралъ возжи лошади своей, сталъ на стремяна, приготовясь пришпорить ее, когда Ришардъ вскричалъ ему въ отвѣтъ:

— Нѣтъ, ни для чего на свѣтѣ. Такая предосторожность означала бы недовѣрчивость, а она не остановитъ измѣну, еслибъ и замышляли ее, которой я нимало не опасаюсь.

И такъ, они продолжали ѣхать тѣмъ же порядкомъ, сомкнутыми рядами, покуда переѣхали за цѣпь песчанныхъ горъ; и тогда увидѣли они мѣсто назначеннаго свиданія, гдѣ великолѣпнѣйшее и почти ужаснѣйшее зрѣлищѣ ожидало ихъ.

Пустынный алмазъ, этотъ уединенный источникъ, отмѣнявшійся

до сихъ поръ отъ знойной степи одними лишь пальмовыми деревьями, превратился вдругъ въ центръ воинскаго стана, котораго блестящія серебромъ и золотомъ украшенія, шитыя знамена, отражались лучами заходящаго солнца въразноцвѣтныхъ оттѣнкахъ. Шелковыя ткани, покрывавшія главные шатры, блистали яркими цвѣтами пурпура, свѣтлоголубаго, желтаго, изумруднаго, и пр:, а верьхушки среднихъ столбовъ, къ которымъ прикрѣплялся каждый шатеръ и палатка, украшались золотыми маковками и шелковыми флагами. Но выключая этихъ богато убранныхъ шатровъ, разсѣяно было множество черныхъ Арабскихъ палатокъ, которыя, по мнѣнію Фомы Вокса, служили дурнымъ предзнаменованіемъ, потому что по Восточному обычаю, въ нихъ могло помѣститься пять тысячь воиновъ. Арабы и Курды поспѣшно собрались, ведя каждый подъ узду лошадь свою, при оглушительной воинской ихъ музыкѣ, которая воспламеняла мужество Арабовъ въ минуту сраженія.

Скоро составилась изъ нихъ многочисленная и нестройная толпа пѣшихъ всадниковъ передъ лагеремъ; но при знакѣ, данномъ имъ пронзительнымъ крикомъ, заглушившимъ самую музыку, каждый всадникъ вскочилъ на сѣдло. Поднявшаяся пыль столбомъ при этомъ дѣйствіи, скрыла отъ глазъ Ришарда и малочисленной его свиты лагерь, пальмы, горы, видимыя ими въ дали, и самое войско, произведшее неожиданнымъ своимъ движеніемъ пыльную эту тучу, которая поднявшись надъ головою ихъ до облакъ, образовала въ воздухѣ столбы, главы и мечети.

Другой крикъ, не меньше пронзительный прежняго, раздался изъ среды мрачной этой области; онъ служилъ знакомъ къ отъѣзду, и они въ тоже мгновеніе отправились, здѣлавъ нужныя движенія, чтобы въ одно и тоже время прискакать съ боковъ, въ тылъ и съ переди малочисленнаго Ришардова отряда; воины, соблюдавшіе свой порядокъ, бывъ такимъ образомъ окружены со всѣхъ сторонъ, задыхались отъ густой пыли, ихъ покрывавшей, сквозь которую

едва мелькали имъ странное одѣяніе и свирѣпыя лица Сарацинъ. Они потрясали и взмахивали копьями, направляя ихъ во всѣ стороны, испускали дикіе крики, приближаяся по времянамъ на выстрѣлъ къ Христіанамъ, тѣмъ времянемъ, какъ бывшіе въ заднихъ рядахъ, бросали стрѣлы надъ ихъ головами. Одна изъ этихъ стрѣлъ упала въ носилки Беренжеры, вскрикнувшей отъ ужаса, и щеки Ришарда въ минуту зардѣлись гнѣвомъ.

— Клянусь святымъ Георгіемъ! вскричалъ онъ, надобно заставить образумиться нахлынувшую эту орду басурманъ.

Но Эдифь, которой носилки были поблизости Королевскихъ, высунувъ голову изъ нее, и держа въ рукѣ одну изъ этихъ стрѣлъ, воскликнула:— Король Ришардъ, остерегитесь, подумайте, что вы хотите дѣлать! посмотрите, эти стрѣлы безъ острія.

— Клянусь небомъ! вскричалъ Ришардъ, ты пристыжаешъ насъ, благородная дѣвица, правильнымъ своимъ сужденіемъ и быстрымъ взо-

ромъ. Товарищи, сказалъ онъ малочисленному своему войску, не тревожтесь! ихъ стрѣлы безъ острія, и посмотрите, желѣзо снято съ ихъ копій; они привѣтствуютъ насъ по своему обычаю съ благополучнымъ прибытіемъ, хоть я и не сомнѣваюсь, что имъ пріятно было бы видѣть насъ встревоженными и устрашенными. И такъ, впередъ, тихимъ, твердымъ шагомъ.

И небольшой отрядъ двинулся впередъ, все еще окруженный Арабами, которые продолжали испускать пронзительные крики; стрѣлки ихъ мѣтали стрѣлы, и въ доказательство своей ловкости, искуства, пускали ихъ какъ можно ближе къ Христіанскимъ шишакамъ, не касаясь имъ; копьеносцы разили другъ друга копьями безъ желѣза, и такъ сильно ударяли ими, что сбивали съ сѣдла, не смотря на вредъ, могущій произойти пораженному при паденіи его съ лошади; всѣ эти изъявленія радости хотя и назначены были для празднованія прибытія Европейцевъ, возбуждали нѣсколько въ нихъ подозрѣніе.

На половинѣ пути отъ лагеря, Ришардъ и свита его, составлявшіе центръ, вкругъ котораго шумная эта толпа кружилась, скакала, вопила, наѣздничала, сражалась, представляя зрѣлище безпорядка, смѣшенія, которое трудно было бы изобразить, вторично раздался пронзительный крикъ, и въ тоже мгновеніе всѣ Аравы, бывшіе впереди, съ боковъ малочисленнаго Европейскаго войска, сдѣлавъ поворотъ, расположились въ довольно стройномъ порядкѣ, длинною колоною позади Ришардова отряда, почти безмолвно слѣдуя за нимъ.

Не совсѣмъ еще улеглась пыль впереди Англичанъ, какъ они увидѣли сквозь мрачную ее мглу, отрядъ конницы гораздо лучше устроеннаго войска и совсѣмъ другаго рода. Эти всадники были снабжены оборонительными, наступательными оружіями, и могли бы служить тѣлохранительми горделивѣйшему Восточному Монарху. Каждая лошадь этихъ воиновъ, состоящихъ изъ пяти сотъ человѣкъ, стоила не меньше Графскаго выкупа; они были

Черкескіе и Грузинскіе невольники, всѣ во цвѣтѣ юности, покрыты кольчугами и шишаками изъ вороненой стали, блестящей какъ серебро; яркаго цвѣта шелковыя ткани служили имъ одеждою, а на нѣкоторыхъ изъ нихъ были даже серебреной и золотой парчи платья; богатыя ихъ чалмы были украшены перьями и драгоцѣнными камнями; рукоятки и ножны ихъ сабель, и кинжаловъ стальныхъ съ чернью, сверкали золотомъ и сіяли бриліантами.

Блистательное это войско выступало при звукахъ воинской музыки, и когда оно встрѣтилось съ Христіанами, то раздвинувшись, составило двѣ шеринги, для пропуска ихъ между рядовъ своихъ. Тогда Ришардъ выѣхалъ впередъ, предводительствуя небольшимъ своимъ отрядомъ, въ полномъ увѣреніи о скоромъ приближеніи самаго Саладина. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько минутъ потомъ, посреди многочисленнаго корпуса тѣлохранителей, офицеровъ своего Штаба, и отвратительныхъ Негровъ, стражей Во-

сточныхЪ ГаремовЪ, которыхЪ безобразіе еще больше увеличивалось богатѢйшимЪ ихЪ нарядомЪ, появился СултанЪ; его поступь, видЪ, осанка и движенія, означали человѢка, на челѢ котораго природа какЪ бы начертала:—ВотЪ Царь!—СЪ его чалмою, одеждою, шароварами широкими, по восточному обычаю, уподобляющимися бѢлизною снѢгу, и червленнаго цвѢта шелковымЪ кушакомЪ, безЪ всякихЪ украшеній, СаладинЪ казалось былЪ одѢтЪ гораздо простѢе каждаго изЪ своихЪ тѢлохранителей. Но смотря на него сЪ большимЪ вниманіемЪ, видѢли на чалмѢ его драгоцѢннѢйшую эту жемчужину, наименованную стихотворцами источницею свѢта; бриліантЪ, на которомЪ вырѢзана была печать его, носимый имЪ на пальцѢ, обдѢланный вЪ перстнѢ, вѢроятно равнялся цѢною всѢмЪ сокровищамЪ Англійской короны; и яхонтЪ, вставленный вЪ рукояткѢ его Канжіара, былЪ почти равной сЪ нимЪ цѢны. Нужно прибавить, что для защищенія себя отЪ пыли, которая вЪ окрестностяхЪ Мертваго моря подобна

мелкопросѣянной золѣ, или статься можетъ, изъ Восточной гордости, на Султанѣ накинуто было покрывало, сверхъ чалмы, скрывавшее отъ части благородныя черты лица его. Онъ ѣхалъ на Арабской лошади, бѣлой какъ молоко, и конь его выступалъ горделиво, какъ бы чувствуя всю цѣну носимой имъ тяжести.

Не нужно было никакихъ предварительныхъ учтивостей. Оба героя, заслуживавшіе это наимянованіе, въ одно время сошли съ лошадей, тогда какъ оба войска остановились, и музыка умолкла. Они приближились другъ къ другу, вѣжливо раскланялись, и обнялись какъ братья, какъ равные. Великолѣпіе и пышность, простертыя съ обѣихъ сторонъ, не превлекали тогда ничьего вниманія; всѣхъ глаза устремились на Ришарда и Саладина, и они оба видѣли только другъ друга. Однакожъ, во взорахъ Ришарда, устремленныхъ на Саладина, больше изображалось любопытства, нежели во взглядѣ Султана, обращенномъ на Англійскаго Монарха. Музуль-

манской владѣтель первый началъ говорить.

—Присутствіе Мелекъ-Рика такъже пріятно Саладину, сказалъ онъ, какъ видъ воды путешественнику въ дикой пустынѣ. Я льщусь, что онъ безъ недовѣрчивости видетъ многочисленное это войско. Выключая вооруженныхъ невольниковъ, составляющихъ мой штатъ, остальные, окружающіе насъ, съ изумленнымъ взоромъ и искреннимъ доброжелательствомъ, до послѣдняго изъ нихъ, составляютъ отборное дворянство тысячи подвластныхъ мнѣ поколѣній: да и кто же изъ нихъ, бывъ въ правѣ испрашивать позволенія присутствовать при нашемъ свиданіи, захотѣлъ бы отклониться отъ того, когда возможетъ видѣть такого Государя какъ Ришардъ, котораго имя возбуждая ужасъ, съ трепетомъ произносится даже и на песчанныхъ берегахъ Иэмена; кормилицы въ нашихъ странахъ угрожаютъ имъ грудныхъ младенцевъ, и вольный Арабъ имъ останавливаетъ быстраго своего коня.

— И всѣ эти воины Арабскіе дворяне? сказалъ Ришардъ, окинувъ глазомъ вкругъ себя, смотря на этихъ полудикихъ созданій, покрытыхъ Гойксами, загорѣлыхъ отъ солнца, съ бѣлыми зубами какъ слоновая кость: глаза ихъ сверкали гордѣливымъ огнемъ и почти сверхъестественнымъ; но одежда ихъ, вообще, слишкомъ простая, доходила даже до неопрятства.

— Они имѣютъ право на это титло, отвѣчалъ Саладинъ; но не смотря на ихъ многочисленность, условіе нашего договора ни мало тѣмъ не нарушено. У нихъ нѣтъ другаго оружія, кромѣ ихъ сабель, даже сняты желѣза съ ихъ копій.

— Я боюсь, сказалъ Воксъ Ришарду по Англійски, не спрятали ли они его въ какомъ близкомъ мѣстѣ, гдѣ не трудно имъ будетъ послѣ отыскать его. Признаюсь, эта Палата Перовъ слишкомъ цвѣтуща; они съ трудомъ могли бы помѣститься и въ Вестминстерской залѣ.

— Молчи, Воксъ, сказалъ Король, я приказываю тебѣ. Благородный

Саладинъ, прибавилъ онъ, недовѣрчивость и ты между собой несовмѣстны. Видишъ ли ты, продолжалъ онъ, указывая ему на носилки, я привелъ съ собой также нѣсколько ратоборцевъ, хотя и вооруженныхъ всѣми доспѣхами въ противность договора; ихъ прелестные взоры и черты лица такія непобѣдимыя орудія, противъ которыхъ слишкомъ трудно устоять.

Султанъ оборатился къ носилкамъ, низко поклонился имъ, какъ бы видъ Мекки представился глазамъ его, и въ знакъ почтенія поцѣловалъ горсть взятаго имъ песку.

— Онѣ не страшатся ближайшей встрѣчи, братъ, сказалъ Ришардъ. Не хочешъ ли подойти къ нимъ? Онѣ отдернутъ занавѣсъ.

— Да избавитъ меня отъ того Алла! отвѣчалъ Султанъ. Всѣ Аравы, окружающіе насъ, почтутъ это за поношеніе и позоръ этимъ госпожамъ, если увидятъ ихъ съ открытымъ лицемъ.

— Въ такомъ случаѣ, братъ мой, возразилъ Ришардъ, ты увидишся съ ними наединѣ.

— Что въ томъ пользы? сказалъ Саладинъ унылымъ голосомъ. Послѣднее письмо твое, опровергнуло всѣ мечтательныя мои надежды, какъ вода заливающая огонь, для потушенія его. То для чего же стараться возжигать этотъ пламень, когда онъ тщетно долженъ снѣдать меня? Главному начальнику черныхъ моихъ невольниковъ дано повелѣніе принять и угостить Принцессъ. Офицеры моего штаба, будутъ имѣть попеченіе о твоей свитѣ, и мы сами будемъ служить Королю Ришарду.

Онъ повелъ Короля Ришарда къ великолѣпнѣйшему шатру, гдѣ было соединено все, что только могло удовлетворить роскоши и пышности. Воксъ, слѣдовавшій за своимъ Государемъ, снялъ тогда съ него *капу*, родъ длинной эпанчи, взятый Ришардомъ въ дорогу, и онъ остался передъ Саладиномъ въ обыкновенномъ своемъ платьѣ. Узкая его одежда, обрисовывая стройные его члены, составляла разительную противуположность съ широкимъ развѣвающимся полукафтаньемъ, покрывав-

шимъ сухощавый станъ Восточнаго Монарха.

— Еслибъ я не видалъ этотъ мечь, сказалъ Саладинъ, сверькавшій на полѣ битвы, какъ мечь Азраеля, то едвали бы повѣрилъ, что человѣческая рука можетъ имъ владѣть. Могу ль я просить Мелекъ - Рика, чтобъ онъ разъ ударилъ имъ, единственно для измѣренія силы его?

— Очень охотно, знаменитый Саладинъ, отвѣчалъ Ришардъ; ища вкругъ себя какой предметъ для испытанія силы своей, увидѣлъ стальную дубину, несомую невольникомъ, которой рукоятка изъ того же металла, была въ окружности около полутора дюйма. Онъ взялъ, и положилъ ее на толстой деревянной чурбакъ.

Безпокойство Вокса о чести своего Государя, принудило его сказать ему по Англійски:—Имянемъ пресвятой Богородицы умоляю васъ, подумайте, что вы предпринимаете, Государь; силы ваши не совсѣмъ еще укрѣпились, не дайте восторжествовать надъ собою невѣрному.

— Молчи, дуракъ! отвѣчалъ Ришардъ, съ гордостію посматривая вкругъ себя; не ужъ ли ты думаешь, что силы измѣнятъ мнѣ въ его присутствіи.

Сверкающій мечь его, держимый обѣими руками, поднялся надъ лѣвымъ плечемъ Короля, обошелъ вкругъ головы его, и опустясь какъ бы напряженіемъ непреодолимой силы какой воинской машины, ударилъ по стальной дубинѣ; желѣзо разсѣкшись на двое, упало на полъ, какъ древесная вѣтвь, разрубленная топоромъ дровосѣка.

—Клянусь головою Пророка, какой чудесный ударъ! сказалъ Султанъ, разсматривая глазами наблюдательнаго критика, желѣзную дубину разсѣченную на двое, и клинокъ шпаги, которая такъ хорошо была выдѣлана, что ни мало не попортилась отъ нанесеннаго ею удара. Потомъ онъ взялъ за широкую его руку, и улыбнулся сравнивъ ее съ своею сухощавою и тощею рукою.

—Да, да; смотри, разсматривай ее хорошенько, сказалъ Воксъ по Англійски; ввѣкъ не дождаться тебѣ

того, чтобы длинные обезьянскіе пальцы твои, могли нанесть подобный ударЪ твоею прекрасною позолоченною косой.

— Молчи, ВоксЪ! сказалЪ РишардЪ. Клянусь Богоматерью, онЪ понимаетЪ или догадывается сказанное тобой: прошу тебя, говори почтительнѣе.

— ЖелалЪ бы я, сказалЪ СултанЪ черезЪ минуту потомЪ, испытать также.... но на что слабому обнаруживать безсиліе свое передЪ мощнымЪ; однакожЪ, вЪ каждой землѣ есть свои эволюціи, и покрайности это позабавитЪ МелекЪ-Рика своею новостью. Говоря такимЪ образомЪ, онЪ взялЪ шелковую подушку, набитую пухомЪ, и отложивЪ ее вЪ сторону, сказалЪ Ришарду:—Твоя шпага можетЪ ли разрубить эту подушку?

— Конечно нѣтЪ, отвѣчалЪ Король; никакая сабля, хотя бы она была Экскалибара Карла Артура, не можетЪ разрубить нетвердаго вещества.

— ТакЪ смотри же. И закинувЪ рукавЪ свой, обнажилЪ сухощавую, но мощную руку, потомЪ вынувЪ

изъ ноженъ свою саблю, которой узкой и выгнутой клинокъ не блисталъ подобно шпагамъ Франковъ, но тусклосиневатая, испещренная безчисленнымъ множествомъ пересѣчекъ и протянутыхъ во всѣ стороны линій доказывала, сколько трудилась надъ нимъ рука оружейнаго мастера. Поднявъ мечь свой, по видимому такъ легкой въ сравненіи съ Ришардовою шпагою, Султанъ всѣмъ корпусомъ своимъ уперся на лѣвую ногу, отставленную нѣсколько впередъ, и потомъ раскачавшись, какъ бы для вѣрнѣйшаго удара, вдругъ подвинувшись впередъ, разсѣкъ на двое подушку, направивъ лезвее своей сабли такъ ловко, и повидимому съ такимъ малымъ напряженіемъ, что подушка казалось распалась сама собою, безъ всякаго усилія со стороны Султана.

— Это фиглярская штука, сказалъ Воксъ по Англійски, подвинувшись чтобы поднять половину подушки отсѣченной отъ другой, какъ бы желая точно увѣриться, дѣйствительно ли она была разрублена; это не даровое.

Султанъ казалось понялъ мысль его, потому что снявъ покрывало, бывшее на чалмѣ его, вдвое сложилъ его, повѣсилъ на лезвее сабли своей, поднялъ его на воздухъ, и внезапнымъ движеніемъ разсѣкъ его на двѣ части, распавшіяся въ разныя стороны шатра, показавъ въ тоже время искуство свое, превосходство клинка, и острія своей сабли.

— Почести, братъ, сказалъ Ришардъ, ты съ неподражаемою ловкостью управляешъ своимъ палашемъ, и встрѣтиться съ тобой въ бою не слишкомъ выгодно; однакожъ, я нѣсколько полагаюсь на Англійскіе удары, и чего мы не въ состояніи здѣлать ловкостью, то довершаетъ сила. Но чтобы ни было, ты также искусно наносишъ раны, какъ искусно излѣчаетъ ихъ мудрый мой Гакимъ. Надѣюсь, я увижу знаменитаго этаго лѣкаря; мнѣ еще должно возблагодарить его, и я привезъ ему нѣсколько подарковъ.

Въ продолженіи этихъ словъ, Саладинъ снялъ чалму свою, чтобы надѣть другую, въ видѣ Татарскаго колпака; лишь только онъ это

здѣлалъ, какъ Воксъ съ остолбенѣні-емъ остановился передъ нимъ, и Ришардъ не меньше былъ изумленъ. А Султанъ переиначивъ голосъ свой, сказалъ ему съ важнымъ видомъ:— Больной, повѣствуетъ стихотворецъ, познаетъ своего лѣкаря по стуку его шаговъ; но по выздоровленіи встрѣтясь съ нимъ, не узнаетъ его даже и въ лице.

— Это чудо, совершенное чудо! вскричалъ Ришардъ.

— Сущая дьявольщина, сказалъ Фома Воксъ.

— Возможно ли, что я не узналъ искуснаго моего Гакима, безъ переодѣянія его, воскликнулъ Ришардъ, и нахожу его въ братѣ моемъ Саладинѣ!

— Такъ часто бываетъ въ светѣ, подхватилъ Саладинъ. Не ветхая одежда составляетъ дервиша.

— И твоимъ ходатайствомъ, сказалъ Ришардъ, Рыцарь Барса избѣгнулъ казни! твоею хитростью явился онъ опять въ станъ совсѣмъ переобразованный!

—Точно такъ, отвѣчалъ Султанъ; я настолько свѣдущь въ медицинѣ,

что могъ распознать, что жизнь его не могла продолжиться безъ исцѣленія душевныхъ ранъ, и возстановленія утраченной чести. Ты гораздо легче проникъ превращеніе его, нежели я полагалъ, судя по моему переодѣянію.

— Одинъ нечаянный случай, сказалъ Ришардъ, говоря о той минутѣ, когда онъ высасывалъ ядъ изъ раны мнимаго Нюбійца, увѣрилъ меня, что цвѣтъ кожи его былъ поддѣльный. По этому открытію, не трудно уже было отгадать и остальное, потому что станъ его и черты лица не легко изглаждаются изъ памяти. Я надѣюсь, что онъ завтра явится моимъ ратоборцемъ въ ристалищѣ.

— Онъ готовится къ тому исполненный надежды. Я снабдилъ его оружіемъ и лошадью; судя о немъ по всѣму видѣнному въ немъ подъ различными видами, полагаю его отличнымъ Рыцаремъ.

— Знаетъ ли теперь онъ, кѣмъ онъ столько одолженъ?

— Знаетъ. Я принужденъ былъ ему открыться, обнаруживъ ему свои намѣренья.

— Не здѣлалъ ли онъ еще какихъ вамъ признаній?

— Я ничего утвердительнаго не слыхалъ отъ него, но по происшедшему между нами полагаю, что любовь его стремится слишкомъ высоко, и онъ не можетъ надѣяться достигнуть желаемаго имъ блага.

— Извѣстно ли вамъ, что дерзновенная его страсть противоборствовала вашимъ собственнымъ желаніямъ?

— Я такъ предполагалъ; но страсть его существовала, прежде нежели возродились во мнѣ желанія, и я долженъ прибавить къ тому, что теперь она переживаетъ ихъ. Постыдно, и безчестно было бы для меня, вымѣщать неудачи свои на томъ, кто нимало не причиненъ въ томъ. Еслибы и предметъ любви его, предпочиталъ его мнѣ, то кто же можетъ сказать, чтобы она не отдавала тѣмъ справедливости Рыцарю, исполненному благородства?

— Но слишкомъ низкаго званія, чтобы соединиться съ отраслью Плантагенетовъ, съ надмѣнностью сказалъ Ричардъ.

— Таковы могутъ быть ваши правила въ Франчистаніи, отвѣчалъ Саладинъ; въ Восточныхъ нашихъ странахъ, стихотворцы наши вѣщаютъ, что вожатый верьблюдовъ, исполненный отважности и мужества, достоинъ облобызать уста прекрасной Королевы, и что робкій Князь не достоинъ прикоснуться къ полѣ ее платья. Но, съ вашего позволенія, знаменитый мой братъ, я долженъ васъ теперь оставить, для принятія Эрцъ-Герцога Австрійскаго и Назарянинскаго этаго Рыцаря, конечно не столько достойныхъ хорошаго пріема, но которымъ я не меньше обязанъ гостепріимствомъ, не изъ уваженія къ нимъ, но для собственной моей чести. Да и что повѣствуетъ Локманъ? »не считай пищу, предложенную тобою чужеземцу, потерянною, потому что она укрѣпляя тѣло его, не меньше доставляетъ пользы и тебѣ, умножая честь твою, и распространяя о тебѣ хорошую молву.«

Сарацинской Монархъ оставилъ Короля Ришарда, и указавъ ему не столько словами, какъ знаками, мѣ

сто гдѣ былъ раскинутъ шатеръ для Королевы съ дамами ея свиты, отправился принимать Маркиза Монфератскаго съ обоими его секундантами, для которыхъ великолѣпный Султанъ приказалъ изготовить шатры, если, не съ равнымъ удовольствіемъ, то покрайности съ равною пышностью. Онъ велѣлъ подать гостямъ своимъ, каждому въ его палаткѣ, прохладительные на восточной и Европейской манерѣ, до такой степени простирая вниманіе свое къ ихъ вкусамъ и привычкамъ, что даже Греческимъ невольникамъ поручено было подавать имъ вино, которое въ великомъ омерзѣніи у Музульманъ.

Ришардъ еще не окончилъ своего обѣда, какъ старый Омрагъ, проводившій къ нему въ Христіанской станъ Султаново письмо, пришелъ представить ему планъ церемоніала, который должно было соблюдать на завтрешній день во время поединка; Король, зная наклонность стариннаго своего знакомца, приглашалъ его выпить съ нимъ Ширазскаго вина; но Абдалла далъ ему почувствовать, хоть и съ видомъ

большаго сожалѣнія, что невоздержаніе его можетъ стоить ему жизни; потому, что Саладинъ хотя и снисходителенъ во многихъ отношеніяхъ, но въ точности наблюдаетъ уставы Пророка, и строго требуетъ, чтобъ ихъ сохраняли.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Ришардъ, если онъ не любитъ вина, этаго напитка, который веселитъ человѣческое сердцѣ, то нельзя надѣяться чтобы онъ обратился въ Христіанскую вѣру, и предсказаніе этаго безумнаго Энгадскаго пустынника, какъ прахъ развѣется по вѣтру.

Потомъ Король углубился въ распоряженіе всѣхъ нужныхъ учрежденій для поединка, что и заняло его на долгое время, тѣмъ больше, что необходимо надобно было сноситься въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ противною стороною и Султаномъ.

Наконецъ все было слажено, и написанъ актъ на Французскомъ и Арабскомъ языкахъ, подписанный Саладиномъ, какъ посредникомъ поединка, а Ришардомъ и Леопольдомъ, какъ поруками сражающихся.

Когда Омрагъ откланивался совсѣмъ Королю, то Воксъ вошелъ въ шатеръ Ришарда.

— Рыцарь, долженствующій назавтра сразиться, сказалъ онъ, спрашиваетъ, позволено ли ему будетъ представиться нынѣшнимъ вечеромъ къ Августѣйшему своему секунданту, для отданія ему должнаго почтенія?

— Видѣлъ ли ты его, Воксъ? спросилъ Король улыбаясь; узналъ ли ты въ немъ стариннаго знакомаго?

— Клянусь Ланеркосткою Богоматерью, Государь, въ здѣшней сторонѣ столько нечаянностей и перемѣнъ, что у меня уже повернулся мозгъ въ головѣ; я съ трудомъ бы узналъ Сиръ Кеннета Шотландскаго, еслибъ не славная его собака, бывшая нѣсколько времяни подъ моимъ надзоромъ, не стала бы ласкаться ко мнѣ; и ее узналъ я только по широкой ея груди, по круглымъ лапамъ и по лаю; потому что и бѣдное это животное такъ было разкрашено и размалевано, какъ Венеціанская красавица.

— Ты знающѣе въ собакахъ, Воксъ, нежели въ людяхъ.

— Я не запираюсь въ томъ, Государь, и часто находилъ, что животныя бываютъ честнѣе человѣческаго рода; къ тому же, Ваше Величество, соблаговоляетѣ иногда причислять меня къ скотамъ, и въ добавокъ, я имѣю честь служить льву, котораго весь свѣтъ признаетъ Царемъ звѣрей.

— Почести, Воксъ, ты хорошо отъигрался; я всегда говорилъ, что въ тебѣ есть частица ума; жаль только, что до него далеко добираться, и если не колотить молотомъ по лбу твоему, то не видать и искры твоего ума. Но обратимся къ дѣлу: храбрый Рыцарь хорошо ли вооруженъ, хорошо ли снаряженъ?

— Благородно и превосходно, Государь; мнѣ совершенно извѣстна его броня; она та самая, что Венеціанской повѣренный предлагалъ Вашему Величеству, передъ вашею болѣзнію, за пять сотъ безансовъ.

— И я ручаюсь, что онъ продалъ ее невѣрному Султану нѣсколькими

червонцами дороже, и на чистыя деньги.

— Молю Бога, чтобы вы, Ваше Величество, были осмотрительнѣе въ словахъ своихъ. Теперь мы оставлены всѣми союзниками, за нанесенныя имъ оскорбленія словами и дѣлами; намъ нѣтъ средства пробраться чрезъ ихъ владѣнія сухимъ путемъ; теперь остается еще поссорится съ этою водяною республикою, чтобы лишиться всей возможности переправиться моремъ.

— Я воздержусь, сказалъ съ нетерпѣніемъ Ришардъ; но избавь меня отъ своихъ наставленій. Скажи мнѣ лучше, потому что это нужнѣе, естьли духовникъ у Рыцаря?

— Есть, отвѣчалъ Воксъ; Энгадской пустынникъ, исповѣдовавшій его, когда онъ готовился къ казни, привлеченный сюда поединкомъ, теперь при немъ.

—Хорошо, сказалъ Ришардъ. Что же касается до прозьбы Рыцаря, то скажи ему, что Ришардъ приметъ его, когда онъ исполнитъ долгъ свой у пустыннаго Алмаза, въ заглажденіе вины его, учиненной имъ на горѣ

Святаго Георгія; идучи же лагеремъ, предъувѣдомь Королеву, что я скоро приду къ ней въ шатеръ, и вели Блонделю туда притти ко мнѣ.

Воксъ отправился, и чрезъ часъ потомъ, Ришардъ окутавшись въ длинную епанчу, и съ гитерною (1) направилъ путь свой къ шатру Королевы. Онъ встрѣтилъ многихъ Араповъ, но всѣ они потупляли глаза, отворачиваясь отъ него, хотя онъ и примѣчалъ, что по удаленіи его, они обертывались, глядя ему въ слѣдъ, чтобъ внимательнѣе разсмотрѣть его, изъ чего и заключалъ онъ, что онъ былъ извѣстенъ имъ, но Султанскія повелѣнія, или Восточная ихъ вѣжливость, запрещали имъ дѣлать видъ, что они узнаютъ Государя, когда онъ желалъ не быть узнанъ.

Когда Ришардъ приближился къ Королевину шатру, то увидѣлъ, что оный обрегаемъ былъ стражею, составленною изъ жалкихъ этихъ созданій, опредѣляемыхъ Восточною ревностію для охраненія зенана.

(1) Родъ арфы или гитары.

Блондель расхаживалъ предъ входомъ, играя по времянамъ на своей бандорѣ, а слушавшіе его Африканцы радостно оскаляли зубы свои, били такту съ разными кривляніями, подпѣвая ему дикими, рѣзкими голосами.

— Что ты здѣсь дѣлаешъ съ этимъ чернымъ стадомъ скотины, Блондель, спросилъ его Ришардъ? Для чего нейдешъ ты въ шатеръ?

— Для того, отвѣчалъ Блондель, что въ моемъ ремеслѣ неминуемо нужны голова и пальцы, Государь; эти нѣгодяи грозились изрубить меня въ куски, если я осмѣлюсь покуситься войти туда.

— Такъ иди же за мной, возразилъ Король, я буду твоею обороною.

Черные преклонили палаши свои и копья предъ Ришардомъ, опустивъ глаза въ землю, какъ бы недостойные возрѣть на него. Во внутренности шатра они нашли Вокса съ Королевою. Тогда какъ Беренжера принимая Блонделя, просила его пѣть, Ришардъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ сказать нѣ-

сколько словъ особо прелестной своей родственницѣ.

— Все ли мы еще съ вами враги, прекрасная Эдифь, спросилъ онъ ее въ полголоса.

— Нѣтъ, Государь, отвѣчала Эдифь довольно тихо, чтобы не перерывать музыки, никто не можетъ быть врагомъ Короля Ришарда, когда онъ становится тѣмъ, что онъ есть, равно благороденъ и великодушенъ, какъ храбръ и преисполненъ чести.

Говоря такимъ образомъ, она протянула ему руку, и Ришардъ поцѣловалъ ее въ знакъ примиренія.

— Вы полагаете, прекрасная сестрица, продолжалъ онъ, что гнѣвъ мой былъ притворенъ въ этомъ случаѣ, и жестоко ошибаетесь. Произнесенный мною приговоръ противъ этаго Рыцаря былъ правосуденъ; потому, что какъ бы ни велико было обольщеніе, соблазнившее его, онъ измѣнилъ моей довѣренности къ нему. Но статься можетъ, я не меньше вашего радъ, что завтрешній день представляетъ ему средство возстановить честь свою, предавая

посрамленію, которому онъ не надолго подвергался, настоящаго измѣнника. Такъ, прекрасная сестрица, потомство можетъ обвинять Ришарда въ глупой запальчивости, но оно скажетъ, что Ришардъ наказывалъ сообразуясь съ правосудіемъ, когда было должно, и миловалъ, когда могъ.

— Не прославляйте такимъ образомъ самаго себя, Государь мой братъ, оно можетъ назвать ваше правосудіе жестокостью, а милость своенравіемъ.

— И не гордитесь прежде времяни, прекрасная сестрица; вашъ Рыцарь только еще готовится къ бою, а не возвращается съ побѣдой. Конрадъ Монтфератской почитается искуснѣйшимъ копьеносцемъ; что скажете вы, если Шотландецъ будетъ побѣжденъ.

—Не возможно, съ гордостію отвѣчала Эдифь. Я видѣла собственными своими глазами, какъ Конрадъ затрепеталъ, измѣнился въ лицѣ, какъ гнуснѣйшій преступникъ. Онъ виновенъ, и судебный поединокъ взываетъ къ Божескому правосудію.

Я сама въ такомъ случаѣ выступила бы безробостно съ нимъ въ бой.

— Клянусь душею, я тому вѣрю, и даже увѣренъ, что ты бы побѣдила его; потому, что ты истинная Плантагенетъ, и едва ли есть тебѣ подобныя.

Онъ на минуту умолкъ, прибавивъ потомъ важнымъ голосомъ:

— Постарайтесь не забыть, чѣмъ вы обязаны вашему знаменитому роду.

— Что значитъ это предостереженіе, въ теперешнюю минуту и съ такимъ важнымъ видомъ? спросила Эдифь. Развѣ вы видали меня когда легкомысленною или не основательною, чтобы полагать, чтобъ я когда могла забыть знаменитое свое званіе и родъ мой?

— Я изъяснюсь прямо, Эдифь, и буду говорить съ вами какъ другъ. Что будетъ для васъ этотъ Рыцарь, если онъ останется побѣдителемъ?

— Для меня! повторила Эдифь, покраснѣвъ отъ стыда и нѣгодова-

нія; чѣмъ онъ можетъ быть для меня, какъ не достопочтеннымъ Рыцаремъ, достойнымъ всѣхъ милостей и уваженія самой Королевы Беренжеры, еслибъ она была избраннымъ его предметомъ, а не другая, меньше ее достойная? Послѣдній изъ Рыцарей можетъ посвятить услуги свои Императрицѣ; но слава его выбора, прибавила она съ гордостью, должна служить ему наградою.

— И однакожъ, онъ служилъ вамъ ревностно, и много пострадалъ за васъ.

— Я платила за услуги его почестьми и рукоплесканіями, а за страданіе его слезами. Если онъ желалъ другой награды, то избралъ бы себѣ другую, равнаго съ нимъ состоянія.

— И такъ, вы не надѣли бы для него окровавленнаго шлафора?

— Равно какъ и не потребовала бы отъ него такой безразсудной жертвы, не приносящей имъ обоимъ ни малой чести.

— Такъ всегда говорятъ молодыя дѣвушки; но когда предпочитаемый

ими, станетъ настоятельно искать руки ихъ, то онѣ тогда скажутъ вздыхая, что не могли противиться судьбѣ своей, и влiянiю планетъ.

— Вотъ уже вдругорядь, Ваше Величество, угрожаете мнѣ судьбою. Повѣрьте мнѣ, Государь, что какъ бы ни велико было влiянiе планетъ, бѣдная родственница ваша никогда не выдетъ за мужъ ни за Музульманина, ни за ничтожнаго человѣка. Но позвольте мнѣ слушать пѣнiе Блонделя; и признательно сказать, оно прiятнѣе для меня вашихъ важныхъ предостереженiй.

Объ остальномъ вечерѣ не стоитъ и разсказывать, какъ онъ прошелъ.

КНИГА IX.

„Слышите ли, какъ шумно идетъ битва,
Какъ сверкаютъ мечи воиновъ, какъ ихъ кони ржутъ?“
Грай.

Было условлено, по причинѣ жаркаго климата, чтобы судебный поединокъ, для котораго съѣхалось

столько различныхъ народовъ къ источнику пустынной Алмазъ, начался черезъ часъ по возхожденіи солнца. Ристалище, усыпанное пескомъ, пріуготовленное подъ надзоромъ Рыцаря Барса, было расположено на шестидесяти саженяхъ въ длину и на двадцати въ ширину, простираясь отъ сѣвера къ югу, такъ чтобы лучи восходящаго солнца, равно ударяли на обоихъ сопротивниковъ. Близь загородки, внутри которой вмѣщалось пространное это ристалище, на западъ, воздвигнутъ былъ тронъ Саладина, противъ самаго центра предполагаемой встрѣчи ратоборцевъ. Насупротивъ его, сооружена была галлерея, за рѣшеткою, здѣланною такимъ образомъ, чтобы сидящія въ ней дамы, для которыхъ она назначалась, могли видѣть сраженіе, не бывъ ни кѣмъ видимы. На каждомъ концѣ ристалища стояла рогатка, откидывающіяся и закидывающаяся по произволу. Также пріуготовлены были троны для Англійскаго Короля и Эрцъ-Герцога Австрійскаго; но Леопольдъ, видя, что назначенный ему, былъ

гораздо ниже Ришардова, не захотѣлъ сидѣть на немъ; и Львиное-Сердце, который скорѣе рѣшился бы на всѣ уступки, нежели изъ пустыхъ приличій отмѣнить или отсрочить поединокъ, тотчасъ согласился, чтобы въ продолженіи всей битвы, секундантамъ пробыть верхами. На одномъ концѣ ристалища помѣщалась вся Ришардова свита; на другомъ Маркиза Монтфератскаго. Вкругъ трона, назначеннаго для Султана, была разставлена стража изъ Черкескихъ и Грузинскихъ тѣлохранителей. Остальное пространство наполнялось Музульманскими и Христіанскими зрителями.

Еще до утренней зари, ристалище было окружено гораздо многочисленнѣйшимъ войскомъ Сарацинъ, нежели видѣннымъ наканунѣ при Саладиновомъ появленіи. При первомъ ударенія солнечныхъ лучей по степи, раздался звонкой голосъ самаго Саладина, воскликнувшаго: — На молитву! на молитву! и повторялось всѣми, кто по званію своему, степени и усердію, въ правѣ были выполнять должность Мюезинсовъ. На-

кое величественное зрѣлище представляло все Саладиново воинство, простершееся въ одно мгновеніе ницъ на землю, обращаясь лицемъ къ Меккѣ! При вставаніи ихъ, по видимому подтверждалось сомнѣніе Фомы Вокса, когда озарявшее солнце освѣтило копья Аравовъ, которые, бывъ вчерашняго вечера безъ остріевъ, сверкали желѣзомъ и сталью. Воксъ не замедлилъ устремить на то вниманіе Ришарда, отвѣчавшаго ему съ нетерпѣніемъ, что онъ никакъ не заставитъ его сомнѣваться въ искренности Саладина, и что если онъ подозрѣваетъ или боится, то воленъ удалиться.

Вскорѣ потомъ раздался звукъ цимбалъ съ литаврами, и въ тоже мгновеніе всѣ Сарацинскіе всадники соскочивъ съ лошадей, простерлись ницъ, какъ бы для вторичной молитвы: но они это здѣлали, чтобы пропустить Королеву, Эдифь и слѣдующихъ за ними дамъ отъ шатра къ назначенной имъ галлерѣе. Ихъ сопровождали пятьдесятъ стражей Султанскаго сераля, съ обнаженными палашами въ рукахъ, которымъ

повелѣно было изрубить въ куски, Принцъ ли, простолюдинъ ли, кто-бы то ни былъ, если осмѣлится бросить взглядъ на дамъ во время ихъ шествія, или поднять голову, покуда цимбалы и литавры не умолкнутъ: по этому-то знаку извѣстились, что онѣ вошли въ галлерею, и скрылись отъ любопытныхъ взоровъ.

Это суевѣрное почтеніе, воздаваемое восточными народами прекрасному полу, не избѣгло критическихъ замѣчаній Королевы Беренжеры, ни мало не относясь къ похвалѣ или чести Султана и его земли: но ихъ берлога, какъ прозвала прекрасная Королева назначенную ей галлерею, бывъ заперта и окружена стражею, то и должно было ограничиться удовольствіемъ видѣть все происходящее, лишась пріятнѣйшаго, быть видимою.

Между тѣмъ, секунданты, по долгу своему, осмотрѣли обоихъ ратоборцевъ, приличнымъ ли образомъ они вооружены, и хорошо ли приготовились къ битвѣ. Эрцъ-Герцогъ не слишкомъ заботился о томъ, провѣдя наканунѣ весь вечеръ въ пьянствѣ,

больше обыкновеннаго упиваясь Ширатскимъ виномъ: но Гросъ-Мейстеръ Тампліеровъ, гораздо больше принимавшій участія въ успѣхѣ поединка, рано по утру явился въ шатру Маркиза Монтфератскаго. Къ величайшему его удивленію ему отказали у входа.

—Развѣ ты не знаешъ меня, шутъ? спросилъ раздраженный Гросъ-Мейстеръ.

— Извините, храбрый и достопочтенный Гросъ-Мейстеръ, отвѣчалъ Конрадовъ щитоносецъ; даже и васъ самихъ не приказано впускать. Господинъ мой готовится исповѣдываться.

—Исповѣдаться! вскричалъ Гросъ-Мейстеръ голосомъ, означавшимъ удивленіе и боязнь; кому же?

— Мнѣ не приказано сказывать, отвѣчалъ щитоносецъ. Но Гросъ-Мейстеръ оттолкнувъ его съ сердцемъ, вошелъ въ шатеръ.

Онъ нашелъ Маркиза Монтфератскаго, стоящаго на колѣняхъ передъ Энгадскимъ пустынникомъ, начинающаго исповѣдываться.

— Что это значитъ, Маркизъ? вскричалъ Гросъ-Мейстеръ. Фуй! встаньте, встаньте; если вамъ нужно исповѣдаться, то развѣ вы не могли призвать меня?

— Я и такъ уже слишкомъ много разъ вамъ исповѣдывался, отвѣчалъ Конрадъ, и оставьте меня очистить совѣсть мою передъ этимъ святымъ мужемъ.

— А развѣ онъ святѣе меня? сказалъ Гросъ-Мейстеръ. Пустынникъ, пророкъ, безумный, скажи мнѣ, если смѣешъ, чѣмъ ты святѣе меня?

— Дерзкой и развращенной человѣкъ, возразилъ пустынникъ, познай, что я раштеръ, сквозь который проникаетъ лучь съ небесъ, хотя самъ и не могу имъ пользоваться; а ты, желѣзный ставень, который заслоняешъ свѣтъ и самъ не принимаешъ его.

— Окончи свое болтанье, и сію же минуту выдь отсюда! вскричалъ Гросъ-Мейстеръ. Маркизъ не будетъ исповѣдываться нынѣшнимъ утромъ, развѣ одному только мнѣ, потому что я ни на минуту не покину его.

— Желаете ли вы, чтобы я удалился? спросилЪ пустынникЪ Конрада; я не послушаюсь надмѢннаго этаго человѢка, если вы хоть мало пожелаете прибѢгнуть кЪ духовной моей помощи.

— Увы! отвѢчалЪ МаркизЪ вЪ нерѢшимости, я самЪ не знаю, что сказать вамЪ! удалитесь на минуту; мы увидимся сЪ вами попозднѢе.

—О пагубный человѢческой обычай, всегда отлагать до завтра то, что должны бы вЪ то же мгновенiе исполнить, ты, душегубецЪ ихЪ! вскричалЪ пустынникЪ. Прости, нещастный, не на теперешнюю минуту, но до тѢхЪ порЪ, какЪ мы сойдемся оба, гдѢ бы то ни было. Что же касается до тебя, прибавилЪ онЪ, оборотясь кЪ ГросЪ-Мейстеру, то трепещи!

— МнѢ трепетать! повторилЪ ТамплiерЪ презрительно, я не могу, хотя бы и хотѢлЪ.

ПустынникЪ не слыхалЪ его отвѢта, вышедЪ уже изЪ шатра.

— Ну, сказалЪ ГросЪ-МейстерЪ, кайся скорѢй, если тебѢ этаго хо-

чется; но, послушай, кажется мнѣ извѣстны всѣ твои грѣхи, то не лучше ли это оставить, чтобы не заходить въ даль; и такъ я разрѣшу и прощу тебя. Къ чѣму исчислять всѣ пятна на рукахъ, когда приступают къ омовенію ихъ.

— Судя по себѣ, сказалъ Конрадъ, ты ругаешься святынею, обѣщая другимъ разрѣшеніе грѣховъ.

— Ты переступаешь церковный уставъ, Маркизъ, отвѣчалъ Гросъ-Мейстеръ. *Маловѣре, почто усумнишеся?* Разрѣшеніе грѣшнаго священника также дѣйствительно, какъ и святаго отца; а иначе чтобы было съ бѣдными кающимися! какому раненому придетъ въ голову хлопотать, чисты ли руки у лѣкаря, который осматриваетъ раны его? Что же, прикажешь ли произнесть досточтимый уставъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Конрадъ, я лучше соглашусь умереть безъ исповѣди, нежели осквернять таинство.

— И такъ, благородный Маркизъ, возбудите ваше мужество, и прекратите этотъ разговоръ. Черезъ

часъ вы одержите верьхъ на ристалищѣ, если исповѣдуетесь подъ шлемомъ, какъ храбрый Рыцарь.

— Увы! Гросъ-Мейстеръ, я ничего не предвижу хорошаго въ этомъ дѣлѣ. Чутье этой гончей собаки, узнавшей меня такъ неожиданно; этотъ Шотландскій Рыцарь, вдругъ явившійся на ристалищѣ, какъ привидѣніе, все это служитъ мнѣ дурнымъ предзнаменованіемъ.

— Какая глупость! я видѣлъ тебя въ битвѣ съ нимъ на копьяхъ, и вы сражались съ равнымъ успѣхомъ. Вообрази, что это простое ратоборство; и кто же могъ когда сравниться съ тобою въ ристалищѣ? Щитоносцы, ступайте, войдите сюда! пора уже господину вашему вооружаться на битву.

Щитоносцы вошедъ, начали вооружать Маркиза.

— Какова у насъ нынче погода? спросилъ Конрадъ.

— Солнце взошло изъ за-облака, отвѣчалъ одинъ изъ щитоносцевъ.

—Вы видите, какъ все не благопріятствуетъ намъ, сказалъ Маркизъ Гросъ-Мейстеру.

— Тебѣ же прохладнѣе будетъ сражаться въ тѣни, мой сынъ, отвѣчалъ Тампліеръ; благодари небо, что оно для пользы твоей умѣрило жаръ знойнаго солнца Палестины.

Такъ шутилъ Гросъ-Мейстеръ; но забавные его шутки не имѣли уже прежняго дѣйствія надъ разумомъ Маркиза Монтфератскаго; и не смотря на всѣ усилія его сохранить свою веселость, мрачныя предчувствія Маркиза нечувствительно перешли и къ Тампліеру.

— Этотъ трусъ, думалъ онъ, дастся побѣдить себя, почитая малодушіе и робость свою грызеніями совѣсти. Меня не устрашатъ ни предзнаменованія, ни привидѣнія, я твердъ въ своихъ намѣреніяхъ какъ кремнистая скала; я бы долженъ представиться самъ къ поединку. Даруй небо, чтобъ Шотландецъ положилъ его на мѣстѣ! Какъ хорошо бы это было, еслибъ онъ умеръ одержавъ побѣду. Но что бы ни случилось, у него не будетъ другаго духовника опричь меня. Называемое имъ нашими грѣхами, обоюдно, и

онѣ каясь вѣ своихѣ грѣхахѣ, исповѣдуетѣ и мои.

Тѣмѣ временемѣ, какѣ эти мысли слѣдовали вѣ головѣ его одна за другою, онѣ продолжалѣ помогать Маркизу вооружаться молча.

Наконецѣ наступилѣ назначенный часѣ; трубы заиграли, и оба Рыцаря выступили на поприще, вооруженные сѣ головы до ногѣ, на прекраснѣйшихѣ лошадяхѣ, какѣ ратоборцы, вступающіе вѣ битву за честь Государства. Сѣ поднятымѣ забраломѣ показались они зрителямѣ, три раза объѣхавѣ кругомѣ по усыпанной пескомѣ площадкѣ. Оба были стройны, исполнены благородства; но на челѣ Шотландца изображалась мужественная довѣренность, радостная надежда, тогда какѣ Монтфератѣ, подстрекаемый гордостью, тщетно усиливаясь возбудить врожденную храбрость свою, казалось былѣ удрученѣ уныніемѣ и непріязненными предчувствіями. Даже самый конь его, повидимому выступалѣ медленнѣе и тороплѣвѣе противѣ обыкновеннаго, при звукѣ трубѣ, нежели славная Арабская

лошадь, на которой ѣхалъ Сиръ Кеннетъ.

Шпрюлъ - Шпрехеръ кивалъ головою видя, что тогда, какъ Шотландской Рыцарь объѣзжалъ кругомъ ристалище по теченію солнца, то есть съ лѣвой стороны на правую, Конрадъ дѣлалъ тоже *наизворотъ*, то есть съ лѣвой стороны на правую, что почиталось дурнымъ предзнаменованіемъ во многихъ земляхъ.

Подъ галлереею, занимаемою Королевою, воздвигнутъ былъ олтарь, подлѣ котораго стоялъ Энгадской пустынникъ, въ монашеской одеждѣ своего ордена, то есть въ Кармелитскомъ клабукѣ, и нѣсколько другихъ духовныхъ особъ. Секунданты обѣихъ ратоборцевъ подводили къ олтарю одного за другимъ. Тутъ, сошедъ съ лошади, каждый изъ Рыцарей подтвердилъ правоту своего дѣла торжественною присягою на Евангеліи, моля Бога даровать побѣду въ битвѣ, сообразно правдивой или лживой клятвѣ, ими произнесенной. Они также поклялись сразиться какъ добросовѣстные Рыцари, обыкновенными оружіями, не упо-

требляя въ битвѣ ни колдовства, ни очарованій, ни талисмановъ для одержанія побѣды. Сиръ Кеннетъ присягнулъ твердымъ и громкимъ голосомъ, съ веселымъ и отважнымъ видомъ. По окончаніи означеннаго обряда, онъ поднялъ глаза на галлерею, и низко поклонился, какъ бы воздавая почтеніе невидимымъ красавицамъ, въ ней находившимся. Потомъ, хотя и обремененный тягостнымъ своимъ вооруженіемъ, проворно вскочилъ на своего коня, безъ помощи стремянъ, и повернувъ его, поскакалъ до мѣста своего, отстоящаго на другомъ концѣ ристалища. Конрадъ также представился въ очередь свою, подступивъ съ довольною отважностью къ олтарю, но произнесъ клятву свою глухимъ и прерывающимся голосомъ. Когда онъ молилъ небо даровать побѣду правой сторонѣ, то губы его помертвѣли, произнося клятвопреступную мольбу. Когда онъ повернулся, чтобы сѣсть на лошадь, то Гросъ-Мейстеръ подошедъ къ нему, какъ бы оправить нагрудникъ его, сказалъ ему на ухо: — Дуракъ! трусъ! опом-

нись, збери разсудокЪ свой, и старайся биться храбро; а иначе, клянусь небомЪ, если ты ускользнешЪ отЪ него, то не ускользнешЪ отЪ меня.

Дикой голосЪ, сЪ какимЪ ГросЪ-МейстерЪ произнесЪ эти слова, статься можетЪ, довершилЪ смятеніе Маркиза, потому, что садясь на лошадь, вЪ ту же минуту онЪ обступился; однакожЪ онЪ тотчасЪ оправился, и сЪ величайшею ловкостью поскакалЪ на свое мѣсто, вЪ другой край ристалища. Но и этотЪ случай не ускользнулЪ отЪ вниманія тѣхЪ, которые замѣчаютЪ предвѣщательные знаки, чтобы предсказать послѣдствіе битвы.

Священники, послѣ торжественной молитвы, чтобы БогЪ даровалЪ побѣду правой сторонѣ, сошли сЪ площадки. Англійскія трубы прозвучали радостныя привѣтствія, и герольдЪ выступая подлѣ Гисландскаго Рыцаря, провозгласилЪ громкимЪ голосомЪ:

— ВотЪ надежный Рыцарь, СирЪ КеннетЪ Шотландской, ратоборецЪ Ришарда, Короля Англійскаго, обви-

няющій Конрада, Маркиза Монтферратскаго, въ гнусной и безчестной измѣнѣ противъ имянитаго Короля.

Когда слова *Кеннетъ Шотландской* означили, кто былъ ратоборецъ, вступившій на поприщѣ, котораго вообще имя не извѣстно было присутствующимъ, то громкія и радостныя восклицанія раздались съ той стороны, гдѣ помѣщалась Ришардова свита, и хотя неоднократно повторены были приказанія къ соблюденію порядка и тишины, но ими почти заглушился отвѣтъ Маркиза Монтферратскаго. Вѣроятно, что онъ утверждалъ въ своей невинности, обѣявляя, что готовъ доказать это битвою, подвергаясь всѣмъ опасностямъ. Тогда щитоносцы ратоборцевъ подступили къ господамъ своимъ, подали имъ копья ихъ, подвязали имъ вкругъ шеи щиты ихъ, чтобы обѣ руки ихъ могли свободно дѣйствовать, одна для держанія узды, другая для управленія копьемъ.

На щитѣ Шотландскаго рыцаря былъ изображенъ обыкновенный

гербъ его, Барсъ; но онъ прибавилъ къ тому ожерелье и перерванную цѣпь, въ ознаменованіе его плѣна. На щитѣ Маркиза изображалась крутая гора, напоминавшая его титло *Монте Серрато*. Каждый изъ нихъ потрясъ копьемъ своимъ, какъ бы извѣдывая тяжесть и силу его, опустивъ его потомъ. Секунданты, герольды и щитоносцы отсторонились, ставъ поодаль другъ противъ друга, направивъ копья свои, опустивъ забрало у шишаковъ; покрытые съ головы до ногъ своимъ вооруженіемъ, они походили больше на желѣзныхъ статуй, нежели на живыхъ людей. Молчаливое ожиданіе здѣлалось всеобщимъ; дыханіе спиралось у всѣхъ въ груди, все притихло, и только слышалось ржаніе, топотъ лошадиной обоихъ всадниковъ, которые какъ бы предвидя, что послѣдуетъ, порывались на поприще.

Такимъ образомъ пробыли минуты съ три ратоборцы. Потомъ при данномъ знакѣ Султана, тысячи музыкальныхъ инструментовъ зазвучали въ воздухѣ, и оба Рыцаря

тронувъ повода, пришпоривъ коней своихъ, пустились во весь опоръ, съѣхавшись на срединѣ поприща; ударъ ихъ подобился громовому. Побѣда была несомнѣнна, и въ одну минуту рѣшена. Правда, что Конрадъ, какъ искусный воинъ, направилъ съ такою ловкостію копье свое, и такъ сильно, что ударясь о шлемъ сопротивника, оно раздробилось въ мѣлкіе куски до самаго нарукавника. Лошадь Сиръ Кеннета попятясь на два или на три шага назадъ, упала на заднія ноги, но сѣдокъ ея легко справилъ ее, сжавъ возжи. Конрадова участь совсѣмъ была инакова: копье Шотландскаго Рыцаря пробивъ его щитъ, стальную Миланскую бляху, служившую ему нагрудникомъ, и надѣтыя подъ исподъ кольчуги, глубоко вонзилось ему въ грудь, сбивъ его съ лошади, и переломясь оставило обломокъ въ ранѣ.

Секунданты, герольды и самъ Саладинъ сошедъ съ своего трона, поспѣшили къ раненому, тогда какъ Сиръ Кеннетъ, обнаживъ мечь свой, прежде нежели успѣлъ замѣтить, что сопротивникъ его не въ силахъ

былѣ защищаться, приступилѣ кѣ нему, требуя, чтобы онѣ признался вѣ своемѣ преступленіи. Поспѣшно подняли его забрало, и Конрадѣ сѣ изступленнымѣ взоромѣ, обращая глаза кѣ небу, отвѣчалѣ:— чего вамѣ больше? Богѣ правосудно покаралѣ виновнаго; я преступникѣ; но есть вѣ станѣ измѣнникѣ преступнѣе меня. Изѣ сострâданія кѣ Христіанской душѣ, дайте мнѣ духовника!

— Талисманѣ, всемогущее лѣкарство, братѣ мой, сказалѣ Ришардѣ Саладину.

— Измѣнникѣ скорѣе заслуживаетѣ, отвѣчалѣ Султанѣ, чтобы его стащили за ноги сѣ поприща на висѣлицу, нежели пользоваться дѣйствіемѣ этаго Талисмана. И я вижу по выраженію лица его, что-то предвѣщающее подобную участь, прибавилѣ онѣ, посмотрѣвѣ пристально на раненаго; потому, что рана его хоть и можетѣ заживиться, но печать Азраеля на челѣ этаго негодяя.

— Совсѣмѣ тѣмѣ, я прошу васѣ, братѣ мой, сказалѣ Ришардѣ, оказать ему возможную помощь, чтобы

онѣ могѣ покрайности исповѣдаться. Не надобно убивать души вмѣстѣ сѣ тѣломѣ.

— Желанія моего брата будутѣ исполнены, отвѣчалѣ Саладинѣ. Невольники, отнесите раненаго вѣ мой шатерѣ.

— Не приступайтесь, вскричалѣ Гросѣ-Мейстерѣ, сѣ мрачнымѣ видомѣ, бывшій безмолвнымѣ свидѣтелемѣ всего происходившаго; Эрцѣ-Герцогѣ Австрійской и я, мы не потерпимѣ, чтобы злополучный этотѣ Христіанской Владѣтель былѣ преданѣ вѣ руки Сарацинѣ, для очарованія его. Мы секунданты его и требуемѣ, чтобы онѣ былѣ ввѣренѣ нашимѣ попеченіямѣ.

— То есть, что вы не допускаете употребить надѣ нимѣ цѣлительнаго средства? сказалѣ Саладинѣ.

— Ни мало, отвѣчалѣ Гросѣ-Мейстерѣ опомнясь; если средства Султана кѣ излѣченію его не беззаконны, то онѣ можетѣ посѣтить больнаго и вѣ моемѣ шатрѣ.

— Не откажись, добрый братѣ мой, говорилѣ Ришардѣ Саладину, не откажись помочь ему, я убѣждаю

тебя, хотя позволеніе на то дано и не слишкомъ благопріятнымъ образомъ. Но теперь займемтесь пріятнѣйшимъ предметомъ. — Трубы, звучите; храбрые Англичане, провозгласите знаменитаго защитника Англіи!

Барабаны, трубы, литавры, кларнеты въ мигъ раздались, и воздухъ огласился шумными восклицаніями, обычными въ Англіи изъ давнихъ времянъ, бывъ сопровождаемы дикими, пронзительными кликами Арабовъ, подобно звукамъ органа посреди завывающей бури. Наконецъ тишина воцарилась.

— Храбрый Рыцарь Барса, сказалъ Львиное-Сердце, ты доказалъ намъ, что Эфіопъ можетъ побѣлѣть, а Барсъ смыть пятна свои, хотя законоискусники и утверждаютъ противное: но я скажу еще больше, когда приведу тебя передъ дамъ, которыя умѣютъ лучше цѣнить о достославныхъ подвигахъ и награждать ихъ.

Рыцарь Барса отвѣчалъ лишь почтительнымъ поклономъ.

— А ты, достопочтенный Саладинѣ, продолжалѣ Ришардѣ, ты долженѣ непремѣнно ихѣ видѣть; будь увѣренѣ, что Англійская Королева почтетѣ за невниманіе, за презрѣніе сѣ твоей стороны, если ты не доставишѣ ей случая, возблагодарить нашего хозяина за великолѣпный, и совершенно Царской пріемѣ его.

Саладинѣ сѣ пріятностію наклонилѣ голову, но отказался отѣ приглашенія.

— Мнѣ надо навѣстить больнаго, сказалѣ онѣ; лѣкарь не можетѣ такѣ точно покинуть своего больнаго, какѣ ратоборецѣ оставить поприще, даже если бы призывали его вѣ мѣсто подобное раю. А сверхѣ того, Король Ришардѣ, знай, что Восточная кровь не такѣ медленно течетѣ какѣ Франчистанская, вѣ присутствіи красоты; что писано о томѣ? «Взорѣ ея какѣ остріе меча пророка, кто осмѣлится противустать ему? Если не хочешѣ истлѣть, то остерегайся ступать на раскаленный уголь, и благоразумный человѣкѣ не растилаетѣ поскони близь пылаю-

щаго факела. Кто покидаетЪ сокровище, говоритЪ мудрецЪ, тотЪ не долженЪ озираться назадЪ.«

РишардЪ, какЪ вѣроятно, уважилЪ причины разборчивости, проистекающей отЪ различія ВосточныхЪ нравовЪ сЪ Европейскими, и не настаивалЪ больше.

— Я надѣюсь, сказалЪ СултанЪ отходя, что вЪ полдень вы всѣ не откажетесь пожаловать на умѣренный пирЪ, вЪ черный шатерЪ верблюжьихЪ кожЪ одного изЪ КурдистанскихЪ военачальниковЪ.

Тоже приглашеніе было здѣлано отЪ имяни его всѣмЪ ХристіанамЪ, которые по званію и чинамЪ удостоивались пира, пріуготовленнаго для Владѣтелей.

— Послушайте! сказалЪ РишардЪ, цимбалы означаютЪ, что Королева и СтатсЪ-дамы ея выходятЪ изЪ галлереи, и посмотрите! всѣ чалмоносцы повергались на землю, какЪ бы АнгелЪ смерти поражалЪ ихЪ; всѣ они простерлись, какЪ-бы взглядЪ Аравлянина могЪ заразить тлѣтворнымЪ воздухомЪ женскія щеки! Время уже итти вЪ шатерЪ Берен-

жеры, поведемте съ торжествомъ побѣдителя. Какъ я сожалѣю о достопочтенномъ Султанѣ, что онъ постигаетъ любовь, какъ постигаютъ ее несмысленныя существа!

Блондель настроивъ свою арфу, запѣлъ воинскую пѣсню, въ ту минуту когда побѣдитель предсталъ передъ Королеву. Онъ вошелъ въ шатеръ, ведомый своими секундантами, Ришардомъ и Фомою Длинный-мечь.

И онъ съ пріятностію преклонилъ колѣно передъ Беренжерою, хотя эта почесть больше воздавалась въ безмолвіи Эдифѣ, сидящей по правую руку Королевы.

—Принимайтесь, сударыни, обезоруживать его, вскричалъ Ришардъ, который любилъ, чтобы выполнялись всѣ рыцарскіе обряды; красота да почтитъ мужество! Сними съ него шпоры, Беренжера; ты хотя и Королева, но должна оказать ему всевозможные знаки своего благоволенія. Развяжи шлемъ его, Эдифь; клянусь этою рукою, ты развяжешъ шлемъ его, хотя бы ты была и самая горделивѣйшая изъ Плантагене-

товъ, и хотя бы онъ былъ самый бѣднѣйшій изъ Рыцарей во вселенной!

Обѣ онѣ повиновались приказаніямъ Ришарда: Беренжера, съ притворнымъ угожденіемъ, какъ бы преисполненная усердія въ выполненіи Королевскихъ желаній; Эдифь, блѣднѣя и краснѣя, медленно и съ неловкостью развязывала, съ помощію Графа Салисбюри, снурки, привязывающіе шлемъ къ нагруднику.

— И кого ожидаете вы видѣть подъ этой желѣзной скорлупой? сказалъ Ришардъ, когда по снятіи шлема обнаружились благородныя черты Сиръ Кеннета; румянецъ игралъ на щекахъ его, все лице оживлялось отъ выдержаннаго имъ сраженія, и испытываемаго имъ волненія въ эту минуту. Какъ вы о томъ думаете, благородные рыцари и прелестныя госпожи?

—Походитъ ли онъ на Нюбійскаго невольника? Имѣетъ ли видъ ничтожнаго и незначущаго воина? нѣтъ, клянусь мечемъ своимъ! но здѣсь оканчиваются различныя его превращенія. Онъ преклонилъ передъ

вами колѣно, бывъ извѣстенъ вамъ только личнымъ своимъ достоинствомъ. Но возстающій теперь, равно знаменитый родомъ своимъ и мужествомъ, есть Давидъ, Графъ Гюнтигдонъ, Шотландскій Принцъ крови.

Раздалось общее восклицаніе отъ изумленія, а у Эдифи выпалъ изъ рукъ держимый ею шлемъ.

— Да, господа, прибавилъ Король, я говорю сущую правду. Вамъ извѣстно, что Шотландія не здержала своего обѣщанія, даннаго намъ, прислать доблестнаго этаго Графа, съ храбрѣйшими и благороднѣйшими его воинами, для вспомоществованія нашего въ завоеваніи Палестины. Благородный этотъ молодой человѣкъ, долженствовавшій предводительствовать Шотландскими крестоносцами, не могъ удержаться, чтобы не участвовать въ Святомъ предпріятіи; онъ присоединился къ намъ въ Сициліи, предводительствуя нѣсколькими вѣрными и преданными служителями, и не многими Шотландцами, незнавшими его. Всѣ повѣренные молодаго Принца, вы-

ключая стараго щитоносца, погибли, и тайна его, слишкомъ вѣрно соблюдаемая, едва не довела меня до пагубнаго поступка; я едва не пресѣкъ корень прекраснѣйшихъ надеждъ Европы. Для чего не объявили вы мнѣ и не открылись, благородный Гюнтингдонъ, когда жизнь ваша подвергалась опасности приговоромъ, произнесеннымъ гнѣвомъ и запальчивостію? Не ужъ ли вы полагали Ришарда способнымъ употребить во зло выгоду свою, имѣя во власти своей наслѣдника Короля, такъ часто бывавшаго моимъ непріятелемъ?

— Я не былъ такъ несправедливъ противъ васъ, Государь, отвѣчалъ Графъ Гюнтингдонъ; но гордость моя не допустила меня объявить себя Шотландскимъ Принцемъ, для спасенія жизни, которую заслуживалъ я лишиться, отлучась отъ моего поста. Къ тому же, я далъ обѣтъ скрываться подъ чужимъ имянемъ до окончанія крестоваго похода, и открылся лишь въ томъ достопочтенному Энгадскому пу-

стыннику, *на случай смерти*, и подъ печатію исповѣди.

— И такъ по знанію этой тайны, сказалъ Ришардъ, достопочтенный этотъ человѣкъ такъ убѣждалъ меня объ отмѣненіи жестокаго моего приговора. Онъ справедливо говорилъ мнѣ, что если онъ вкуситъ смерть, по моему повелѣнію, то я буду готовъ искупить жизнь его цѣною одного изъ членовъ моихъ! Я точно отдалъ бы жизнь свою, чтобъ воскресить его, потому, что могли бы подумать, что Ришардъ воспользовался бѣдственнымъ положеніемъ, до котораго доведенъ былъ наслѣдникъ Шотландскаго Королевства, положась на его великодушіе.

— Но не льзя ли знать, какой странный и счастливый случай, Ваше Величество, наконецъ открылъ вамъ эту тайну? спросила Королева Беренжера.

—Мы получили изъ Англіи письма, отвѣчалъ Ришардъ, изъ которыхъ увидѣли, между прочими непріятными извѣстіями, что Шотландской Король захватилъ троихъ изъ нашихъ знатнѣйшихъ Вельможъ, от-

правившихся на богомолье въ Сентъ-Ниніанъ (1), говоря въ оправданіе свое, что сынъ его, котораго полагалъ онъ съ Тевтоническими рыцарями, сражающимся съ Борюсскими язычниками, точно находится въ нашемъ станѣ и во власти нашей, слѣдственно онъ задерживаетъ ихъ заложниками въ обезпечиваніи Принца. Это-то послужило первымъ лучемъ истины, заставившимъ меня подозрѣвать настоящее званіе Рыцаря Барса; но Воксъ, по возвращеніи своемъ изъ Аскалона, превратилъ подозрѣнія мои въ существенность, приведя обратно съ собою щитоносца Графа Гюндингтонъ; безмозглый этотъ глупецъ прошелъ тридцать миль, чтобы открыть Воксу тайну, которую бы долженъ былъ ввѣрить самому мнѣ.

—Должно извинить престарѣлаго Строгнана, сказалъ Лордъ Гисландъ, онъ зналъ по опыту, что сердце мое понѣжнѣе слывущихъ Плантагенетами.

---

(1) Главное Аббатство близь Стирлинга.

— Твое сердце нѣжнѣе, желѣзная дубина, Кумберландской кремень! вскричалъ Ришардъ. Гдѣ тебѣ равняться съ нами, Плантагенетами, у насъ самые нѣжные сердца; не правда ли Эдифь? прибавилъ онъ, бросивъ на нее выразительный взглядъ, отъ котораго она покраснѣла. Дайте мнѣ руку, прелѣстная сестрица; и вы, Шотландской Принцъ, дайте мнѣ также вашу руку.

— Остерегитесь, Государь, сказала Эдифь, отступивъ, и стараясь скрыть свое смущеніе подъ видомъ шутки, на щетъ легковѣрности Ришарда, вспомните что рука моя должна была служить для обращенія въ Христіанскую вѣру Сарацинъ и Аравовъ, Саладина и всѣхъ чалмоносцевъ.

— Да, отвѣчалъ Ришардъ, но вѣтеръ пророчества перемѣнился, онъ дуетъ теперь съ противной стороны.

— Не смѣйтесь, опасаясь, чтобы узы ваши не были крѣпчѣ связаны, сказалъ выступивъ Энгадской Пустынникъ, стоявшій въ углу шатра;

небесныя свѣтила начертываютъ лишъ истинну въ блистательныхъ своихъ предзнаменованіяхъ. Познай, что въ ту ночь, когда Саладинъ и Кеннетъ Шотландской провели въ моей пещерѣ, я предузналъ по планетамъ, что подъ смиреннымъ моимъ кровомъ находится Принцъ, природный врагъ Ришарда, съ которымъ должна быть соединена Эдифь Плантагенетъ. Могъ ли я усумниться, чтобы это не былъ Султанъ, котораго званіе мнѣ было извѣстно, потому что онъ нѣсколько разъ посѣщалъ мою келью, чтобъ объясниться со мною на щетъ предзнаменованія небесныхъ свѣтилъ. Я также предузналъ, что этотъ Принцъ, супругъ Эдифи Плантагенетъ, будетъ Христіанинъ. И я, слабый и непросвѣщенный истолкователь судебъ, я заключилъ изъ того обращеніе въ Христіанство благороднаго Саладина, котораго хорошія качества казалось часто обращали къ истинной вѣрѣ. Чувство моего невѣденія повергаетъ меня во прахъ униженія, но въ немъ же почерпаю я и утѣшеніе. Я не могъ проникнуть участи

постороннихъ людей; то кто увѣритъ меня, что я хорошо постигъ собственную свою? Богу не угодно, чтобъ мы проникали въ тайные Его промыслы, и чтобы старались изъискивать сокровенныя таинства. Мы должны ожидать его произвола въ молитвахъ и бдѣніи, со страхомъ и надеждою. Я появился въ здѣшнихъ мѣстахъ горделивымъ пророкомъ, кичась могуществомъ своимъ предузнавать будущее, полагая себя способнымъ наставлять Властителей, руководствовать ими, и даже одареннымъ сверхъ-естественною властію; но удрученный тягостнымъ бремянемъ, которое воображалъ я, могъ сносить одинъ я. Теперь связующія меня узы расторгнуты; я удаляюсь, посрамленный, униженный моимъ невѣденіемъ, кающимся, но неотчаявающимся.

Произнеся эти слова, онъ вышелъ изъ шатра, и увѣряютъ, что съ того времяни изступленіе его стало становиться рѣже, что покаяніе его умягчилось, бывъ сопровождаемо надеждою. Столько себялюбія заключается въ самомъ безумствѣ,

что мысль о ложномъ предсказаніи, утвержденномъ съ такою самонадѣянностію, послужила ему вмѣсто кровопусканія, для облегченія воспаленія его въ мозгу.

Не нужно подробнѣе разсказывать о происходившемъ въ шатрѣ Королевы, и дознаваться, Давыдъ Графъ Гюнтилгдонской все ли также былъ безмолвенъ въ присутствіи Эдифи Плантагенетъ, какъ и въ то время, когда онъ принужденъ былъ представлять изъ себя неизвѣстнаго и ничтожнаго побродягу. Можно догадаться, что тогда изъяснилъ онъ въ самыхъ пылкихъ и приличныхъ выраженіяхъ страсть свою, не находя прежде часто словъ для изъявленія ея.

Полуденный часъ наступалъ, и Саладинъ ожидалъ Христіанскихъ Владѣтелей подъ шатромъ, одинакой величины съ солдатскими палатками Курдовъ и Арабовъ. Подъ обширнымъ его наметомъ былъ приготовленъ роскошнѣйшій пиръ, на Восточный манеръ, на богатыхъ коврахъ, разостланыхъ по полу, окруженныхъ подушками для гостей.

Мы не станемъ распространяться въ подробныхъ описаніяхъ золотой и серебренной парчи, превосходномъ шитье арабесковъ, кашемирскихъ шалей, и Индѣйскихъ тончайшихъ кисей, украшавшихъ залу, устроенную для пиршества. А еще меньше будемъ говорить о блюдахъ, соусахъ и похлебкахъ съ сарачинскимъ пшеномъ, раскрашеннымъ въ разнообразныхъ видахъ и цвѣтахъ, приготовленныхъ по Восточному обычаю. Цѣлые бараны жареные, пилавы изъ дичи и дворовыхъ птицъ, нагроможденные на большихъ серебреныхъ, золотыхъ и фарфоровыхъ блюдахъ, разставленные между огромныхъ чашъ, наполненныхъ шербетомъ, прохлажденномъ во льду, доставляемомъ изъ ущелій Ливанскихъ горъ.

Богатѣйшія подушки наложенныя одна на другую, по конецъ стола, въ парадномъ мѣстѣ, казалось назначались для самаго Султана, и тѣхъ изъ гостей его, которыхъ онъ желалъ отличнѣе угостить. Выше къ намету шатра, вокругъ залы, особенно же надъ почетнымъ мѣстомъ, были развѣшены знамена и штан-

дарты, знаки побѣдь, одержанныхь Саладиномь вь сраженіяхь, и завоеванныхь имь Государствь. Замѣчательнѣе изь нихь было знамя смерти; оно состояло изь длиннаго куска чернаго сукна, прикрѣпленнаго кь длинному копью, сь слѣдующею надписью: САЛАДИНЪ, ЦАРЬ ЦАРЕЙ; САЛАДИНЪ, ПОБѢДИТЕЛЬ ПОБѢДИТЕЛЕЙ; САЛАДИНЪ ДОЛЖЕНЪ УМЕРЕТЬ! Посреди всѣхь приготовленій, невольники, приготовлявшіе пирь, стояли кругомь, опустивь голову внизь, сложа руки крестомь, какь мраморныя статуи, или куклы на пружинѣ, вь ожиданіи чтобы тронулась машина, и привела ихь вь движеніе.

Султань, какь и большая часть людей, не избѣгнуль суевѣрія; вь ожиданіи прибытія гостей своихь, онь разсматриваль ороскопь свой, сь прибавленіемь истолкованія, которое Энгадской пустынникь велѣль доставить ему, отправясь изь лагеря.

— Таинственная и странная наука, говориль онь самь вь себѣ! подымая завѣсу, скрывающую оть нась будущее, она заблуждаеть тѣхь,

кто ввѣряется ей, и потемнлетъ зрѣлище вмѣсто того, чтобы озарить его свѣтомъ истины. Кто бы могъ подумать, что не я этотъ опасный Ришардовъ непріятель, предназначенный женихъ родственницѣ его, съ которою бракъ долженствовалъ прекратить вражду обоихъ народовъ? Однакоже, теперь мы видимъ, что союзъ храбраго этаго Графа съ этою прелестною дѣвицею, возстановляетъ дружелюбіе между Ришардомъ и Шотландскимъ Королемъ, гораздо опаснѣйшимъ врагомъ его, нежели я самъ; потому, что запертая кошка кругомъ гораздо опаснѣе льва отдаленной степи. — Но, продолжалъ онъ, сочетаніе двухъ планетъ предвѣщало, что супругъ этотъ будетъ Христіанинъ. Христіанинъ! повторилъ онъ минуту спустя; это-то и обнадеживало сумазброднаго фанатика, что я отрѣкусь отъ вѣры моей. Но я, я вѣрный служитель пророка, какъ не образумился я, отъ одного этаго предположенія! — Оставайся же тутъ, странное и таинственное начертаніе, прибавилъ онъ, поло-

живѣ ороскопѣ подѣ кипою подушекѣ; твои предсказанія сумазбродны и пагубны, потому, что бывѣ и сами по себѣ справедливы, заблуждаютѣ тѣхѣ, которые стараются ихѣ истолковывать.—Что это значитѣ! кто далѣ тебѣ право, и какѣ осмѣливаешься ты предстать передо мной, не бывѣ призыванѣ мною?

Такѣ говорилѣ онѣ Карлѣ Небекшамюсу, вбѣжавшему опромѣтью вѣ шатерѣ сѣ неизѣяснимымѣ волненіемѣ; уродливыя и нескладныя черты лица его, были еще безобразнѣе отѣ изображавшагося на нихѣ ужаса; выпученные глаза, разинутый ротѣ, сморщеныя, сухощавыя руки и пальцы были вытянуты и распростерты.

— Что здѣлалось? спросилѣ сѣ строгостію Султанѣ.

— *Аксипѣ гокѣ!* отвѣчалѣ карла едва переводя духѣ.

—Какѣ? что ты говоришѣ? вскричалѣ Саладинѣ.

— *Аксипѣ гокѣ!* сказалѣ еще разѣ карла, бывѣ такѣ взволнованѣ и встревоженѣ, что онѣ нечувствительно во второй разѣ повторилѣ тѣ же слова.

— Удались, сказалъ Саладинъ; я не въ духѣ теперь слушать твои глупости.

— Я на столько глупъ, чтобы прокормиться своимъ умомъ, по крайней бѣдности моей, отвѣчалъ Небектамюсъ; выслушайте меня, великой Султанъ; выслушайте меня.

— Дуракъ ли ты или мудрецъ, сказалъ Саладинъ, но если ты имѣешь жалобу до меня, то я какъ Король, долженъ выслушать тебя. Ступай за мной.

Онъ увелъ его во внутренній покой; чтобы ни было предметомъ ихъ разговора, онъ былъ прерванъ звуками трубъ, возвѣщавшихъ постепенно прибытіе различныхъ Христіанскихъ Владѣтелей. Саладинъ принялъ ихъ дружелюбно, съ свойственною ему вѣжливостію и приличіями ихъ сану; но ласковѣе всѣхъ обошелся онъ съ молодымъ Графомъ Гюнтингдономъ, котораго даже поздравилъ съ счастливымъ успѣхомъ его исканій, хотя имъ опровергались собственныя его надежды на соединеніе съ Эдифью Плантагенетъ.

— Но не думай, благородный молодой человѣкъ, сказалъ Султанъ, чтобы Саладинъ съ большимъ удовольствіемъ видѣлъ Шотландскаго Принца, нежели Ильдеримъ при встрѣчѣ съ Кеннетомъ въ степи, или Адонебекъ Эль-Гакимъ Нюбійца въ злополучіи. Твердая и мужественная душа, подобная твоей, сохраняетъ величіе свое независимо отъ званія и состоянія, равно какъ прохладительный напитокъ, который я теперь подношу тебѣ, также сладостенъ въ глиняной, какъ и въ золотой чашѣ.

Графъ Гюнтингдонъ отвѣчалъ сообразно обстоятельствамъ, изъявивъ великодушному Султану благодарность свою за важныя услуги, имъ оказанныя ему. Но отвѣдавъ шербетъ изъ чаши, поднесенной ему Султаномъ, онъ не могъ удержаться, чтобъ не прибавить съ улыбкою:

— Храброму Рыцарю Ильдериму неизвѣстны были Сѣверные льды и морозы, но великолѣпный Султанъ прохлаждаетъ свой шербетъ снѣгомъ.

— Какъ же ты хочешъ, чтобъ Арабъ или Курдъ равнялся знаніемъ своимъ съ Гакимомъ? отвѣчалъ Султанъ. Переряжаясь, должно примѣнять чувства и познанія ума своего къ принятому званію. Мнѣ хотѣлось видѣть, какимъ образомъ Франчистанской Рыцарь, исполненный чистосердечія и храбрости, выдержитъ споръ съ непросвѣщеннымъ полководцемъ, какимъ я казался тогда, и нарочно притворился сумнѣвающимся въ томъ, что мнѣ слишкомъ было извѣстно, чтобы посмотрѣть, чѣмъ подтвердишъ ты доказательства свои.

Въ продолженіи ихъ разговора Эрцъ-Герцогъ Австрійскій, стоящій не много поодаль, подступилъ услыша о шербетѣ, прохлажденномъ снѣгомъ, взялъ съ удовольствіемъ и безъ всякихъ околичностей чашу изъ рукъ Графа Гюнтингдона, сбиравшагося отдать ее.

— Превосходно! вскричалъ онъ, выпивъ залпомъ полчаши шербета, показавшагося ему вдвое пріятнѣе отъ вчерашняго перепоя и полуден-

наго жара; онъ со вздохомъ передалъ чашу Гросъ-Мейстеру Тампліеровъ.

Саладинъ подалъ знакъ Карлѣ, который выступивъ, произнесъ дикимъ голосомъ повторенныя имъ прежде слова: *Аксипѣ гокъ*. Тампліеръ затрепеталъ какъ конь, видящій вдоль дороги передъ нимъ выскочившаго изъ куста звѣря. Однакожъ онъ въ минуту оправился, и статься можетъ, чтобы скрыть свое волненіе, поднесъ чашу къ губамъ своимъ; но уста его только коснулись края чаши. Сабля Саладина сверкнула изъ ноженъ, какъ молнія разсѣкаетъ тучу, вознеслась къ верху, взмахнувшись надъ нимъ, и голова Гросъ-Мейстера отдѣлясь отъ туловища, покатилась въ конецъ шатра. Съ секунду туловище остановилось на мѣстѣ; рука еще зжимала держащую чашу; потомъ оно упало, и напитокъ смѣшался съ кровію, хлынувшею изъ него ручьемъ.

Крикъ: *измѣна! измѣна!* раздался со всѣхъ сторонъ. Эрцъ-Герцогъ Австрійскій, подлѣ котораго стоялъ Саладинъ съ окрбвавленною саблею

вЪ рукахЪ, отступилЪ на нѣсколько шаговЪ назадЪ, какЪ бы опасаясь, чтобЪ не дошла очередь до него. РишардЪ, и многіе другіе, занесли руку на шпагу свою.

—Не опасайтесь ничего, благородный Эрцъ-ГерцогЪ, сказалЪ СаладинЪ, такимЪ спокойнымЪ голосомЪ, какЪ бы ничего чрезвычайнаго не случилось. А вы, братЪ мой РишардЪ Англійскій, не раздражайтесь вами видѣннымЪ. Я предалЪ смерти этаго злодѣя, не вЪ наказаніе за всѣ вѣроломства его; не за то, что онЪ покушался на жизнь Короля Ришарда, что можетЪ засвидѣтельствовать собственный его щитоносецЪ; не за то, что онЪ преслѣдовалЪ Шотландскаго Принца и меня вЪ степи, такЪ что мы за спасеніе жизни своей, обязаны были только быстрому бѣгу нашихЪ лошадей; не за то, что онЪ взбунтовалЪ МаранитовЪ, уговоривЪ ихЪ нынче утромЪ напасть на насЪ, что бы они и сдѣлали, еслибЪ я сверхЪ чаянія его, не привелЪ сЪ собой довольнаго числа вооруженныхЪ АравовЪ, для опроверженія его

замысловъ, и усмиренія бунтовщиковъ. Ни за одно изъ этихъ преступленій, и всѣхъ содѣланныхъ имъ, видите вы плавающимъ его въ крови; но за то, что за полчаса до своего прихода сюда, осквернивъ насъ присутствіемъ своимъ, какъ Симунъ, заражающій воздухъ своимъ дыханіемъ, онъ умертвилъ кинжаломъ своего сослуживца, товарища и соучастника, Конрада Монтфератскаго, боясь, чтобы онъ не признался во всѣхъ гнусныхъ замыслахъ, вмѣстѣ ими составленныхъ.

— Какъ! вскричалъ Ришардъ, Конрадъ умерщвленъ Гросъ-Мейстеромъ! лучшимъ его другомъ, тѣмъ, кто служилъ ему секундантомъ; благородный Султанъ, я не сомнѣваюсь въ словахъ твоихъ, но дѣло это должно изслѣдовать, безъ чего....

— Вотъ свидѣтель тому, сказалъ Султанъ, указывая на Карла, котораго ужасъ еще не миновался. Алла, ниспосылающій свѣтящагося червяка для освѣщенія ночи, можетъ обнаружить тайныя злодѣянія самыми ничтожными средствами.

Потомъ Султанъ разсказалъ объявленное ему Карломъ. Изъ глупаго любопытства, или, какъ почти признался онъ, чтобы посмотрѣть, не найдется ли чего утащить, Небектамюсъ вошелъ въ палатку Маркиза, оставленную въ пустѣ всею его свитою; одни отправились извѣстить брата его объ его пораженіи, другіе пили и веселились на щетъ Султана, приказавшаго раздать по всѣму стану прохладительныя питья и закуски съ избыткомъ. Раненый спалъ, благодаря дѣйствію чудеснаго Саладинова талисмана; и такимъ образомъ Карла могъ на свободѣ все осмотрѣть. Но, послышавъ шумъ приближающагося человѣка тяжелыми ногами, онъ испугался и пряталея за занавѣсъ, сквозь который могъ видѣть и слышать все происходящее. Гросъ-Мейстеръ вошедъ, задернулъ полотно, служившее дверью у входа въ шатеръ. Онъ приближился къ жертвѣ своей, которая проснулась встрепенувшись, и казалось даже, что въ Маркизѣ тотчасъ родилось подозрѣніе о замыслѣ стариннаго своего товарища, пото-

му что онъ устрашеннымъ голосомъ спросилъ его, за чѣмъ пришелъ онъ возмущать его успокоеніе.

— Я пришелъ исповѣдать тебя, и разрѣшить грѣхи твои, отвѣчалъ Гросъ-Мейстеръ.

Устрашенный карла не могъ припомнить всего ихъ разговора, лишь только осталось у него въ памяти, что Конрадъ умолялъ Гросъ-Мейстера не сокрушать надломленной вѣтви; переломленной, прибавилъ Саладинъ, и что Тампліеръ вонзилъ ему въ сердцѣ кинжалъ, произнеся эти слова, *Аксипѣ гокъ*, произведшія такое глубокое впечатлѣніе на устрашенномъ воображеніи свидѣтеля.

— Я увѣрился въ истиннѣ этаго доноса, приказавъ освидѣтельствовать тѣло покойнаго; я велѣлъ этому жалкому творенію, котораго Алла употребилъ оружіемъ своимъ для открытія этаго преступленія, повторить въ вашемъ присутствіи произнесенныя слова убійцею, и вы сами видѣли, какое дѣйствіе произвели они надъ его совѣстью.

Султанъ умолкъ, и Англійскій Король сказалъ:

— Если все это справедливо, въ чемъ я ни мало и не сомнѣваюсь, то мы были свидѣтелями величайшаго дѣйствія правосудія; но для чего совершено оно въ нашемъ присутствіи, и собственною твоею рукою?

— Я располагалъ иначе, отвѣчалъ Саладинъ; но еслибъ я не ускорилъ его казнію, то онъ избѣгнулъ бы ее. Потому, что допустивъ его пить изъ чаши моей, я уже не могъ бы, не подвергаясь укоризны въ нарушеніи правъ гостепріимства, предать его смерти, столько имъ заслуженной! Еслибъ онъ умертвилъ отца моего, то пивъ изъ чаши моей, избѣгнулъ бы отъ моего мщенія; я не могъ бы коснуться до него волосомъ. Но прекратимъ этотъ разговоръ. Возьмите трупъ его отъ нашихъ глазъ, и да изгладится воспоминаніе объ его преступленіяхъ.

Тѣло было вынесено, и кровавые знаки происшедшаго, были скрыты такъ искусно и проворно, что судя по видимому, подобныя произшествія нерѣдко случались въ глазахъ

Саладиновыхъ чиновниковъ, которые ни мало не были тѣмъ встревожены или затруднены.

Однакожъ зрѣлище, которому они были свидѣтелями, тяготило Христіанскихъ Владѣтелей. По убѣдительнымъ приглашеніямъ Саладина, они сѣли за столъ на назначенныхъ имъ мѣстахъ, оставаясь въ молчаніи безпокойнаго подозрѣнія. Одинъ только Ришардъ казалось внутренно не тревожимъ былъ ни смущеніемъ, ни боязнію, ни подозрѣніемъ, хотя по видимому и былъ углубленъ, придумывая, какъ бы приступить къ предложенію, которое онъ збирался здѣлать Султану, желая получить отъ него удовлетворительный отвѣтъ. Наконецъ, выпивъ большой стаканъ вина, и оборотясь къ Султану, онъ спросилъ его, правдали это, что онъ удостоилъ Графа Гюнтингтона битвой?

Саладинъ отвѣчалъ, что онъ измѣрилъ прыткость своего коня и силы свои съ Шотландскимъ Принцемъ, какъ то водится всегда при встрѣчахъ рыцарей въ степи, прибавивъ съ скромностію, что хотя

бой ихъ остался не рѣшеннымъ, но онъ не можетъ похвастаться успѣхомъ. Шотландецъ съ своей стороны отклонялся отъ преимущества, отдаваемаго ему Султаномъ, приписывая ему всю славу того дня.

— Нужды нѣтъ, нужды нѣтъ! вскричалъ Ришардъ; одна уже встрѣча довольно дѣлаетъ тебѣ чести, и я завидую тебѣ въ ней гораздо больше, нежели во всѣхъ пріятныхъ улыбкахъ Эдифи Плантагенетъ, хотя ты за одну изъ нихъ выдержалъ нынче такой славный бой. Но какъ вы думаете, благородные Князья, прилично ли такому августѣйшему собранію Рыцарей, какъ теперешнее, разъѣхаться безъ всякихъ подвиговъ и ратоборства, которые остались бы въ памяти потомства? что значитъ паденіе и смерть измѣнника для лавроваго вѣнка? не ужъ ли намъ должно разстаться не умноживъ нашей славы знаменитымъ подвигомъ? Что вы на это скажете, достопочтенный Султанъ? для чего бы вамъ со мной, и въ присутствіи знаменитаго этаго собранія, не рѣшить давно продол-

жающійся вопросъ, о владѣніи Палестинской земли, для прекращенія утомительныхъ этихъ войнъ? Ристалище у насъ готово; Музульмане никогда не могутъ имѣть лучшаго тебя защитника; а я отвѣчаю здѣсь за всѣхъ Христіанъ, если не вызовется кто достойнѣе меня, и мы честно, дружелюбно сразимся, не щадя живота своего, за обладаніе Палестины.

Султанъ нѣсколько минутъ пробылъ безотвѣтно; живой румянецъ зардѣлся на челѣ его, и большая часть пирующихъ полагали, что онъ готовится принять вызовъ.

— Сражаясь за Святой градъ, наконецъ сказалъ онъ, противъ тѣхъ, кого почитаемъ мы идолопоклонниками, я могу надѣяться, что Алла укрѣпитъ руку мою: или, если я паду подъ мечемъ Мелекъ-Рика, то не могъ бы вкусить славнѣйшей смерти. Но Алла уже даровалъ Іерусалимъ правовѣрнымъ, то было бы безполезно испытывать Бога пророкова, понадѣясь на силы и искусство свое, и отваживать то, что могу я отстоять съ помощію войска.

— И такъ, сказалъ Ришардъ голосомъ человѣка, испрашивающаго милость у снисходительнаго друга и короткаго пріятеля, если не за Іерусалимъ, то за честь свою. По крайности проѣдимъ три раза по ристалищу, съ булатными копьями.

— По совѣсти не могу и въ этомъ удовлетворить вашего желанія, отвѣчалъ Саладинъ, улыбаясь дружескимъ убѣжденіямъ Ришарда, упрашивающаго выступить съ нимъ въ бой. Богъ даруетъ пастыря стаду для пользы стада, а не для выгодъ пастыря. Еслибъ у меня былъ сынъ, который бы могъ владѣть скиптромъ моимъ по смерти моей, то я могъ бы свободно располагать собой, и вступить съ вами въ бой, какъ всегда того желалъ. Но ваше писаніе также гласитъ: поражу пастыря, и разъидутся овцы.

— И такъ, вся слава и честь тебѣ одному принадлежитъ, щастливецъ! сказалъ Ришардъ, со вздохомъ Графу Гюнтингтону. Я отдалъ бы лучшій годъ моей жизни, за твои полчаса близь пустыннаго алмаза!

Рыцарское сумазбродство Ришарда оживило веселость всѣхъ гостей, и когда вставъ изъ застола, они распрощались навсегда, то Саладинъ подошедъ къ Львиному-Сердцу, взявъ его за руку, сказалъ:

—Достопочтеннѣйшій Англійскій Король, мы разстаемся навсегда. Мнѣ извѣстно, также хорошо какъ и самимъ вамъ, что союзъ крестоносцевъ расторгнутъ и походъ кончился, а ваша собственная армія слишкомъ малочисленна для довершенія этаго предпріятія. Я не могу уступить вамъ этаго Іерусалима, столько желаемаго вами. Городъ этотъ для насъ то же, что для васъ Римъ. Но чего бы впрочемъ ни потребовалъ отъ меня братъ мой, Ришардъ, то Саладинъ, если только возможно, все исполнитъ для него также легко и свободно, какъ этотъ источникъ снабжаетъ насъ своими водами. Да, и Саладинъ сдержитъ свое обѣщаніе, хотя бы случилось Ришарду очутиться въ этой степи только съ двумя копьеносцами.

Назавтра Ришардъ возвратился въ свой станъ; а черезъ нѣсколько дней потомъ, молодой Графъ Гюнтингтонъ женился на Эдифѣ Плантагенетъ. Султанъ прислалъ ему, въ видѣ свадебнаго подарка, славный Талисманъ. Имъ обязаны были великимъ множествомъ излѣченій въ Европѣ; но ни одно изъ нихъ не сравнилось успѣхомъ и чудесностью съ произведенными самимъ Саладиномъ. Этотъ Талисманъ еще существуетъ; Графъ Гюнтингтонъ завѣщалъ его одному храброму Шотландскому Рыцарю, Сиръ Мюнгіо Лею, котораго древняя и почтенная фамилія старательно сохранила; и хотя новѣйшая фармасія отвергла употребленіе этаго лѣкарства, но и нынче съ успѣхомъ пользуются имъ для унятія кровотеченія и противъ укушенія бѣшеныхъ собакъ.

Здѣсь оканчивается наше повѣствованіе; остальное принадлежитъ Исторіи.

КОНЕЦЪ.

ВЪ книжныхЪ лавкахЪ СвѢшникова, состоящихЪ на Никольской и Ильинской улицахЪ, вЪ МосквѢ, продаются слѢдующія книги:

Антикварій, сочиненіе СирЪ Валтера-Скотта; перев. сЪ Французскаго И. К... вЪ 4 частяхЪ. Москва, вЪ Т. Селив. 1826 года.— Имя Валтера-Скотта давно славится во всѢхЪ просвѢщенныхЪ земляхЪ и оригинальные Романы его почти вездѢ читаются сЪ такимЪ же удовольствіемЪ, какое они приносятЪ его соотечественникамЪ. ОнЪ первый поставилЪ РоманЪ на ту высокую степень, какую сей піитической родЪ по содержанію и цѢли своей занимать долженЪ вЪ области Литтературы. Сей Писатель постигЪ великую тайну, обыкновенными произшествіями возбуждать любопытство читателей и поддерживать оное вЪ продолженіе повѢствованія. Лучшія сочиненія его не заключаютЪ ничего сверхЪ-естественнаго; вездѢ свѢжая жизнь, вездѢ природа во всемЪ ее разнообразіи, вездѢ богатство мыслей, почерпнутыхЪ изЪ глубины сердца человѢческаго. Другая отличительная черта его РомановЪ есть неподражаемое сочетаніе вымысла сЪ истинною, и искуство изображать характерЪ людей сЪ удивительною вѢрностію вЪ отношеніи ко времени, вЪ коемЪ они существовали, и кЪ званію, какое они занимали вЪ обществѢ. Естьли просвѢщенная Россійская Публика благосклонно приняла изданные предЪ симЪ романы Валтера-Скотта, вЪ

коихъ изображены были свойства различнаго состоянія людей, жившихъ въ минувшихъ вѣкахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что его Антикварій, представляющій характеры и дѣйствія людей настоящаго времяни достойно оцѣненъ будетъ, и что каждый образованный читатель найдетъ въ немъ существенную пользу уму и сердцу. — Цѣна 20 руб.

Единбургская темница, сочиненіе Сиръ Валтера-Скотта, перев. съ Франц. А. З.... въ 4 част. М. въ Типогр. Селиван. 1825 года.—При сочиненіи сей повѣсти цѣлію Автора было: подтвердить священную истину, что порокъ, до какой бы степени земнаго величія ни удалось ему вознестись, ни когда не доставитъ счастія; что сдѣланныя преступленія (кѣмъ бы то ни было) долго производятъ пагубныя слѣдствія; и что добродѣтель, хотя не ведетъ къ свѣтскимъ почестямъ, но приводитъ къ вѣрнѣйшей цѣли: къ спокойствію и блаженству. Всякой, прочитавши сію повѣсть, увѣрится, что Авторъ не напрасно трудился; что искуснымъ разсказомъ занимательныхъ и вѣроятныхъ, а можетъ быть даже истинныхъ событій, возбуждая любопытство, онъ дѣйствуетъ на сердцѣ наше и волю, первое смягчая, послѣднюю направляя къ оной благонадежной, прекраснѣйшей цѣли, дѣйствуетъ съ чудесною силою, слѣдовательно весьма успѣшно. Сей единственный Писатель всегда помнитъ извѣстное правило: на что и искуство, когда оно безполезно? Цѣна 20 руб.

раз-
въ
нія,
щій
оя-
нъ,
ль
зу

ъ

